

rocketbook

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

*Жизнь
Шарлотты Бронте*

Элизабет Гаскелл
Жизнь Шарлотты Бронте

«ЭКСМО»

УДК 821.111.09(410)
ББК 83.3(4Вел)

Гаскелл Э.

Жизнь Шарлотты Бронте / Э. Гаскелл — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-90446-4

Жизнеописание Шарлотты Бронте, ставшее не только одной из самых популярных книг, но и вызвавшее немалые споры, обвинения и даже судебные процессы. Вряд ли будет преувеличением предположить, что биография, написанная по горячим следам известной писательницей, современницей и подругой Шарлотты – Элизабет Гаскелл (1810–1865), внесла немалую лепту в сохранение памяти и формирование культа Бронте. Предлагаемый читателю русский перевод основывается на полном первом издании «Жизни Шарлотты Бронте».

УДК 821.111.09(410)

ББК 83.3(4Вел)

ISBN 978-5-699-90446-4

© Гаскелл Э.

© Эксмо

Содержание

Предисловие	6
Том I	13
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Элизабет Гаскелл

Жизнь Шарлотты Бронте

Elizabeth Gaskell
Life of Charlotte Bronte

© Мария Рубинс, перевод на русский язык, предисловие, комментарии, 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», оформление, 2016

* * *

Предисловие

Жизнь, культ, миф: Элизабет Гаскелл – биограф Шарлотты Бронте

В свое время Д. Х. Лоуренс, автор скандально известного бестселлера «Любовник леди Чаттерлей», так отреагировал на произведения Василия Розанова: «Русские всегда на смертном одре». Возможно, трезвому и рациональному британскому уму фиксация на смерти, столь характерная для русской культуры, показалась несколько гротескной. Сам Лоуренс, напротив, утверждал животворящее начало, пытаясь нащупать пути выхода из мертвящей механистической цивилизации к подлинной жизни в гармонии с космическими вибрациями. Однако, если мы обратимся к истории английской литературы, мы обнаружим ничуть не менее осязаемое присутствие смерти. Для этого достаточно лишь вспомнить о семействе Бронте, не только творчество, но и вся жизнь которого пронизана едва ли не непрерывной агонией. Шарлотта, ее сестры и брат творили буквально «на смертном одре». Испытания, выпавшие на долю этой семьи, кажутся настолько чрезмерными, как будто над ней тяготел неумолимый, известный лишь греческой трагедии рок. Потеряв мать, когда ей было лишь шесть лет, Шарлотта пережила четырех сестер и брата, проведя большую часть жизни в трауре и в уходе за смертельно больными членами семьи, и сама скончалась в возрасте тридцати восьми лет, через девять месяцев после свадьбы, и, по всей видимости, вместе со своим так и не увидевшим свет ребенком. Впрочем, Шарлотту Бронте можно было бы считать едва ли не долгожителем, ведь средняя продолжительность жизни в ее деревне Хауорт была в то время около двадцати шести лет.

Если учесть, что родилась она в небогатой и ничем не примечательной семье провинциального пастора и провела почти всю жизнь в глухой, затерянной посреди болот деревеньке, то всплеск творческой энергии и внезапная всемирная слава, посетившая ее после публикации первого же романа, покажутся почти чудом. В последние годы своей недолгой жизни эта болезненно застенчивая, комплексующая из-за своей непривлекательной наружности, угловатая провинциалка будет беседовать на равных с самыми знаменитыми писателями своего времени, высказывать нелюбимые вещи всеобщему кумиру Теккерею и сдержанно отклонять многочисленные приглашения в элитарные лондонские гостиные. Шарлотта опубликовала при жизни лишь три романа, хотя последовавшие за «Джейн Эйр» «Шерли» и «Городок» так и не смогли превзойти или хотя бы сравняться с первым по популярности. Отношения Шарлотты с ее издателем Джорджем Смитом становились все более натянутыми, и ей потребовалась специальная поездка в Лондон, чтобы уговорить его не отказываться от планов публикации «Городка». Когда посмертно вышла в свет ее ранняя повесть «Учитель», публика оказалась скорее разочарована, а критики сочли ее лишь незрелым черновым вариантом третьего романа. Трудно предположить, как развивалась бы литературная судьба Шарлотты Бронте после ее ухода, особенно учитывая необычайный расцвет викторианского романа в середине и во второй половине XIX века, если бы вскоре не появилось ее жизнеописание, ставшее не только одной из самых популярных книг, но и вызвавшее немалые споры, обвинения и даже судебные процессы. Вряд ли будет преувеличением предположить, что биография, написанная по горячим следам известной писательницей, современницей и подругой Шарлотты Элизабет Гаскелл (1810–1865), внесла немалую лепту в сохранение памяти и формирование культа Бронте.

Идея биографии возникла совершенно спонтанно. Вскоре после смерти Шарлотты 31 марта 1855 года в «Шарпс Лондон Магазин» появилась статья о писательнице, автор кото-

рой отзывался о ней не слишком лестно и искажал некоторые факты ее жизни. Это не ушло от внимания ее ближайшей подруги Эллен Насси (1817–1897), и в письме мужу и отцу Шарлотты она высказала мнение, что следовало бы опубликовать опровержение, а заодно и познакомить публику с достоверной информацией о писательнице. В качестве будущего биографа Эллен Насси предлагала кандидатуру Элизабет Гаскелл. Муж Шарлотты, Артур Белл Николлс (1819–1906), счел статью достаточно безобидной и не стоящей опровержения, однако отец Шарлотты поддержал инициативу Эллен и 16 июня сам написал Гаскелл, предлагая ей составить «краткий обзор» жизни и творчества его дочери.

Гаскелл познакомилась с Шарлоттой в доме общих знакомых, сэра Джеймса и леди Кэй Шатллворт, за пять лет до этого, между ними сразу возникла взаимная симпатия, они регулярно переписывались и изредка наносили друг другу визиты. Поэтому она с энтузиазмом откликнулась на предложение Патрика Бронте (1777–1861) и уже 23 июля прибыла в Хауорт в сопровождении своей приятельницы. По ее словам, это посещение было крайне тяжелым: «и господин Бронте и господин Николлс горько рыдали...». Близкие и друзья Шарлотты предоставили ей сотни писем, кроме этого, она посетила ряд ее знакомых в поисках других необходимых сведений, добравшись даже до Брюсселя. В результате в самые рекордные сроки вместо «краткого обзора» Гаскелл написала монументальную биографию в двух томах. Опубликовать ее взялся лондонский издатель Бронте Джордж Смит. Он же уговорил Артура Николлса дать разрешение на публикацию – у последнего начали зарождаться сомнения по поводу целесообразности столь подробного описания жизни его жены, чьи литературные занятия и широкая известность смущали его еще при ее жизни. Помимо этого, он не ожидал, что Гаскелл будет столь подробно цитировать предоставленную ей переписку.

«Жизнь Шарлотты Бронте» вышла в свет 27 марта 1857, когда Элизабет Гаскелл отдыхала в Италии. Она была быстро распродана, и вскоре было подготовлено второе издание. Однако одновременно с успехом автора биографии поджидали обвинения в клевете. Во-первых, родственники В. К. Вилсона сочли ложными описания антисанитарных условий и бесчеловечного обращения в созданной и управляемой им школе Кован-Бридж. Гаскелл в данном случае полностью приняла точку зрения Шарлотты, чьи детские воспоминания об этой школе были эмоционально окрашены в первую очередь в связи с тем, что две ее сестры, Мария и Элизабет, заболели во время обучения там и вскоре скончались. Именно школа Кован-Бридж была описана в романе «Джейн Эйр» как Ловуд, а прототипом ее директора Брокльхерста послужил именно Вилсон. Однако если писатель и мог допустить некоторую субъективность оценок в художественном произведении, биографу такая вольность не позволялась. Во-вторых, угроза судебного расследования поступила и со стороны леди Скотт, бывшей Лидии Робинсон, которая, по версии Гаскелл, соблазнила брата Шарлотты Бренуэлла, работавшего гувернером ее детей, а затем отреклась от него, дабы не лишиться наследства по завещанию ее мужа. Это, по убеждению Гаскелл, и привело Бренуэлла к ранней трагической гибели. В-третьих, хотя и не угрожая Гаскелл судом, свое неудовольствие выразил и отец Шарлотты, которого особенно возмутили намеки на его вспыльчивый характер и на то, что он якобы лишал своих маленьких детей мясной пищи. К счастью, дело быстро уладили Джордж Смит и супруг Элизабет Гаскелл, преподобный Вильям Гаскелл, служивший священником Унитарной церкви в Манчестере. Судебных расследований удалось избежать; публичные извинения леди Скотт от имени автора биографии принес в «Таймсе» Вильям Гаскелл. Смит согласился изъять из продажи второе издание книги, а 22 августа 1857 года появилось третье исправленное издание, в котором главы 4 и 13 первого тома были существенно переработаны, и изменения были внесены еще в целый ряд эпизодов. Оно и стало на долгие годы стандартным текстом, хотя и не вполне соответствующим изначальным намерениям биографа. Предлагаемый читателю русский перевод основывается на полном первом издании «Жизни Шарлотты Бронте».

Скандал вокруг биографии, как обычно и бывает в подобных случаях, пробудил еще больший интерес читателей как к тексту, так и к персонажу Бронте. А Элизабет Гаскелл вошла в историю английской литературы в первую очередь как автор «Жизни Шарлотты Бронте», хотя она написала многочисленные романы и повести, в свое время весьма популярные, но затем почти забытые. Жизнеописание Бронте до сих пор считается одним из высших достижений биографического жанра, по крайней мере, для англоязычной традиции. Это связано с целым рядом факторов. Гаскелл писала эту книгу так, как писала свою художественную прозу, уделяя особое внимание созданию социально-исторического фона, подробному описанию нравов, характеров, образа жизни людей определенной эпохи. Ей удалось выразить особенности йоркширского духа, указать на истоки изоляционистской ментальности жителей этой отгороженной от окружающего мира грядями холмов местности, обнаружить отзывчивость и простодушие за их внешней грубоватой неприветливостью, забавно передать их неповторимый диалект. Современникам Гаскелл любопытно было узнать о том, что в их быстромодернизирующемся королевстве, в котором индустриальная революция, ускоренный рост городов и энергичное строительство железных дорог повлекли за собой активные миграционные процессы и неизбежное стирание региональных различий, все еще существуют столь самобытные и малодоступные уголки. На фоне этой широкой панорамы, воссозданной в первых главах биографии, психологический портрет Бронте кажется более убедительным. Такие приемы в середине XIX века еще не потеряли своей оригинальности, если учесть, что до этого биографы скорее стремились запечатлеть образ исключительного, возвышающегося над толпой героя, чем показать, как нечто великое и оригинальное может выйти из вполне заурядной среды.

Уже в первом своем романе, «Мери Бартон» (1848), Гаскелл заявила о себе как о писателе, сосредоточенном на серьезной социальной проблематике, обратившись к тяжкому положению манчестерских рабочих, более того, явно выразив свою солидарность с рабочими, а не с фабрикантами. (Неудивительно, что Карл Маркс впоследствии отнес ее к «блестящей плеяде английских романистов».) Наряду с другими писателями она способствовала трансформации английского романа из развлекательного в серьезный жанр, призывавший к размышлениям об устройстве мира. С другой стороны, часть произведений Гаскелл посвящены поэтическому воссозданию провинциального, уходящего в прошлое уклада, что особенно полно отразилось в «Крэнфорде» (1853). Наконец, немалое значение имел и ее интерес к специфически женскому опыту, проблемам и переживаниям. В романе «Руфь» (1853), например, Гаскелл обращается к критике отношения общества к «падшей женщине», а в последнем, незаконченном романе «Жены и дочери» (1864–1866) продолжает исследовать разные типы женских судеб и характеров. Все эти навыки – понимание тонкостей женской души, умение дать точную психологическую характеристику персонажа, способность уловить динамику социальных процессов, интерес к провинциальному образу жизни, – наряду с близким знакомством с Шарлоттой Бронте и доступностью сотен писем и свидетельств, – способствовали успеху биографии. Оригинальный подход Гаскелл также отразился в том, что на протяжении почти всей книги мы слышим голос самой Шарлотты, а за собой автор оставляет лишь скромную роль комментатора ее переписки, восстанавливающего хронологию событий и воссоздающего исторический, этнографический и культурный контекст.

Тон автора не оставляет сомнений в ее глубокой симпатии к своему персонажу. Симпатия эта, возможно, была основана на осознании многочисленных параллелей в их судьбах. Обе были дочерьми и женами священников, обе выросли в английской провинции, обе рано лишились матерей, к обеим известность пришла после публикации первой же книги. Приведенная в биографии переписка с Бронте самой Гаскелл свидетельствует о том, что они во многом придерживались сходных взглядов на современное общество и культуру и имели общие литературные вкусы. Обе внесли вклад в развитие романа Викторианской эпохи и,

придерживаясь традиционных религиозно-моральных принципов, отстаивали право женщин на творчество и самореализацию вне круга традиционных семейных обязанностей. Отличия же заключались в том, что Элизабет Гаскелл состоялась также как жена и мать многочисленного семейства (она вырастила четырех дочерей, потеряв сына в раннем возрасте, – именно после этой трагедии муж уговорил ее обратиться к литературному творчеству, результатом чего и стал ее первый роман). Если Шарлотта по натуре была затворницей, то Гаскелл часто проводила время в светском обществе и путешествиях. Но главное заключается в том, что в конечном счете определило гораздо более высокое положение Бронте в иерархии английских писателей XIX века – в отличие от Гаскелл она всегда отстаивала приоритет воображения и придавала актуальным социальным вопросам общечеловеческое и вневременное звучание.

Какой же образ Шарлотты создан на страницах этой биографии? Трудно не заметить, что Гаскелл вновь и вновь подчеркивает разнообразные добродетели Бронте, ее глубокую религиозность, скромность, требовательность к себе, приоритет дочернего и семейного долга над стремлениями к личной свободе. Эта жертвенность, вкупе с постоянными физическими и душевными терзаниями, превращает Бронте едва ли не в хрестоматийную христианскую мученицу. Именно так пыталась представить свою подругу Эллен Насси, чьи письма и рассказы были для Гаскелл основным источником информации. Шарлотта училась с Эллен в пансионе мисс Маргарэт Вулер, и они на всю жизнь сохранили близкие отношения. Семья Насси жила недалеко от Хаурта, и Шарлотта с детства периодически гостила у них, хорошо знала всех членов семьи, а в марте 1839 года даже получила предложение от брата Эллен. Генри Насси служил викарием в Сассексе и аргументировал свои матримониальные чаяния в письме к своей избраннице необходимостью для него как священника «со временем обзавестись женой, которая заботилась бы о его учениках». (Это было одно из трех предложений руки и сердца, отклоненных Шарлоттой, о которых упоминает Гаскелл.) Шарлотта, впрочем, с детства утверждала, что замужество не входит в ее жизненные планы. Эллен Насси, которая сама так и не вышла замуж, вначале не одобряла ее неожиданную помолвку с Артуром, затем девушки помирились благодаря посредничеству мисс Вулер, и Эллен присутствовала на свадьбе в качестве подружки невесты. Последний раз они виделись в Хаурте в сентябре 1854 года. Месяц спустя муж Шарлотты неодобрительно отозвался об их якобы слишком вольной переписке. Эллен пообещала уничтожить письма Шарлотты, но не выполнила свое обещание. Когда Элизабет Гаскелл согласилась написать биографию Бронте, сам Артур Николлс посоветовал ей обратиться к Эллен. В результате в распоряжении Гаскелл оказалось около трехсот писем Шарлотты. Сама Насси посвятила всю последующую жизнь сохранению памяти о своей знаменитой подруге, она сотрудничала также с другими биографами и даже сама писала заметки о семье Бронте. В конце жизни письма Шарлотты приобрел у нее обманным путем Томас Вайз, заверив ее, что передаст их в Британский музей или в музей Виктории и Альберта, однако вместо этого они были просто выгодно проданы.

Кроме Эллен Насси, в письмах Шарлотты часто идет речь о ее второй подруге детства – Мери Тэйлор (1817–1893). Она была гораздо более независимой и темпераментной, чем довольно заурядная и ограниченная Эллен. Мери выступала за женскую эмансипацию и писала статьи феминистского содержания. Вслед за своим братом она направилась в Новую Зеландию, где вначале поддерживала себя уроками, а затем основала магазин в Веллингтоне и занялась сельским хозяйством. Со временем она также передала Элизабет Гаскелл письма Шарлотты, которые вошли в последующие издания книги.

Несмотря на столь обширный документальный материал, Гаскелл не считала нужным вдаваться в некоторые более интимные подробности жизни своей подруги, и в этом она оставалась верной как памяти Шарлотты, так и пуританскому духу Викторианской эпохи. Испытываемая ею неловкость очевидна уже в последних главах книги, где она описывает исто-

рию отношений Шарлотты с ее будущим мужем. О былых же ее влюбленностях она вообще не упоминает. Самым существенным сознательным пробелом, без знания которого трудно до конца понять истоки затяжной депрессии Бронте после возвращения из Бельгии в 1844 году, была ее безнадежная любовь к господину Эже.

Константин Жорж Ромен Эже (1809–1896) преподавал в брюссельской школе для мальчиков Атене Ройаль, а также давал уроки французской литературы в пансионе для девочек, принадлежащем его супруге Клэр Зое Эже (в девичестве Паран, 1804–1890). Именно он и стал учителем Шарлотты и Эмили, когда они прибыли в пансион госпожи Эже для совершенствования своего образования. Константин Эже стал прототипом Вильяма Кримсворта в романе Бронте «Учитель», а также персонажей других ее произведений. Он бесспорно был незаурядной личностью, вполне способной покорить сердце романтически настроенной английской барышни. Сын разорившегося ювелира, в юности он провел какое-то время в Париже, подумывая о карьере юриста, но в 1829 году вернулся в Брюссель, где через год принял участие в революции и даже сражался на баррикадах. Его первая жена и ребенок умерли в 1833 году, после чего он начал давать уроки в пансионе Зое Паран и женился на ней в 1836 году. За последующие десять лет у них родилось десять детей, и по всем признакам брак был вполне счастливым. Влюбленность Шарлотты в ее учителя была настолько очевидна всем окружающим, что именно этим и можно объяснить заметное охлаждение в ее отношениях с директрисой в течение второго года ее пребывания в пансионе, когда Шарлотта не только продолжала свое обучение, но и преподавала английский язык. Попытка Гаскелл отнести это за счет принципиальных религиозных разногласий между яркой католичкой Зоей Эже и убежденной протестанткой Шарлоттой Бронте выглядит не слишком убедительно. В период сбора материалов для биографии Гаскелл посетила супругов Эже. Они поделились с ней воспоминаниями о Шарлотте и показали ей ее страстные письма, которые она писала господину Эже после возвращения в Англию вплоть до ноября 1845 года. Мадам Эже нашла обрывки этих писем в мусорной корзине, тщательно склеила их и сохранила, скорее всего для того, чтобы доказать невиновность своего мужа, если кто-нибудь попытается инсинуировать адюльтер, тем самым грозя повредить как его учительской репутации, так и репутации ее заведения в целом. Письма эти позднее были переданы их сыном Полем в Британский музей, а опубликованы впервые они были лишь в 1913 году. Гаскелл цитирует из этой переписки чрезвычайно сдержанно, чтобы не допустить и намека на подлинные чувства Шарлотты, а ее подавленное состояние, допуская явный анахронизм, объясняет переживаниями, связанными с Бренуэллом.

Другой романтический интерес Шарлотты, который трудно заподозрить, читая биографию, – это ее влюбленность в своего издателя Джорджа Смита, энергичного молодого предпринимателя, искушенного в мире литературного бомонда. Смит с матерью гостеприимно раскрывали перед Шарлоттой двери своего дома во время ее визитов в столицу, возили осматривать лондонские достопримечательности, знакомили с писателями, сопровождали в театр. Она находила у них уютное убежище, отдыхая после погружения в непривычный для нее вихрь лондонских развлечений. Джордж был моложе Шарлотты на восемь лет, и этот возрастной разрыв, в сочетании с «отсутствием каких бы то ни было претензий на привлекательность» с ее стороны, не способствовал взаимности. Как говорил позднее сам Смит: «Я никогда не мог полюбить женщину, у которой не было бы некоего шарма или изящества, а Шарлотта Бронте не обладала ни тем, ни другим... Но мне кажется, что моя мама одно время была довольно-таки встревожена». Тем не менее Шарлотте удалось завоевать сердце менеджера компании «Смит и Элдер» Джеймса Тейлора, однако он оставил ее равнодушной, так как, с ее точки зрения, ему не хватало изысканности манер и интеллекта.

Шарлотта вступила в брак с Артуром Николлсом в позднем, по представлениям того времени, возрасте. При всей немногословности Гаскелл дает понять читателю, что со сто-

роны Шарлотты он не воспринимался как романтический союз. Артур, как и отец Шарлотты, был выходцем из небогатой фермерской семьи Северной Ирландии. Он учился в Тринити-колледж, самом известном университете Ирландии, основанном в конце XVI века по повелению Елизаветы I для обучения протестантов. По окончании университета он получил место викария в приходе отца Шарлотты в Хауорте. Долгие годы он наблюдал за ней со стороны, не решаясь выказать своих чувств. Когда же он набрался решимости для того, чтобы сделать ей предложение, между ними возникло неожиданное препятствие в виде сопротивления Патрика Бронте. Этот пастор и отец шестерых детей, оказывается, был в принципе против брака и семьи и какое-то время эгоистично пытался удержать от этого шага своего последнего из оставшихся в живых детей. Его недалёковидность вскоре получила подтверждение: после смерти Шарлотты именно Артур оставался рядом с Патриком Бронте и заботился о нем до его смерти. Затем он уехал на родину, где вскоре женился на своей кузине Мери Энн и занялся сельским хозяйством, навсегда оставив карьеру священника. Именно Артур оказался единственным наследником и правообладателем всего семейства Бронте. Кстати, его, так же как Эллен Насси, обманул Вайз, действуя через своего представителя Клементы Шортера, который за бесценок выманил у Артура архивные материалы. Оставшиеся вещи и бумаги Шарлотты Бронте были проданы в 1907 и 1914 гг. вдовой Артура.

По мере создания культа Бронте скудные сведения о биографии Артура Белла породили разные домыслы о его роли в жизни его знаменитой супруги. Иногда дело даже доходило до обвинений в том, что он препятствовал литературным занятиям Шарлотты и едва ли не был повинен в ее ранней смерти. В последнее время исследователи чаще обращаются к различным документальным и архивным источникам, пытаясь создать более взвешенный портрет этого персонажа. Одной из таких попыток является написанная Аланом Адамсоном биография «Мистер Шарлотта Бронте: Жизнь Артура Белла Николлса» (2008). А в 2009 году вышел роман Сири Джеймс «Тайные дневники Шарлотты Бронте», в котором автор пишет от лица писательницы, пытаясь вообразить, что содержал бы ее дневник, если бы таковой был действительно написан. Тайный поклонник, а затем и супруг Шарлотты занимает в этой книге гораздо более центральное место, превращаясь из суховатого и несколько ограниченного субъекта, каким его поневоле представила Элизабет Гаскелл, опиравшаяся на предвзятое мнение Эллен Насси, в гораздо более привлекательного и романтического персонажа.

С момента рождения Шарлотты Бронте прошло ровно двести лет, а интерес к ее творчеству и личности продолжает неизменно расти. Большая часть ее жизни, как свидетельствуют письма Бронте, обильно цитируемые в этой книге, была отмечена одиночеством, тоской и однообразием, и заслуга ее первого и пока еще непревзойденного биографа состоит в том, чтобы из этой внешней несобытийности соткать увлекательный рассказ о неповторимой человеческой судьбе, обладающий мифотворческим потенциалом и способный вдохновлять людей разных эпох, иного исторического и культурного опыта. В качестве одного из примеров творческого отклика можно привести стихотворение поэта первой волны русского зарубежья Анны Присмановой, испытывавшей в парижском изгнании духовное родство с английской писательницей ушедшей в прошлое викторианской эпохи. Этим стихотворением, опубликованным в журнале «Русские записки» в 1939 году и первоначально озаглавленным «Шарлотта Бронте» (впоследствии «Сестры Бронте»), мне и хотелось бы завершить это предисловие:

О времени не спрашивай счастливых,
несчастливым памятники приготовь:
дай мрамору из золота курсивы
и ангелам дай каменную бровь.

Легко сгорает оболочка тела,
внутри которой угольный костер.
От близких труб деревня закоптела,
но черный крест над ней еще остер.

Эмилия, о дикий сок лаванды,
о лилия, о мертвый соловей!
Таясь от всех, ты уносила в ланды
избыток тщетной гордости твоей.

Живут грехи былого поколения:
порок детей восходит к их отцам.
Но дух страдания для окрыленья
дает перо заклеванным сердцам.

И вот Шарлотта с грузной головою
пером гусиным вскрыла бедный кров,
где три сестры во мгле внимали вою
неумолимых северных ветров.

Перо она на редкость крепко держит:
строенье из неправильных костей,
к несчастью, в тесноте своей содержит
притушенный огонь больших страстей.

Скрыв страсти под непрочной оболочкой,
держу и я чернильный край крыла.
Дочь лекаря, я пасторскою дочкой
одной из Бронте – некогда была.

Увы, для нас в конце, как и в начале,
преграда счастью – внутренний наш суд.
Но вдохновенье, знание печали
и время – неудачников спасут.

Мария Рубинс

Том I

Глава 1

Железнодорожная линия Лидса и Брэдфорда проходит по долине Эр – реки неспешной и ленивой по сравнению с соседней рекой Уорф. Станция Кейли расположена на этой ветке, в четверти мили от городка с тем же названием. Количество обитателей и значение Кейли существенно возросли в последние двадцать лет благодаря быстро увеличивающемуся числу ткацких мануфактур, на которых трудятся главным образом йоркширские рабочие из окружающих Брэдфорд районов.

Кейли находится на стадии превращения из густонаселенной старомодной деревни в столь же густонаселенный процветающий городок. Любому приезжему бросается в глаза, что как только дома, углом выступающие на постоянно расширяющуюся улицу, оказываются необитаемыми, их тут же сносят, чтобы высвободить дополнительное пространство для проезжей части и дать волю более современному архитектурному стилю. Причудливые узкие витрины магазинов пятидесятилетней давности уступают место широким окнам. Кажется, что почти каждое жилище связано к каким-либо видом коммерции. Спешно проезжающий через городок путешественник вряд ли заметит, где здесь живет столь необходимый порой юрист или врач, которые встречаются повсеместно в наших традиционных городах, выросших вокруг соборов. Действительно, мало что столь противоположно по состоянию общества, образу мыслей, привычным представлениям о морали, манерах и даже политике и религии, как такой скороспелый северный промышленный центр, как Кейли, и любой величавый, сонный, живописный провинциальный городок на юге страны. Однако внешний вид Кейли вполне обещает будущее величие, если не живописность. В нем преобладает серый камень, и кварталы выстроенных из него домов создают впечатление незыблемого величия из-за их однообразных, приземистых очертаний. Дверные и оконные проемы даже самых маленьких домиков вытесаны из каменных блоков. Нигде нет крашеного дерева, требующего постоянного обновления, чтобы не казаться обветшавшим. Камень же поддерживается в идеальной чистоте славными йоркширскими домохозяйками. Вскользь брошенному внутрь жилища взгляду случайного прохожего открывается грубоватое изобилие, и он замечает, что здешние женщины привыкли добросовестно трудиться. Но обитатели отличаются резкими, неблагозвучными голосами и вряд ли обладают музыкальным вкусом, характерным для этого региона, уже подарившего музыкальному миру Карродуса¹. Имена на магазинных вывесках (как и только что упомянутое) поражают своей странностью даже жителя соседнего графства и передают причудливый дух этого места.

Кейли так и не превращается в сельскую местность до самого Хауорта, хотя дома становятся все более редкими по мере того, как путешественник поднимается к серым округлым холмам, которые как будто преграждают ему дальнейший путь на запад. Сперва появляются виллы, удаленные от дороги ровно настолько, чтобы показать, что их владельцы вряд ли принадлежат к разряду людей, которые поспешно оторвутся от своих уютных каминных кресел, дабы откликнуться на зов страждущих или находящихся в опасности. Юрист, доктор и священник живут в центре, а не в пригороде за зеленым заграждением.

В городе не стоит искать ярких тонов, хоть какую-то окраску имеют лишь товары в разнообразных лавках, но не листва и не атмосферные эффекты. Так как за городом мы

¹ Джон Типплади Карродус (1836–1895) – композитор и скрипач, уроженец Йоркшира.

невольно ожидаем некоторой яркости и насыщенности тона, нейтрально-серый оттенок каждого предмета между Кейли и Хауортом, независимо от того, близко или далеко он расположен, вызывает легкое разочарование. Расстояние от Кейли до Хауорта около четырех миль, и, как я уже сказала, все эти виллы, огромные шерстяные мануфактуры, ряды домов мастеровых и то здесь, то там попадающиеся старомодные фермы и прилегающие к ним постройки вряд ли можно назвать «загородом». Первые две мили дорога проходит по равнинной местности, в отдалении слева виднеются холмы, в долине справа журчит речка, которая в определенных местах снабжает водой расположенные на ее берегах фабрики. Из-за дыма, поднимающегося от всех этих жилищ и рабочих построек, воздух кажется тусклым и светонепроницаемым. В долине (или в «низинке», если использовать местное словечко) почва плодородна, но по мере того, как дорога поднимается вверх, растительность становится все более чахлой, вялой и не склонной к бурному цветению; вместо деревьев дома окружены лишь кустарником. Повсюду вместо заборов используются каменные ограждения, а скудный урожай, который дают участки пахотной земли, составляет бледный, изголодавшийся серо-зеленый овес. На пути путешественнику попадает деревня Хауорт, ее он видит еще за две мили, она расположена на крутом склоне живописного холма, а позади нее виднеются коричневато-багровые торфяные болота, возвышающиеся даже над церковью, построенной на самом высоком месте в конце длинной и узкой улицы. До самого горизонта простираются все те же извилистые, волнообразные ряды холмов, за одной грядой тут же возникает другая, того же цвета и очертаний, а на самой вершине их венчают унылые пустынные болота. В зависимости от настроения наблюдателя они или предстают величественными из-за внушаемых ими мыслей об уединении, или же подавляющими из-за того, что кажутся замкнутыми внутри какого-то бесконечного и однообразного ограждения.

На коротком отрезке дорога, кажется, поворачивает в сторону от Хауорта, она петляет, огибая подножие холма, но затем идет через мост над речкой, после чего начинается восхождение к деревне. Булыжники, которыми она вымощена, вмонтированы вертикально, чтобы дать за что зацепиться лошадиным копытам, но даже несмотря на эту подмогу, они постоянно едва не соскальзывают вниз. Старые каменные дома слишком высоки для этой узкой улицы, что делает необходимым резко повернуть перед выездом на более ровное место в центре деревни, а в одном месте из-за крутизны склон похож на стену. Преодолев это препятствие, мы замечаем церковь, расположенную слева, немного в стороне от дороги. Еще сто ярдов, и кучер может расслабиться, а лошадь облегченно вздохнуть, поворачивая в тихую боковую улочку, ведущую к дому пастора. Церковный двор расположен на одной стороне улочки, а школа и дом церковного сторожа (где раньше размещались викарии) – на другой.

Дом пастора стоит перпендикулярно к дороге, напротив церкви. Таким образом, дом, церковь и школа с колокольной образуют три стороны неправильного прямоугольника, четвертая сторона которого разомкнута к виднеющимся вдали полям и болотам. Внутри этого прямоугольника находятся церковный двор и садик перед домом пастора. Так как вход в дом сбоку, дорожка огибает угол и направляется к небольшому земельному участку. Под окнами находится узкая цветочная грядка, в прошлом весьма ухоженная, хотя приживаются здесь лишь самые морозоустойчивые растения. Внутри каменной стены, отделяющей садик от окружающего его церковного двора, растут бузина и сирень, остальное пространство занято квадратным газоном и посыпанной гравием дорожкой. Крыша двухэтажного дома из серого камня сплошь покрыта булыжниками, так как более легкую кровлю легко бы снес ветер. Кажется, дом был построен около ста лет назад. На каждом этаже расположено четыре комнаты. Если стоять лицом к входной двери и спиной к церкви, то справа можно увидеть два окна кабинета мистера Бронте, а слева два окна гостиной. Все здесь дышит изысканным порядком, самой безупречной чистотой. На ступеньках ни пятнышка, маленькие старомод-

ные окна блестят как зеркало. Внутри и снаружи опрятность достигает своей подлинной сути – непорочности.

Как я уже сказала, маленькая церковь² возвышается почти над всеми остальными домами в деревне, а кладбище, битком набитое вертикальными надгробиями, расположено еще выше. Часовня претендует на звание самой старинной в этой части королевства, хотя это и незаметно, судя по ее современному внешнему виду, за исключением двух неперестроенных восточных окон и нижней части шпиля. Внутри форма колонн выдает дату постройки до царствования Генриха VII. Возможно, давным-давно на этом самом месте стояла «полевая церквушка» или молельня³. Кроме того, в архиепископском реестре значится, что в Хауорте с 1317 года была часовня. Жители отсылают тех, кто интересуется точной датой, к следующей надписи, выбитой на камне внутри церковной башни:

*Nic fecit Cænobium Monachorum Auteste fundator. A.D. sexcentissimo*⁴.

То есть до прихода христианства в Нортумбрию⁵. По словам Уитейкера⁶, подобная ошибка произошла в результате неграмотного копирования каким-то современным резчиком надписи в духе эпохи Генриха VIII, находящейся на соседнем камне:

*Orate pro bono statu Eutest Tod*⁷.

«Сейчас каждый любитель древности знает, что молитвенная формула «bono statu» относится к здравствующим. Я подозреваю, что столь необычное христианское имя, как Эутест, было ошибочно написано вместо имени Аустет, сокращенной формы Эустазиуса, но слово Tod, ранее неправильно расшифрованное как арабские цифры 600, совершенно ясно и разборчиво. На основании этой необоснованной претензии на древность жители требовали независимости и противились праву брэдфордского священника назначать пастора Хауорта».

Я процитировала этот отрывок с целью разъяснить, что в основании волнений, происходивших в Хауорте около тридцати пяти лет назад и о которых мне еще предстоит рассказать подробнее, лежала чистая небыллица.

Интерьер церкви самый обыкновенный, он не слишком старинный, не слишком современный, чтобы привлечь внимание. Сиденья из черного дуба с высокими перегородками, имена владельцев тех или иных отгороженных секций написаны на дверцах белой краской. Нет ни латунных мемориальных досок, ни алтарей-усыпальниц, ни памятников, но на стене справа от стола для причастия висит табличка со следующей надписью:

Здесь покоятся останки
Марии Бронте, супруги
Его преподобия П. Бронте, пастора Хауорта.
Ее душа отошла к Спасителю 15 сентября 1821 года
На 39 году жизни.

«Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Евангелие от Матвея, Глава 24: 44).

Также здесь покоятся останки

² Церковь времен Бронте была снесена в 1879 году. Пасторский дом сохранился почти без изменений, и сейчас в нем размещается музей Бронте.

³ В Англии полевые церкви возводились помещиками на полях, с недавних пор используемых для возделывания земли. Они занимали самый низкий ранг в церковной иерархии.

⁴ Здесь монахом Аутестом был основан монастырь. 600 г. до Р.Х. (*лат.*)

⁵ Нортумбрия – англосаксонское государство, существовавшее на севере Англии с 655-го по 867 г., когда оно было завоевано викингами.

⁶ Томас Данхэм Уитейкер (1759–1821) – антиквар и топограф, автор трудов о Ланкашире и Йоркшире.

⁷ Молитесь за здравие Эутеста Тода (*лат.*)

Марии Бронте, ее дочери,
Умершей 6 мая 1825 года на 12-м году жизни,
и
Элизабет Бронте, ее сестры,
Умершей 15 июня 1825 года на 11-м году жизни.
«Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство
Небесное».

(Евангелие от Матвея, Глава 18: 3).

Здесь также покоятся останки

Патрика Бренуэлла Бронте,

Умершего 24 сентября 1848 года в возрасте 30 лет.

и

Эмили Джейн Бронте,

Умершей 19 декабря 1848 года в возрасте 29 лет,

Сына и дочери Его преподобия П. Бронте, приходского священника.

Этот камень также посвящен памяти

Энн Бронте,

Младшей дочери преподобного П. Бронте.

Она умерла в возрасте 27 лет 28 мая 1849 года и

Похоронена в старой церкви Скарборо.

В верхней части доски между строками оставлены большие пробелы; когда писались первые посвящения, любящие родственники вряд ли задумывались над тем, сколько места они оставляют для ныне здравствующих. Но по мере того, как члены семьи один за другим сходили в могилу, строчки становились более плотными, а маленькие буквы все больше жались друг к другу. После сообщения о смерти Энн никому больше места не осталось.

Но еще один из этого выводка осиротевших птенцов должен был уйти, прежде чем бездетный вдовец смог обрести покой. На иной табличке, пониже первой, к траурному списку добавлена следующая надпись:

Здесь покоятся останки

Шарлотты, супруги

Преподобного Артура Белла Николлса

И дочери преподобного П. Бронте, пастора.

Скончавшейся 31 марта 1855 года на

39 году жизни.

Глава 2

Для более правильного представления о жизни моей дорогой подруги Шарлотты Бронте важнее, чем во многих других случаях, было бы познакомить читателя с отличительными особенностями общественного устройства и населения, среди которого прошли ее ранние годы и которые повлияли на их с сестрами первые впечатления. Поэтому перед тем, как продолжить свой труд, я постараюсь дать вам некоторое представление о характере обитателей Хаурта и его округа.

Даже житель соседнего графства Ланкастер бывает поражен необычайной силой характера йоркширцев. Они представляют собой интересный тип людей. В то же время каждый сам по себе обладает исключительной самостоятельностью, что придает им независимый вид, вполне способный оттолкнуть незнакомцев. Я употребляю выражение «самодо-

статочность» в самом широком смысле слова. Осознавая свою величайшую прозорливость и непоколебимую силу воли, которые кажутся прирожденными качествами уроженцев Вест Райдинга, каждый из них полагается только на себя и не прибегает к помощи соседа. Редко пользуясь чьей-либо поддержкой, они не видят особого смысла и в оказании помощи кому-либо другому: из-за успешного, как правило, результата своих усилий они начинают слишком верить в себя и преувеличивать свою силу и энергию. Они принадлежат к тому пронизательному, хотя и недальновидному классу людей, которые считают за особую мудрость подвергать сомнению всех, чья честность не подкреплена неопровержимыми доказательствами. Они весьма уважают в человеке практическую сметку, но недостаток доверия к незнакомцам и поступкам, не основанный на опыте, распространяется даже на их отношение к добродетелям, которые, если они не приводят к непосредственному и осязаемому результату, по большей части отвергаются ими как непригодные для жизни, состоящей из труда и борьбы, особенно если эти добродетели носят скорее пассивный, чем активный характер. Их привязанности крепки и глубоки, но они не простираются вширь – что, впрочем, и характерно для подобных привязанностей – и не выходят на поверхность. В целом этому дикому и грубому племени почти не свойственна любезность. Они грубоваты в обращении, звуки и интонация их речи резки и суровы. Отчасти это можно отнести за счет вольного горного воздуха и уединенной жизни на горных склонах, а отчасти досталось им от их неотесанных скандинавских предков. Они легко разгадывают свойства характера и обладают живым чувством юмора; тот, кто живет среди них, должен быть готов к некоторым нелюбезным, хотя по большей части справедливым замечаниям, высказанным без обиняков. Их чувства пробуждаются медленно, но живут долго. Поэтому они способны на крепкую дружбу и преданную службу. Для правильной иллюстрации того, как проявляется последнее качество, мне нужно лишь обратить внимание читателя «Грозного перевала»⁸ на персонаж Иосифа.

Из того же корня произрастает стойкая неприязнь, в некоторых случаях доходящая до ненависти, которая иногда передается из поколения в поколение. Помнится, мисс Бронте однажды рассказывала мне, что в Хаурте имела хождение следующая поговорка: «Держи камень в кармане семь лет, переверни его и держи еще семь лет, чтобы ты всегда сумел достойно встретить врага».

Уроженцы Вест-Райдинга подобны рызскивающим клад ищущим, которых пустили на поиски клада. Мисс Бронте поведала моему мужу забавный эпизод, красноречиво демонстрирующий эту неукротимую страсть к обогащению. Один знакомый ей мелкий предприниматель активно занимался местными спекуляциями, которые всегда заканчивались удачно и сделали его весьма состоятельным человеком. Ему уже перевалило за средний возраст, когда ему вздумалось застраховать свою жизнь. Едва он оформил свой полис, как тяжело заболел, и всего лишь через несколько дней смертельный исход оказался неминуем. Доктор нерешительно сообщил ему о его безнадежном состоянии. «Черт побери! – вскричал он с прежним напором. – Мне удастся перехитрить страховую компанию! Я всегда был везучим!»

Это стойкие и хитрые люди, преданные и упорные в достижении достойной цели, беспощадны в выявлении злого умысла чужаков. Им не свойственно предаваться эмоциям, их не просто превратить в друзей или врагов, но стоит им кого-либо полюбить или возненавидеть, их трудно переубедить. Духовная и физическая мощь этого племени проявляется одинаково в добре и зле.

Прядильно-ткацкие мануфактуры появились в этом регионе при Эдварде III. По преданию, в Вест-Райдинге поселилась колония фламандцев, которые научили местных жителей обрабатывать шерсть. То, что следствием стало сочетание земледельческого и мануфактурного труда, преобладавшее до недавнего времени, звучит довольно идиллически сегодня, по

⁸ «Грозной перевал» (Wuthering Heights, 1847) – единственный роман Эмили Бронте.

прошествию долгих лет, когда сохранились лишь мифические представления, а подробности забыты или же вспоминаются лишь исследователями, изучающими несколько отдаленных районов Англии, где до сих пор чтут традиции. С точки зрения сегодняшних представлений, весьма поэтичной выглядит картинка, рисующая хозяйку и ее горничных, сидящих за массивными прялками, в то время как хозяин занят пахотой или же пасет скот на пурпурных пустошах. Но когда такую жизнь ведут и по сей день и мы слышим о ней из уст современников, всплывают грубые подробности – неотесанность крестьян в сочетании с предприимчивостью торговцев, распущенность и свирепое беззаконие, – все это весьма омрачает картину пасторальной невинности и простоты. Все же, так как исключительные и преувеличенные черты любой эпохи оставляют наиболее живые воспоминания, было бы неверно и, с моей точки зрения, безответственно заключить, что те или иные формы общественного устройства и образа жизни не были наиболее подходящими для того периода, в котором они преобладали, хотя спровоцированные ими злоупотребления и общий мировой прогресс привели к их полному исчезновению, и было бы столь же абсурдно пытаться вернуться к ним, как взрослому мужчине вновь облачиться в детскую одежду.

Патент, выданный олддермену Кокейну⁹, и последующие ограничения, установленные Джеймсом I на экспорт некрашенных шерстяных изделий (усугубленный запретом Голландских земель на ввоз крашеного английского полотна), нанесли существенный ущерб предпринимателям Вест-Райдинга. Независимость их характера, неприязнь к власти и мощный интеллект предопределили их возмущение религиозным диктатом таких людей, как Лод, и произвольностью правления Стюартов, а урон, нанесенный Джеймсом и Чарльзом промышленности, которая позволяла им зарабатывать на жизнь, превратил большинство из них в сторонников Английской республики¹⁰. У меня еще будет возможность привести несколько примеров теплых чувств и обширных познаний в области как внутренней, так и внешней политики, которыми и по сей день обладают жители деревень, расположенных к западу и востоку от горного хребта, который разделяет Йоркшир и Ланкашир, чье население принадлежит к одному и тому же племени и обладает одинаковыми свойствами.

Потомки многих из тех, кто служил под предводительством Кромвеля в Данбаре¹¹, все еще живут на землях, принадлежавших в ту эпоху их предкам, и, возможно, нет другого уголка в Англии, где так долго сохранялись бы стойкие и трепетные воспоминания о Республике, как на этих землях Вест-Райдинга, населенных работниками прядильно-ткацких мануфактур, получивших отмену ограничений в их отрасли промышленности благодаря благоприятной торговой политике Лорда Протектора. По достоверным сведениям, не далее как тридцать лет назад фраза «во времена Оливера» широко употреблялась для обозначения периода необычайного процветания. Имена, преобладающие в этом краю, служат еще одним доказательством того, каких героев здесь почитают. Энтузиасты политики и религии не замечают нелепости имен, которые они дают своим детям, и не далее чем в двенадцати милях от Хаурга можно найти младенцев, которым предстоит прожить жизнь Ламартинами, Коссутами или Дембинскими¹². Подтверждением моих слов о традиционном характере этого края является тот факт, что библейские имена, распространенные среди нонконформистов, все

⁹ Олддермен – член муниципалитета, представляющий район Лондона. До начала семнадцатого века англичане не могли красить полотно и обычно посылали его для окраски в Голландию. Джеймс I выдал патент на окраску материй английскому олддермену Кокейну, что сильно ограничило свободу предпринимателей. Ограничения были отменены во время Протектората Кромвеля.

¹⁰ Английская республика – период правления в Англии во время междоусобицы с 1649-го по 1660-е гг., после казни короля Чарльза I.

¹¹ В 1650 году Оливер Кромвель с многочисленной армией вторгся в Шотландию, где одержал решительную победу при Данбаре.

¹² Имена героев европейских революций 1848 года. Ламартин прославился во Франции, Коссут – в Венгрии, Дембински – в Польше.

еще преобладают в большинстве йоркширских семей среднего и низшего классов, независимо от их религиозных убеждений. Существуют многочисленные свидетельства того, что во время преследований при Чарльзе II лишившиеся места священнослужители находили здесь укрытие как у дворян, так и у бедных жителей. Все эти мелкие факты свидетельствуют о передающемся по наследству духе независимости и постоянной готовности противостоять злоупотреблениям властью, которые и по сей день отличают жителей Вест-Райдинга.

Приход Халифакса соприкасается с приходом Брэдфорда, в состав которого входит церковь Хаурта, и оба расположены в безлюдной гористой местности. Благодаря обилию угля и множеству горных ручьев край этот благоприятен для развития мануфактурного производства, и, как я уже сообщала, местные жители столетиями занимались ткачеством, а также сельским хозяйством. Однако торговый обмен долгое время не способствовал проникновению удобств цивилизации в эти далекие деревни и беспорядочно раскиданные поселения. В своей «Жизни Оливера Хейвуда»¹³ мистер Хантер цитирует фразу из воспоминаний некоего Джеймса Райтера, жившего в царствование Елизаветы, и фраза эта не потеряла актуальности и по сей день: «Они не заискивают ни перед кем и не упражняются в любезности, следствием чего является их мрачный грубоватый юмор, и чужеземец будет шокирован тоном вызова в каждом голосе и свирепостью каждого облика».

Даже в наши дни приезжему стоит лишь задать вопрос, чтобы получить сварливый ответ, если его вообще удостоят ответом. Иногда мрачная грубость превращается в чистой воды оскорбление. Однако если «приезжий» обладает чувством юмора или просто, как само собой разумеющееся, воспримет эту нелюбезность и сможет пробудить в них подспудную доброту и гостеприимство, то в них обнаружатся верность и щедрость, и на них безусловно можно будет положиться. В качестве небольшой иллюстрации неотесанности, свойственной всем классам в этих отдаленных деревнях, я могу привести маленькое приключение, произошедшее со мной и с моим мужем три года назад в Аддингеме¹⁴, одной из деревень в нескольких милях от Хаурта, пославших воинов на знаменитую старинную битву на поле Флодден.

Проезжая по улице, мы увидели, как в дом прямо перед нами, пошатываясь, ввалился один из тех вечных неудачников, которых как магнитом притягивают всяческие несчастья: его угораздило прыгнуть в протекавшую сквозь деревеньку речку как раз в том месте, куда выбрасывают битое стекло и бутылки. Он был голый и в крови почти с головы до пят, кроме пореза на руке, у него была полностью вскрыта артерия, и ему грозила вполне вероятная смерть от потери крови – что, по словам одного пытавшегося успокоить его родственника, «избавило бы его от многих неприятностей».

Приостановив кровотечение с помощью ремешка, который один из зевак отстегнул от своей ноги, муж спросил, послали ли за хирургом.

– Да, – был ответ. – Хотя вряд ли он придет.

– Почему же?

– Видите ли, он старик и страдает астмой, а идти надо в гору.

Взяв мальчишку в проводники, мой муж помчался к дому хирурга, находившемуся на расстоянии около трех четвертей мили. Там он увидел выходящую из дома тетю раненого парня.

– Он идет? – поинтересовался муж.

– Ну, он не сказал, что не придет.

– Надо сказать ему, что парень может изойти кровью.

¹³ Оливер Хейвуд (1630–1702) – священник-нонконформист, проповедовавший в Ланкашире и Йоркшире. Его биография, написанная Джозефом Хантером, появилась в 1842 г.

¹⁴ Здесь Гаскелл приводит пару строк из баллады, принадлежавшей перу йоркширского учителя Ричарда Джексона: «От Пеннигент до Пендл Хилл, От Линтона до Лонг-Аддингема, ...».

– Я сказала.

– А он что?

– Только «Черт его побери, а мне-то что за дело?».

Кончилось тем, что он послал одного из своих сыновей, который, не имея хирургического образования, сумел сделать необходимые перевязки и припарки. Отговорка по поводу самого хирурга состояла в том, что «ему почти восемьдесят, он слегка в маразме, и у него около двадцати детей».

В толпе сторонних наблюдателей наименее потрясенным выглядел брат пострадавшего. Пока тот лежал в луже крови на каменном полу и вопил от боли в руке, его стоический родственник хладнокровно стоял, покуривая черную трубку, и так и не произнес ни единого слова сочувствия или сожаления.

С населением до середины семнадцатого века обращались грубо и жестоко, в соответствии с дикими обычаями, господствовавшими на подступах к дремучему лесу, с обеих сторон покрывавшему склоны холмов. Мужчинам и женщинам, повинным в самых незначительных проступках, головы секли без суда и следствия, порождая тем самым упорное безразличие к жизни человека, впрочем, не всякого. Дороги были так плохи, что даже около тридцати лет назад между деревнями почти не было сообщения, и единственное, что все же удавалось сделать, это в срок доставлять промышленные изделия на рынок тканей. В маленьких домиках на дальних косогорах или в уединенных жилищах мелких вельмож совершались преступления, о которых практически никто и не узнавал, по крайней мере они не сопровождалась широким народным возмущением, требующим правосудия. Следует помнить, что в ту эпоху не существовало сельской полиции, а горстка судей, которых никто не контролировал и которые, как правило, состояли друг с другом в родстве, были в целом весьма терпимы к эксцентричному поведению и закрывали глаза на проступки, подобные тем, совершить которые они и сами были вполне способны.

Мужчины, едва достигшие зрелости, рассказывают о своей юности, проведенной в этой части страны, где зимой они ездили по грязи, доходящей до подпруги лошади, где лишь неотложные дела могли побудить их покинуть свой дом и где эти дела сопровождалась такими трудностями, которые сейчас, когда на рынки Брэдфорда они отправляются в первом классе скорого поезда, кажутся им совершенно нереальными. Например, один фабрикант вспоминает, как не более чем двадцать пять лет назад ему нужно было вставать зимним утром ни свет ни заря, чтобы поспеть в Брэдфорд с огромным фургоном, груженным шерстяными товарами его отца: этот груз упаковывался ночью, но утром, до того, как тяжелый фургон мог двинуться в путь, вокруг него собиралась большая толпа, и под всполохи фонарей обследовались лошадиные копыта, затем кому-нибудь приходилось на четвереньках ощупывать то здесь то там, и непременно надо было постукивать посохом вдоль длинного, крутого и скользкого обрыва, чтобы определить, где лошади могут пройти безопасно, пока не достигнут относительно ровной главной дороги с глубокими колеями. Всадники ездили по верхним болотам, следуя по пятам за вьючными лошадьми, доставлявшими посылки, багаж или товары из одного городка в другой, между которыми не было проезжей дороги.

Но зимой все эти передвижения были невозможны по причине того, что на ледяной возвышенности снег лежал крайне долго. Я была знакома с людьми, которые, путешествуя на почтовых через перевал Блэкстоун, застряли из-за снегопада на неделю или десять дней на маленьком постоялом дворе у самой вершины и вынуждены были отмечать там Рождество и Новый год. Когда запас продуктов, рассчитанный на потребление хозяина и его семейства, истощился из-за нашествия нежданных гостей, они начали поглощать индеек, гусей и йоркширские пироги, которыми была нагружена почтовая карета. Когда и эти запасы подходили к концу, их вызволила из плена удачно подоспевшая оттепель.

Как бы ни были изолированы горные деревушки, они все же были отрезаны от окружающего мира не до такой степени, как переходящие по наследству из поколения в поколение серые дома, которые можно увидеть то здесь то там в плотных впадинах посреди торфяных болот. Это небольшие жилища, но они отличаются прочностью и достаточно просторны; их обитателям принадлежат окружающие владения. Часто земли были собственностью одной и той же семьи со времен Тюдоров, хозяева эти фактически являются последними представителями мелких землевладельцев, сквайров, которые быстро исчезают как класс по одной из двух причин. Или владелец предается лени и пьянству, что в конечном итоге заставляет его продать имение, или же, будучи более сообразительным и хитроумным, он обнаруживает, что ручей, текущий по склону горы, или же минералы, находящиеся у него под ногами, можно обратить в новый источник дохода, и, оставив прежнюю размеренную жизнь землевладельца с маленьким капиталом, он становится предпринимателем, или начинает добывать уголь, или сооружает каменоломню.

И все же и по сей день можно найти обитателей одиноких, расположенных далеко на возвышенности домов; их существование является достаточным свидетельством того, какая причудливая эксцентричность, какая сила воли, да нет, какая неестественная тяга к преступлению может быть взлелеяна образом жизни, при котором человек редко встречается с себе подобным и при котором общественное мнение – лишь отдаленное и невнятное эхо неких голосов, более отчетливо звучащих лишь за широким горизонтом.

Уединенная жизнь порождает капризы, легко превращающиеся в манию. А сильный йоркширский характер, едва ли укрощенный в результате контактов в шумных «городах и весях», в старину проявлялся в наиболее отдаленных местах в странных причудах. Мне недавно рассказывали о забавном случае, связанном с одним землевладельцем (правда, проживавшим на склоне холма уже в Ланкашире, но по природе и крови похожим на обитателей противоположного склона). Его доход составлял 700 или 800 фунтов в год, а дом его отличался привлекательными старинными чертами, как будто свидетельствующими о знатности его предков. Мой осведомитель был поражен видом этого дома и предложил своему местному гиду подойти поближе, чтобы хорошенько осмотреть его. Последовал ответ: «Лучше не надо. Он начнет ругаться. Он уже подстрелил несколько человек, целясь им в ноги, за то, что они приблизились к его дому». Убедившись после дополнительных расспросов в том, что таков и вправду был обычай этого сквайра, мой знакомый отказался от своего намерения. Мне кажется, что сей дикий помещик все еще жив.

Другой сквайр, более высокого происхождения и обладавший более обширными угодьями – исходя из этого, хочется предположить и лучшее образование, но это не всегда так, – скончался в своем доме в Хаурте всего лишь несколько лет назад. Его самым любимым развлечением были петушиные бои. Оказавшись прикованным к постели из-за болезни, которая, как он понимал, сведет его в могилу, он приказывал приносить петухов в спальню и наблюдал за кровавым зрелищем из своей постели. Когда его состояние ухудшилось и он не мог больше поворачиваться, чтобы наблюдать за схваткой, вокруг него были установлены зеркала таким образом, чтобы он все же мог видеть сражающихся петухов. Так он и умер.

Это все лишь отдельные примеры эксцентричного поведения, которые ни в какое сравнение не идут с рассказами о настоящем насилии и преступлениях, происходивших в этих изолированных жилищах, о чем все еще помнят местные старики, некоторые из которых были, конечно, знакомы авторам «Грозового перевала» и «Незнакомки из Уайлдфелл-Холла»¹⁵.

Низшие классы вряд ли были способны предаваться более гуманным забавам, чем богатые и образованные. Джентльмен, который столь любезно сообщил мне вышеназванные

¹⁵ «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» (1848) – второй и последний роман Энн Бронте.

подробности, помнит, как всего лишь тридцать лет назад в Рокдейле развлекались травлей быка. Быка привязывали веревкой или цепью к столбу посреди реки. Чтобы повысить уровень воды, а также дать возможность работникам наблюдать за диким зрелищем, хозяева имели обыкновение останавливать свои мельницы в дни, отведенные для этого спорта. Иногда бык внезапно поворачивался, так что веревка сшибала с ног всех, кто по неосторожности стоял в воде в пределах ее радиуса, и славные жители Рокдейла возбужденно наблюдали за тем, как тонула парочка их соседей, как затравливали быка и как разрывало в клочья собак.

Жители Хаурта обладали не меньшей силой и крутостью нрава, чем их соседи с противоположного склона. Деревня расположена среди торфяных болот и между двумя графствами, у старой дороги между Кейли и Колном. Около середины прошлого века она получила известность среди религиозных людей как место, где проводил богослужения преподобный Уильям Гримшо, который в течение двадцати лет был священником Хаурта¹⁶. До этого священники, скорее всего, принадлежали тому же ордеру, что и некий преподобный Никольс, который был йоркширским священником в дни, последовавшие за Реформацией; он «не был врагом бутылки и веселой компании» и имел обыкновение говорить своим собутыльникам: «Вы должны меня слушать, только когда я нахожусь на высоте три фута над землей», т. е. на кафедре.

Жизнеописание преподобного Гримшо принадлежит перу Ньютона¹⁷, друга Каупера, и из него можно узнать любопытные детали о том, каким образом неотесанные жители оказались под влиянием и контролем человека глубоких убеждений и исключительной целеустремленности. Кажется, он совсем не отличался религиозным рвением, хотя придерживался морального образа жизни и сознательно выполнял обязанности по отношению к своему приходу до того момента, пока в одно сентябрьское воскресенье 1774 года служанка, встав в пять утра, не обнаружила своего господина за молитвой. Она сообщила, что, пробыв какое-то время в своей спальне, он направился для совершения богослужения в дом одного прихожанина, а затем вновь вернулся домой на молитву; оттуда, все еще натошак, пошел в церковь, где потерял сознание за чтением второго урока и, частично придя в себя, был выведен на улицу. На выходе он обратился к прихожанам, попросив их не расходиться, так как он имеет им кое-что сообщить и быстро вернется. Его отвели в дом писаря, и он опять потерял сознание. Слуга растер его, чтобы восстановить кровообращение, и, очнувшись, он, казалось, находился в состоянии «великого экстаза». Его первыми словами были: «Мне было даровано чудесное видение третьего неба». Он не уточнил, что именно он видел, но вернулся в церковь и вновь приступил к службе, начавшейся в два часа дня и закончившейся только в семь.

С этого времени, с рвением Уэсли¹⁸ и фанатизмом Уайтфилда¹⁹, он посвятил себя тому, чтобы пробуждать в прихожанах религиозные чувства. Они имели обыкновение играть по воскресеньям в футбол, используя для этой цели камни, и вызывали на поединок другие приходы, которые, в свою очередь, бросали вызов им. На болотах прямо над деревней периодически проводились скачки, которые были сопряжены с пьянством и тратой денег. Почти ни одна свадьба не обходилась без такого грубоватого развлечения, как бег на перегонки, и

¹⁶ Вильям Гримшо (1708–1763) – священник Хаурта с 1742 г. до своей смерти.

¹⁷ Джон Ньютон (1725–1807) – священник и автор «Воспоминаний о жизни Вильяма Гримшо», опубликованных в 1854 г.

¹⁸ Джон Уэсли (1703–1791) – англиканский священник и теолог, один из основателей евангелического движения методизм. Чарльз Уэсли (1707–1788) – младший брат Джона, известен как автор около шести тысяч церковных гимнов.

¹⁹ Джордж Уайтфилд (1714–1770) – один из самых известных английских проповедников XVIII в. Вместе с братьями Уэсли, с которыми он познакомился во время обучения в Оксфорде, стал основателем методизма. Уайтфилд семь раз посетил Америку, где активно проповедовал как в южных, так и в северных штатах. Был сторонником рабовладения и способствовал его повторной легализации в Джорджии после отмены в 1735 г. Сам использовал рабский труд, но относился к рабам гуманно. Умер в городке Ньюберипорт штата Массачусетс.

полуголые бегуны были скандальным зрелищем для всех благопристойных гостей. Старинный обряд похоронных пиров часто приводил к кровавым дракам между пьяными гостями. В подобных обычаях внешне проявлялся характер людей, с которыми приходилось иметь дело преподобному Гримшо. Но разными способами, включая самые практические, он произвел в своем приходе великую перемену. Иногда во время проповеди ему помогали Уэсли и Уайтфилд, и в эти дни церквушка казалась слишком маленькой, чтобы вместить толпы людей, прибывавших из далеких деревень и затерянных среди торфяных болот селений, так что нередко они вынуждены были собираться под открытым небом, а в церкви места не хватало даже для причащающихся. Однажды Уайтфилд, произнося проповедь в Хауорте, выразился в том духе, что многого можно было бы и не говорить в этой общине, уже столько лет находящейся под руководством столь набожного и благочестивого священника. Услышав эти слова, преподобный Гримшо привстал со своего места и громко произнес: «Сэр, ради бога, не говорите этого. Умоляю вас не льстить им. Боюсь, что многие из них идут прямой дорогой в ад, даже не пытаясь раскаяться». Но если они и двигались в этом направлении, то совсем не из-за недостатка усилий преподобного Гримшо по предотвращению столь плачевного исхода. Он обычно совершал молебны двадцать-тридцать раз в неделю в частных домах. Если он замечал, что кто-то невнимательно слушает его, он останавливался, чтобы сделать замечание провинившемуся, и не возобновлял службу, пока не видел всех собравшихся коленапреклоненными. Он очень упорно настаивал на строгом соблюдении воскресного дня, не позволяя прихожанам между службами даже прогуляться по полям. Иногда он задавал очень длинный псалом (по преданию, 119-й) и, пока его пели, покидал свою кафедру и, взяв кнут, направлялся в пивные, где сек бездельников и гнал их в церковь. Только самые расторопные умудрялись избежать пасторского наказания, удирая через черный ход. У него было крепкое здоровье и ловкое тело, и он скакал вдаль и вширь по холмам, «пробуждая» тех, в ком раньше не замечалось никаких религиозных чувств. Чтобы сэкономить время и не обременять семьи, в чьих домах он проводил свои молебны, он возил с собой собственную еду; все, что он брал на день в таких случаях, состояло из ломтя хлеба с маслом или же сухаря и сырой луковицы.

Преподобный Гримшо совершенно справедливо возражал против скачек, так как они привлекали в Хауорт немало праздношатающихся, дурно влиявших на местных жителей, всегда готовых полыхнуть пламенем греха, как легко воспламеняющаяся материя, к которой подносят спичку. По преданию, он прибегал к разного рода убеждениям и даже устрашениям, чтобы прекратить скачки, но все было тщетно. В конце концов, отчаявшись, он принялся молиться с таким рвением и искренностью, что начались невиданные ливни и затопили весь грунт, и хотя толпа и готова была терпеть низвергавшиеся с неба потоки, не осталось сухого места ни для человека, ни для скота. Таким образом скачки Хауорта были отменены и до сих пор не возобновились. И по сей день местные жители чтут память об этом славном человеке, а его богослужения и добродетели составляют гордость прихода.

Но после его кончины, к сожалению, произошел возврат к диким и грубым языческим обычаям, от которых их отучил этот страстный и сильный человек. Он построил часовню для методистов Уэслейяна, а вскоре после этого свой молебельный дом открыли баптисты. По словам доктора Уитакера, население этой местности на самом деле является весьма «набожным», однако пятьдесят лет назад их религия еще до конца не проникла в их жизнь. Четверть века назад на основе представлений их скандинавских предков у них сформировался моральный кодекс. Кровная месть вменялась в долг наследнику и передавалась от отца к сыну, а способность много пить не пьянея считалась одним из мужских достоинств. Возобновились воскресные футбольные матчи, в которых состязались соседними приходами, что приводило к наплыву буйных чужаков, заполнявших пивные, побуждая более трезвомыслящих жителей ностальгически вспоминать о железных кулаках и кнуте преподобного Гримшо. Старый

обычай поминальных пиров соблюдался так же широко, как в былые времена. Церковный сторож, стоя у открытой могилы, объявлял, что поминки будут проходить в «Черном Быке» или в любой иной пивной, выбранной для этой цели друзьями покойного; туда и направлялись родственники и их знакомые. Обычай этот зародился из-за необходимости как-то накормить тех, кто прибыл издалека, чтобы в последний раз почтить память усопшего. Жизнеописание Оливера Хейвуда включает пару цитат, проливающих свет на то, из каких закусок состояли трапезы в семнадцатом веке в тихой среде нонконформистов²⁰: в первой цитате (из Торесби) говорится о «холодном напитке из эля и кислого молока, маринованных сливах, кексе и сыре», которые подавались на поминках Оливера Хейвуда. Во второй упоминается весьма скудное (что и неудивительно для 1673 года) угощение, состоящее «лишь из кусочка кекса, глотка вина, веточки розмарина и пары перчаток»²¹.

Но поминки в Хауорте часто бывали гораздо более веселым событием. У бедных людей было заведено угощать каждого гостя лишь пряной булочкой, а затраты на алкогольные напитки – ром, эль или же коктейль из того и другого, известный под названием «синий нос» – обычно компенсировались самими гостями, которые бросали монеты на блюдо, стоящее посередине стола. Более состоятельные приглашали своих друзей на ужин. На похороны преподобного Чарнока²² (священника, занявшего пост преподобного Гримшо после его кончины) было приглашено около восьмидесяти человек, и ужин, стоивший 4 шиллинга 6 пенсов на человека, был целиком оплачен друзьями покойного. Так как немногие «отказались от алкогольных напитков», в течение этого дня происходили частые случаи мордобоя, для верности в ход шли и ноги, и локти, и зубы.

Хотя я описала исключительные черты, отличающие дюжих обитателей Вест-Райдинга, какими они были в первой четверти этого века и даже позднее, я не сомневаюсь, что и сегодня многое в повседневной жизни этих независимых, своевольных и угрюмых людей потрясет тех, кто привык к манерам Южной Англии. И я подозреваю, что, в свою очередь, практичные и здравомыслящие йоркширцы отнесутся к таким «чужеземцам» с несказанным презрением.

Как я уже писала, вероятнее всего, на том месте, где сейчас находится церковь Хауорта, раньше стояла древняя «полевая церковь» или часовня. Она принадлежала к третьему, или низшему разряду религиозных заведений, в соответствии с Саксонским законом, и не обладала правом погребения или проведения причастия. Она так называлась, потому что не

²⁰ Нонконформисты (или диссентеры) – одно из наименований групп, отклоняющихся от официально принятого в Англии вероисповедания (англиканской церкви). Термин появился в связи с распространением Реформации и применялся с XVI века для обозначения тех, кто отказывался подчиниться парламентскому «Акту о единообразии», регулирующему положение государственной англиканской церкви, которая представляла собой компромисс между католицизмом и протестантизмом и считала короля главой церкви. Фактически все подданные иного вероисповедания ущемлялись в правах и подвергались преследованиям. В разное время к нонконформистам относили кальвинистов, пуритан, квакеров, баптистов, методистов и др. Нонконформисты боролись против сохранения традиций католицизма в англиканской церкви, за упрощение церковной обрядности, упразднение епископата, за выборность руководителей общин, за самоуправление общин, против церковно-административной централизации, против почитания святых, за отделение церкви от государства и т. д. Запрет на их деятельность был снят после принятия закона о веротерпимости 1689 г.

²¹ Розмарин использовался на похоронах как благовоние для нейтрализации неприятного запаха. С давних пор в Англии существовала традиция дарить гостям во время похорон пару перчаток. Скорее всего, изначально перчатки имели практическое назначение – их раздавали для того, чтобы прикасающиеся к гробу не испачкали дорогостоящий покров, который родственники усопшего обычно брали напрокат. В то же время гости могли предохранить себя от непосредственного контакта с телом покойника. Перчатки приобрели и символическое значение, знаменуя собой грань между миром мертвых и миром живых («мертвый» материал перчаток и «живая плоть» человеческих рук). Кроме того, еще в Средние века перчатки из льна олицетворяли в среде священнослужителей «чистоту» и отрешение от бренного мира. Со временем всем гостям, прибывшим на похороны, стали преподносить перчатки в знак уважения к ним и для того, чтобы почтить с помощью этого подарка память покойного. В книге Гаскелл речь идет о перчатках, преподносимых гостям во время тризны, т. е. уже после похоронной процессии, что, видимо, свидетельствует о том, что в описываемый ею период эта практика имела чисто ритуальный характер.

²² Джеймс Чарнок (1761?–1819) – священник Хауорта с 1791 года.

была окружена изгородью и смотрела прямо на окружающие поля и торфяные болота. В соответствии с законами Эдгара²³, основатель был обязан, помимо уплачиваемой им десятины, содержать священника из оставшихся девяти десятых своего дохода. После Реформации право выбирать священнослужителей всех непостоянно действующих церквей, которые раньше были полевыми часовнями, было предоставлено свободным землевладельцам и попечителям при одобрении приходского священника. Но из-за своей халатности свободные землевладельцы и попечители Хаурта лишились этого права еще во времена архиепископа Шарпа, и контроль над назначением священнослужителей перешел к священнику Брэдфорда. Вот что произошло, согласно официальной версии. По словам мистера Бронте: «Прихожанами этой церкви является священник Брэдфорда и некоторые попечители. Мой предшественник получил место с согласия священника Брэдфорда, хотя попечители были против. В результате он столкнулся с таким сопротивлением, что уже три недели спустя вынужден был подать в отставку».

Когда я беседовала о характере жителей Вест-Райдинга с доктором Скорсби, который некоторое время служил брэдфордским священником, он намекнул на какие-то буйные выступления, имевшие место в Хаурте при рукоположении преподобного Редхеда, предшественника Бронте. Он добавил, что подробности этих происшествий содержат столько указаний на характер жителей, что мне следовало бы побольше о них разузнать. Я так и поступила и из уст некоторых ныне здравствующих участников и свидетелей узнала о том, что значит изгнать протеже брэдфордского священника.

Предыдущим священником, занявшим эту должность после преемника преподобного Гримшо, был мистер Чарнок. Он страдал от хронической болезни, которая не позволяла ему выполнять обязанности без помощника, и на помощь ему пришел мистер Редхед. Пока Чарнок был жив, прихожане были совершенно довольны его приходской деятельностью и относились к нему с большим почтением. Но ситуация в корне изменилась, когда после смерти Чарнока в 1819 году они решили, что попечители были несправедливо лишены своих прав священником Брэдфорда, назначившим Редхеда на постоянное место.

В первое же воскресенье, когда он проводил службу, церковь была так полна, что люди даже стояли в проходах; большинство было обуто в деревянные башмаки, обычные для этой местности. Но когда мистер Редхед читал второй урок, все прихожане как один направились к выходу с таким топотом и грохотом, на который они только были способны, пока Редхед и служка не остались одни для продолжения молебна. Как будто этого было не достаточно, в следующее воскресенье дело обстояло еще хуже. Тогда, как и прежде, церковь была полна до отказа, но проходы оставались пустыми – в них не было ни души и ни малейшего препятствия. Причина этому выяснилась примерно в тот же момент богослужения, как и на предыдущей неделе. В церковь въехал человек верхом на осле, сидя задом наперед и в стольких шляпах на голове, сколько он только способен был удержать. Он начал гнать осла по проходам, а возгласы, крики и смех прихожан полностью заглушили голос мистера Редхеда, и, полагая, он вынужден был прервать службу.

До этой поры жители не прибегали к рукоприкладству, но в третье воскресенье они, видимо, сильно возмутились, увидев, как мистер Редхед в пику им едет верхом по деревне в сопровождении нескольких человек из Брэдфорда. Привязав своих лошадей у «Черного Быка» – небольшого постоянного двора, расположенного неподалеку от кладбища (для удобства во время поминок и прочих торжеств) – они направились в церковь. Толпа последовала за ними, вместе с трубочистом, которого они в то утро наняли для чистки труб в нескольких принадлежащих церкви помещениях, после чего напоили допьяна. Они усадили его прямо

²³ Эдгар – саксонский король, правивший с 959-го по 975 гг.; инициировал церковные реформы и ввел обязательную выплату десятины.

перед кафедрой, и оттуда его черномазая физиономия сопровождала каждое слово преподающего Редхеда пьяными тупыми кивками. В конце концов, подстрекаемый одним из зачинщиков безобразий или же под влиянием винных паров, он вскарабкался на кафедру и полез лобызаться с проповедником. Тогда нечестивое веселье стало совершенно безудержным и диким. Толпа подталкивала вымазанного золой трубочиста к мистеру Редхеду, а тот пытался вырваться. Вместе с его мучителем его бросили на землю в том месте церковного двора, где ранее опорожнили мешок с золой, и, хотя в конце концов Редхед скрылся в «Черном Быке», двери которого были моментально забаррикадированы, люди свирепствовали снаружи, угрожая побить камнями его самого и его друзей. Один из тех, кто поведал мне об этом, – старичок, бывший в то время владельцем «Черного Быка», – уверяет, что настроения разъяренной черни были таковы, что жизнь мистера Редхеда явно находилась в опасности. Этот человек, тем не менее, продумал план побега для своих незадачливых узников. «Черный Бык» расположен у верхнего конца длинной и крутой улицы, внизу которой, неподалеку от моста по дороге в Кейли, находится застава. Указав своим загнанным гостям путь через черный ход (через который, наверно, немало бездельников спасалось от карающего кнута преподающего Гримшо), хозяин с несколькими конюхами принялись разъезжать на лошадях прибывшей из Брэдфорда компании взад и вперед перед входной дверью, посреди свирепо поджидающей толпы. Сквозь просвет между домами всадники увидели, как мистер Редхед с друзьями крадется вдоль задней улицы, тогда, пришпорив коней, они поскакали вниз к заставе. Несносный священнослужитель и его друзья спешно вскочили в седла и были уже на приличном расстоянии, пока толпа не обнаружила, что их жертвы улизнули, и не понеслась к закрытым воротам заставы.

Многие годы после этого мистер Редхед не появлялся в Хаурте. По прошествии долгого времени он вернулся в роли проповедника и, проводя богослужение перед многочисленными и внимательными прихожанами, добродушно напомнил им об описанных мною обстоятельствах. Они от всего сердца поприветствовали его, не держа на него зла, хотя раньше были готовы побить его камнями во имя защиты своих неотъемлемых прав.

К этому своевольному, хотя и не лишенному доброжелательности народу мистер Бронте привез в феврале 1820 года свою супругу и шестерых малолетних детей. Еще живы те, кто помнит, как семь нагруженных до отказа повозок медленно взбирались вверх по длинной улице, везя домашний скарб нового пастора к его жилищу.

Интересно, какое впечатление унылый вид этого дома – длинного, каменного, расположенного высоко, но на фоне еще более высоких бескрайних торфяных болот – произвел на нежную и хрупкую жену пастора, уже и в ту пору отличавшуюся слабым здоровьем.

Глава 3

Мистер Патрик Бронте – уроженец ирландского графства Даун. Его отец, Хью Бронте, осиротел в раннем возрасте. Он проделал путь с юга на север острова и поселился в приходе Ахадерг, неподалеку от Лоубрикланда. В соответствии с семейным преданием, Хью Бронте, несмотря на свое скромное состояние, принадлежал к древнему роду. Но ни он сам, ни его потомки этим никогда не интересовались. Он рано женился, произвел на свет десятерых детей и дал им образование из доходов, получаемых с десяти акров земли. Все его большое семейство обладало исключительной физической силой и красотой. Даже в старости мистер Бронте был ростом выше среднего, отличался статью и привлекательной наружностью, имел благородные очертания головы. В молодости он наверняка был чрезвычайно красив.

Он родился в день Св. Патрика (17 марта) 1777 года и рано начал проявлять признаки незаурядного ума и сообразительности. Он также лелеял определенные амбиции: доказательством его благоразумия и предвидения является тот факт, что, зная о неспособности отца

помочь ему деньгами и необходимости полагаться лишь на собственные силы, он в возрасте шестнадцати лет открыл собственную школу и руководил ею лет пять или шесть. Затем он стал домашним учителем в семье преподобного Тая, приходского священника Драмгуланда. Оттуда его жизненный путь лежал в колледж Сейнт-Джон в Кембридже, где он начал обучение в июле 1802 года в возрасте двадцати пяти лет. После четырех лет учебы он получил степень бакалавра и был рукоположен в священники в Эссексе, откуда был переведен в Йоркшир. Жизненная стезя, которую я здесь суммирую, свидетельствует о сильном и замечательном характере, способности поставить перед собой цель и идти к ней неуклонно и независимо. Юноша шестнадцати лет покидает свою семью, твердо решив зарабатывать на жизнь самостоятельно и совсем не на ниве сельскохозяйственного труда, по семейной традиции, а с помощью своего интеллекта.

Судя по тому, что я слышала, мистер Тай проявил изрядный интерес к учителю своих детей и, возможно, помог ему не только в выборе направления его занятий, но и склонил его к английскому университетскому образованию, посоветовав, каким образом он может туда поступить. У мистера Бронте сегодня нет и следа ирландского акцента, а его греческие черты и овал лица никоим образом не выдают его кельтского происхождения, и все же требовалось немало решительности и пренебрежения к насмешкам, чтобы предстать у ворот колледжа Сейнт-Джон двадцати пяти лет отроду и едва оставив за собой единственно привычный для него образ жизни.

Во время своего пребывания в Кембридже он стал членом корпуса добровольцев, которых тогда призывали из всех уголков страны для отражения ожидаемого нападения французов²⁴. Много лет спустя я слышала, как он упоминал лорда Пальмерстона²⁵, вместе с которым они участвовали в военных учениях.

Но вот он уже священник в йоркширском Хартсхеде, далеко от места своего рождения и от всех своих ирландских родственников, с которыми он не стремился поддерживать контакт и которых, кажется, ни разу не навестил с тех пор, как стал студентом Кембриджа.

Хартсхед – это маленькая деревенька, расположенная к востоку от Хаддерсфильда и Халифакса, она находится на холме, откуда во все стороны открывается чудесный вид на долину. Мистер Бронте прослужил там пастором пять лет, и в это время начал ухаживать за Марией Бренуэлл, на которой затем и женился.

Она была третьей дочерью Томаса Бренуэлла, купца из Пензанса. Девичья фамилия ее матери – Карн. И по отцовской, и по материнской линиям семья Бренуэллиов отличалась благородным происхождением, которое позволяло им вращаться в самом лучшем обществе, каким только мог похвастать Пензанс. Детство четверых дочерей и сына четы Бренуэллиов пришлось на ту эпоху, когда общество находилось в примитивном состоянии, что так хорошо передано доктором Дейви в жизнеописании его брата²⁶.

«В городке, насчитывающем две тысячи жителей, был только один ковер, полы в комнатах были присыпаны морским песком, и не было ни одной серебряной вилки. В те времена, когда наши колониальные владения были очень скромны и спрос на интеллект незначителен, младшие сыновья дворян обучались по необходимости какому-нибудь ремеслу или

²⁴ Корпуса добровольцев формировались в связи с опасениями наполеоновского вторжения на территорию Англии, начиная с 1790-х гг. и особенно между 1803-м и 1806 гг. Добровольцы занимались строевой подготовкой по воскресеньям. Поражение француско-испанского флота у мыса Трафальгар 21 октября 1805 г. продемонстрировало превосходство британских военно-морских сил и устранило опасность вторжения.

²⁵ Лорд Пальмерстон – Генри Джон Темпл, 3-й виконт Пальмерстон (1784–1865) – британский государственный деятель, практически без перерыва состоявший членом правительства с 1807 года до самой смерти; в середине XIX в. дважды занимал пост премьер-министра Великобритании.

²⁶ «Воспоминания о жизни сэра Хамфри Дейви» были написаны братом Хамфри Джоном Дейви и опубликованы в 1886 г. Сэр Хамфри Дейви, родившийся в Пензансе в 1778 году, был химиком. Цитируемый здесь отрывок взят из первой главы «Воспоминаний».

техническим навыкам, которые не влекли за собой осуждения или потери социального статуса. Старший сын, если ему не позволяли вести праздную жизнь помещика, отправлялся в Оксфорд или Кембридж, где его обучали одной из трех либеральных профессий – богословию, праву или медицине; второй сын шел в обучение к хирургу, аптекарю или адвокату, третий – к оловянным дел мастеру или часовщику, пятый – к упаковщику или торговцу тканями, и так далее, если требовалось трудоустроить и остальных.

После завершения обучения молодые люди почти всегда направлялись в Лондон, где совершенствовались в избранной ими профессии: когда они возвращались в родные края, их не исключали из того, что теперь называется благородным обществом. В те времена гостей принимали не так, как это заведено теперь. Об обеденных приемах и слыхом не слыхивали, за исключением поры ежегодных пиршеств. Рождество также было временем особых послаблений и веселья, когда развлечения, состоящие из чаепитий и ужинов, следовали одно за другим. Помимо двух этих периодов гостей звали исключительно на чай, за которым сидели с трех до девяти, и главным занятием была какая-нибудь игра в карты, например Папа Джоун или Коммерс²⁷. Низшие классы тогда были невероятно невежественны, и все социальные слои отличались чрезвычайным суеверием: верили даже в ведьм, а существование всяких сверхъестественных и ужасных сил почти не подвергалось сомнению. Вряд ли в Маунт-Бэй был хоть один приход, в котором не водились бы привидения или не было бы особого места, связанного с какой-нибудь страшной мистической историей. Я с детства помню, что на лучшей улице Пензанса находился необитаемый дом, в котором якобы водились привидения и проходя мимо которого ночью молодые люди ускоряли шаг, а их сердца начинали лихорадочно биться. Ни высшие, ни средние классы не проявляли большого интереса к литературе и еще меньше к наукам, и их занятия редко бывали возвышенными или интеллектуальными. Они получали наивысшее удовольствие от охоты, стрельбы, борьбы, петушиных боев, которые обычно заканчивались попойкой. Проводилась контрабанда, что, естественно, сопровождалось пьянством и вело к всеобщей моральной распущенности. Контрабанда была средством сколачивания капитала для смелых и рискованных приключений, а пьянство и беспутный образ жизни погубили немало уважаемых семейств».

Я привела этот отрывок, потому что мне кажется, что он имеет отношение к жизни мисс Бронте, чей сильный ум и живое воображение на заре жизни получали пищу или от слуг (в их скромном жилище они по большей части составляли круг едва ли не ее друзей), которые распространяли слухи об обычаях деревни Хаурт; или от мистера Бронте, чье общение с детьми, кажется, было ограниченным и чья жизнь, как в Ирландии, так и в Кембридже, проходила в своеобразных условиях; или же от ее тети, мисс Бренуэлл, прибывшей в их дом, чтобы принять на себя заботы о семействе своей покойной сестры, когда Шарлотте было всего шесть или семь лет. Эта тетя была старше миссис Бронте и прожила дольше нее среди обитателей Пензанса, описанного доктором Дейви. Но в самой семье Бренуэлл не было места насилию и распущенности. Они были методистами, и, насколько я могу судить, кротость и искренняя набожность придавали их характеру утонченность и чистоту. По свидетельству его потомства, отец семейства, мистер Бренуэлл, обладал музыкальными способностями. Они с женой прожили достаточно долго, чтобы увидеть всех детей взрослыми, и умерли с разрывом в год – он в 1808-м, она в 1809-м, когда их дочери Марии было соответственно 25 и 26 лет. Мне позволили просмотреть девять писем, адресованных ею мистеру Бронте в 1812 году за краткий период их помолвки. Они полны нежных излияний и проникнуты женской скромностью, а также глубокой набожностью, о чем я уже упоминала как о семейной черте. Приведу из них пару отрывков, чтобы дать читателю представление о том, каким человеком была мать Шарлотты Бронте, но сначала мне нужно прояснить обстоятель-

²⁷ Названия двух популярных в XVIII веке карточных игр.

ства, при которых эта корнуэльская леди познакомилась с ученым мужем из Ахадерга, неподалеку от Лоубриклэнда. В начале лета 1812 года, когда ей было двадцать девять лет, она поехала навестить своего дядю, преподобного Джона Феннела, в то время служившего священником англиканской церкви и проживавшего рядом с городом Лидс, хотя ранее он был пастором у методистов. Мистер Бронте занимал в то время пост священника в Хартсхеде. В округе о нем говорили как об очень симпатичном человеке, обладавшем ирландским энтузиазмом, а отчасти и ирландской влюбчивостью. Мисс Бренуэлл была чрезвычайно миниатюрной, не красивой, но грациозной и всегда одевалась скромно, но со вкусом, что соответствовало ее характеру, и в некоторых деталях ее одежда заставляет вспомнить о стиле любимых героинь ее дочери. Мистер Бронте был сразу очарован этим маленьким и нежным существом, заявив на сей раз, что это на всю жизнь. В своем первом письме к нему, датированном 26 августа, она почти удивляется тому факту, что помолвлена, и говорит о том, как мало времени прошло с их знакомства. В остальном ее письмо напоминает письмо шекспировской Джульетты:

Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц²⁸.

В письмах говорится о планах веселых поездок на пикник в аббатство Керкстолл в солнечные сентябрьские дни, в которых принимали участие «дядя, тетя и кузина Джейн»; последняя помолвлена с мистером Морганом, тоже священником. Все они, кроме мистера Бронте, уже умерли. Ни один из ее друзей не возражал против этой помолвки. Мистер и миссис Феннел дали свое согласие, равно как и ее брат и сестры в далеком Пензансе. В письме от 18 сентября она пишет:

«Некоторое время я была сама себе хозяйка, и никто за мною не надзирал, совсем напротив, мои сестры, которые намного старше меня, и даже мамочка обычно советовались со мной обо всех важных делах и едва ли когда-либо сомневались в правильности моих мнений и действий: возможно, ты обвинишь меня в тщеславии из-за того, что я это упоминаю, но ты должен принять во внимание, что я совсем не хвастаюсь. Я неоднократно воспринимала такое положение как недостаток, и хотя, слава богу, это никогда не ввело меня в заблуждение, все же в моменты неуверенности и сомнений я остро переживала отсутствие в моей жизни наставника». В том же письме она пишет мистеру Бронте, что сообщила о своей помолвке сестрам и что ей не удастся увидеться с ними так скоро, как она предполагала. Мистер Феннел также посылает им с той же почтой письмо, в котором превозносит Бронте.

Поездка из Пензанса до Лидса в те дни была и очень долгой, и дорогой. У влюбленных не было лишних денег, чтобы пускаться в путешествия без особой нужды, и, поскольку у мисс Бренуэлл не осталось в живых ни отца ни матери, благоразумным и приличным представлялось сыграть свадьбу в доме ее дяди. Не было повода и затягивать помолвку. Они были уже не первой молодости, у них было достаточно средств для осуществления их незатейливых планов: его заработок в Хартсхеде в соответствии с разрядами духовенства составлял 202 фунта в год, а она получала небольшую ежегодную ренту (как мне сказали, 50 фунтов) по завещанию отца. Итак, в конце сентября влюбленные начали говорить о переезде в дом, так как, полагаю, до этого мистер Бронте жил на съемной квартире, и все гладко и благополучно шло к предстоящей зимой свадьбе, пока в ноябре не произошло несчастье, которое она описывает с таким смирением и красноречием:

²⁸ В. Шекспир. «Ромео и Джульетта», акт II, сцена 3.

«Думаю, что ты никогда не рассчитывал разбогатеть с моей помощью, но, к сожалению, должна тебе сообщить, что я еще беднее, чем я думала. Я упоминала, что ранее послала за своими книгами, одеждой и прочими вещами. В субботу вечером, почти в то же время, когда ты описывал свое воображаемое кораблекрушение, я читала о настоящем и испытывала его последствия, получив письмо от сестры с рассказом о том, как корабль, на котором она отправила мой сундук, сел на мель около побережья Девоншира, в результате чего бурное море разнесло мой багаж в щепки, и все мое имущество, за исключением всего лишь нескольких предметов, было поглощено бурной пучиной. Если это событие не служит прелюдией чего-либо более ужасного, я не буду принимать его близко к сердцу, ведь это первое бедствие, произошедшее с момента моего отъезда из дома».

Последнее из этих писем датировано 5-м декабря. Мисс Бренуэлл и ее кузина собираются на следующей неделе приступить к приготовлению свадебного торта, так что свадьба явно не за горами. Она учила наизусть «чудный гимн», сочиненный мистером Бронте, и читала «Советы леди» лорда Литтлтона, на котором она сделала уместные и справедливые пометки, доказывающие, что она не только читала, но и размышляла о прочитанном. И вот Мария Бренуэлл исчезает из нашего поля зрения, у нас больше нет никакой непосредственной информации о ней, мы слышим о ней как о миссис Бронте, но уже как о тяжело больной, находящейся на пороге смерти, но все еще терпеливой, бодрой и набожной. Ее письма написаны изящно и аккуратно, наряду с упоминаниями о домашних занятиях, таких, например, как приготовление свадебного торта, – в них также говорится о книгах, которые она прочла или читает, что свидетельствует о ее развитом уме. Не обладая талантами дочери, миссис Бронте была, как мне представляется, незаурядным человеком, уравновешенной и последовательной женщиной. Стиль ее писем ясен и приятен, как и стиль еще одного документа, написанного позднее той же рукой, озаглавленного «Преимущества бедности с религиозной точки зрения» и предназначенного для публикации в периодике.

Она вышла замуж в доме своего дяди в Йоркшире 29 декабря 1812 года, и в тот же день состоялось бракосочетание ее младшей сестры Шарлотты Бренуэлл в далеком Пензансе. Не думаю, что миссис Бронте удалось когда-либо навестить Корнуэль, но у тех родственников, которые еще живы, остались о ней очень приятные воспоминания, они говорят о ней как о своей «любимой тете», как о «человеке, к которому прислушивались все члены семьи», как об «очень одаренной и приветливой женщине», а также «кроткой и застенчивой, несмотря на все свои незаурядные, унаследованные от отца способности, и обладающей подлинной ненавязчивой набожностью».

Мистер Бронте в течение пяти лет продолжал жить в Хартсхеде, в приходе Дьюсбери. Там он женился, там у него родилось двое детей, Мария и Элизабет. По истечении этого срока он получил место в приходе Торнтон в Брэдфорде. Некоторые из приходов Вест-Райдинга по количеству населения и церковью подобны епархиям. Церковь Торнтон – это маленькая епископальная, непостоянно действующая часовня, обладающая многочисленными памятниками, связанными с неконформистскими движениями, такими, например, как памятник Аксептеду Листеру и его другу Доктору Холлу²⁹. Вокруг простиралась пустынная и безлюдная местность, унылые участки земли, отгороженные друг от друга каменными оградами, поднимались вверх на возвышенность Клейтона. Церковь выглядит старинной, уединенной и как будто заброшенной рядом с большими каменными мельницами преуспевающей Независимой компании и массивной квадратной часовней, построенной приверженцами этого вероисповедания. В целом это не столь приятное место, как Хартсхед, из которого открывается вид на широкую равнину со скользящими по ней теньями облаков, перемежаю-

²⁹ Аксептед Листер и доктор Холл были известными в XVIII в. проповедниками неконформистского движения, оба служили в Торнтоне и были похоронены там на церковном кладбище.

щимися с солнечными пятнами, и на поднимающиеся одна за другой до самого горизонта гряды холмов.

Здесь, в Торнтоне, 21 апреля 1816 года родилась Шарлотта Бронте. За ней быстро последовали Патрик Бренуэлл, Эмили Джейн и Энн. После рождения младшей дочери здоровье госпожи Бронте начало ухудшаться. Выполнять капризные желания многочисленных малышей – тяжелый труд при ограниченных возможностях. Потребности в еде и одежде удовлетворить гораздо проще, чем почти столь же необходимые потребности в заботе, уходе, утешении, развлечении и сочувствии. Едва Марии Бронте, самой старшей из шестерых детей, исполнилось шесть лет, как мистер Бронте переехал в Хаурт. Это произошло 25 февраля 1820 года. Те, кто знал ее тогда, описывают ее как серьезную, задумчивую и тихую девочку, по виду значительно взрослее своих лет. У нее не было детства: редки случаи, когда щедро одаренные люди вкушали блаженство этой беззаботной и счастливой поры; их необычайные силы кипят в них, и, вместо естественной жизни через ощущения – объективность, как это называют немцы, – они начинают испытывать рефлексии – субъективность.

С виду Мария Бронте была хрупкой маленькой девочкой, что особо оттеняло удивительное преждевременное развитие ее ума. Она, наверно, была подругой и помощницей своей матери в домашних делах и в детской, так как мистер Бронте, разумеется, был поглощен своими собственными занятиями. Кроме того, не в его характере было относиться к детям с обожанием, и он воспринимал их частое появление на свет как бремя для жены и нарушение домашнего комфорта.

Как я писала в первой главе, дом пастора Хаурта – продолговатый по форме, он смотрит вниз с холма, на котором расположилась деревня, а его главный вход находится прямо напротив западных дверей церкви, стоящей на расстоянии около ста ярдов. Приблизительно двадцать ярдов из них занимает заросший травой сад, не более широкий, чем сам дом. Дом и сад с трех сторон окружены кладбищем. Дом двухэтажный, на каждом этаже находится по четыре комнаты. Когда в нем поселилось семейство Бронте, просторное помещение слева от входа превратилось в гостиную, а комната справа – в кабинет мистера Бронте. За ним находилась кухня, а за гостиной – что-то наподобие кладовой с покрытым каменными плитами полом. Наверху были четыре одинаковые по размеру спальни, а также небольшая комната над проходом, или «холлом», как говорят северяне. Он был в передней части дома, ведущая наверх лестница находилась прямо напротив входной двери. По милому старомодному обычаю, у каждого окна располагались сиденья. Не возникало сомнений, что пасторский дом был построен в те времена, когда не было недостатка в древесине, о чем свидетельствуют массивные перила, панели на стенах и тяжелые оконные рамы.

Еще одна маленькая комнатка на втором этаже была отдана в распоряжение детям. Хотя она была крошечной, ее не называли детской, и в ней даже не было камина. Служанки – две грубоватые, любвеобильные, сердечные, расточительные сестры, которые не в состоянии говорить об этом семействе без слез, называли эту комнату «детским кабинетом». Самой старшей ученице было к тому времени около семи лет.

Жители Хаурта были совсем не бедны. Многие из них работали на соседних фабриках, некоторые сами были владельцами небольших фабрик и мануфактур, были среди них и лавочники, торговавшие мелким повседневным товаром, но за советом врача, канцелярскими принадлежностями, книгами, юридическими услугами, одеждой и деликатесами нужно было ехать в Кейли. Было там и несколько воскресных школ: баптисты первыми основали свою, за ними последовали уэслейцы³⁰, а затем уже англиканская церковь. Славный Гримшо, друг Уэсли, построил маленькую часовню для методистов, но она стояла у дороги, ведущей к торфяным болотам; затем баптисты построили культовое заведение, кото-

³⁰ Последователи учения англиканского проповедника Джона Уэсли, основателя методизма.

рое отличалось тем, что находилось на удалении нескольких ярдов от дороги, и тогда методисты нашли целесообразным возвести другую, более крупную часовню, еще более удаленную от дороги. Мистер Бронте был в дружеских отношениях с каждой религиозной общиной как таковой, но от отдельных лиц его семья держалась отчужденно, если только тем не требовалась от него какая-нибудь непосредственная услуга. «Они держались очень замкнуто», вот свидетельство тех, кто помнит о том, как чета Бронте впервые появилась среди них. Думается, большинство йоркширцев возражало бы против системы регулярных визитов пастора; их свирепый и независимый дух восстал бы против того, чтобы кто-либо, пользуясь своим положением, возомнил себя вправе расспрашивать, советовать или поучать их. Древний, но все еще живучий дух холмов вдохновил их на следующее двуступенчатое, начертанное в верхней части одного из сидений, предназначенных для священников, в аббатстве Уэйли, расположенном в нескольких милях от Хауорта:

В дела чужие не совайся,
Домой ступай, там дурью майся.

Я спросила одного жителя из окрестностей Хауорта, что представляет собой священник его церкви. «Он на редкость хороший малый, – последовал ответ. – Занимается своими делами, а в наши нос не сует».

Мистер Бронте усердно посещал больных, а также всех, кто за ним посылал, и добросовестно ходил по школам; так же поступала и его дочь Шарлотта; но, ценя и уважая свою личную жизнь, они, видимо, с чрезвычайной щепетильностью старались не ущемить и личную жизнь других.

С первых же дней своего пребывания в Хауорте они чаще ходили на прогулки в сторону вересковых пустошей, плавно поднимающихся прямо за пасторским домом, чем по направлению к длинной идущей вниз деревенской улице. Славная старушка, ухаживавшая за миссис Бронте во время болезни (рак внутренних органов), которая начала расти и укрепляться в ней всего лишь через несколько месяцев после переезда в Хауорт, рассказывала мне, как в те времена шестеро малышей шли, взявшись за руки, к роскошным пустошам, которые они так страстно любили в последующие годы; старшие тщательно опекали неуверенно семенящих крошек.

Они были слишком серьезны и молчаливы для своих лет, возможно, их подавляло присутствие в доме тяжелой болезни, ведь в те времена, о которых рассказывала моя старушка, миссис Бронте была уже прикована к постели, и ей так и не привелось больше покинуть свою спальню. «Вы бы никогда не догадались, что в доме есть дети, они были такими спокойными, тихими, послушными существами. Мария имела привычку запирается в детском кабинете с газетой (ей было лишь семь!), а выйдя оттуда, она могла все пересказать: дебаты в парламенте и уж не знаю, что еще. Она по-матерински относилась к своим сестрам и брату. О таких хороших детях и слыхом не слыхивали. Как будто они были не из плоти и крови, настолько они отличались от всех детей, которых я когда-либо видела. Частично я отношу это к причудам мистера Бронте, который не разрешал им есть мясо. И совсем не из соображений экономии, в доме царил не только достаток, но даже расточительность, так как не было хозяйского досмотра за молодыми слугами, но он считал, что в детях надо воспитывать простоту и выносливость, так что к ужину им подавали лишь картофель. Но они, казалось, никогда ничего другого и не желали, такие они были славные. Самой хорошенькой была Эмили».

Миссис Бронте оставалась такой же терпеливой и веселой, как и раньше; хотя она была очень больна и испытывала сильные боли, она жаловалась крайне редко. Когда ей становилось лучше, она просила сиделку приподнять ее на постели, чтобы наблюдать, как та чистит

каминную решетку, «потому что она это делала совсем как в Корнуэле». Она оставалась преданной своему мужу и обожала его, на что он отвечал взаимностью и никому не поручал ночной уход за женой, взяв его на себя. Но, по словам моей собеседницы, мать не очень стремилась видеть своих детей, возможно потому, что вид этих малышей, которым так скоро предстояло осиротеть, слишком расстраивал ее. Поэтому детки тихо жались друг к другу и, так как отец их был занят в своем кабинете, в приходе или с матерью, садились за стол одни, проводили время за чтением, тихонько перешептывались в «детском кабинете» или же, взявшись за руки, отправлялись гулять по холмам.

Идеи Руссо и Дея³¹ о воспитании получили широкое распространение, став достоянием различных слоев общества. Полагаю, что господин Бронте должен был сформировать свое мнение о воспитании детей под влиянием двух этих теоретиков. На практике его методы не были столь дики и необычайны, как те, которым один из последователей господина Дея подвергал мою тетю. Этот джентльмен и его жена удочерили ее лет за двадцать пять до тех событий, которые я описываю. Они были состоятельными и великодушными людьми, однако ее еда и одежда были самого простого и грубого качества, в соответствии со спартанскими принципами. Здоровый веселый ребенок, она мало обращала внимание на питание и платье, но вот что было для нее подлинной пыткой. У них был экипаж, в котором ее и любимую собачку по очереди возили на прогулки, а того, кто должен был остаться дома, подкидывали на одеяле – именно эта процедура внушала моей тете подлинный ужас. Ее страх, возможно, был причиной того, почему они продолжали ее подкидывать. Мало кого можно было удивить привидениями, и они были ей безразличны, поэтому подкидывание на одеяле стало способом закалить ее нервы. Хорошо известно, что господин Дей отказался от своего намерения жениться на Сабрине, девушке, которую он специально для этой цели воспитывал, потому что за несколько недель до бракосочетания она позволила себе фривольность, надев для визита к нему платье с рукавами из тонкой материи. Но все же Дей и члены семьи моей тети были великодушными людьми, хотя и с причудами, полагая, что через систему воспитания можно развить храбрость и неприхотливость идеального дикаря, забывая, впрочем, что чувства и привычки их воспитанников приведут к их изоляции в будущей жизни, которую им суждено провести посреди цивилизации, породившей испорченность и изысканность.

Мистер Бронте стремился закалить своих детей через воспитание в них равнодушия к удовольствиям, доставляемым едой и одеждой. В последнем он преуспел, по крайней мере в отношении дочерей. Но к своей цели он относился с чрезвычайной серьезностью. Сиделка миссис Бронте рассказывала, как однажды, когда дети гуляли на болотах и вдруг пошел дождь, она, решив, что они промочат ноги, разыскала цветные сапожки, подаренные им другом – мистером Морганом, который женился на «кузине Джейн», как ей помнится. Она развесила эти сапожки у огня на кухне, чтобы согреть их, однако, когда дети вернулись, сапоги исчезли, и чувствовался только сильный запах сгоревшей кожи. Оказывается, на кухню заходил мистер Бронте и увидел их. Они были слишком веселенькими и роскошными для его детей и могли привить им любовь к нарядам, поэтому он бросил их в огонь. Он не щадил ничего из того, что оскорбляло его античную простоту. Задолго до этого кто-то подарил миссис Бронте шелковое платье. Фасон, цвет или же материал не соответствовал его представлениям о неукоснительном соблюдении приличий, и миссис Бронте никогда его не надевала. Но она все же бережно хранила его в сундуке, обычно запертом на ключ. Однако как-то раз, находясь на кухне, она вспомнила, что оставила ключ в ящике. Шаги мистера Бронте

³¹ Томас Дей (1748–1789) – английский последователь Руссо и его системы воспитания. Проповедовал возвращение к простому природному существованию. В этих целях порой подвергал воспитанников болезненным и шокирующим экспериментам.

на верхнем этаже предвещали беду ее платью, и она опрометью бросилась наверх, найдя платье уже искромсанным на куски.

Обычно он стоически подавлял свою сильную и страстную ирландскую натуру, но она все же давала о себе знать, несмотря на все его философское спокойствие и достойные манеры. Когда он был раздражен или недоволен, он ничего не говорил и давал выход своему вулканическому гневу, многократно стреляя из пистолета в открытую заднюю дверь. Заслышав выстрелы, миссис Бронте, лежавшая в постели наверху, понимала, что что-то неладно, но ее кроткий нрав неизбежно подсказывал ей светлую сторону происходящего, и она говорила: «Не следует ли мне испытывать благодарность за то, что он не сказал мне ни единого резкого слова?» Время от времени его злость принимала иные формы, хотя он по-прежнему хранил молчание. Однажды он схватил лежавший перед камином коврик, бросил его в огонь и нарочно сжег его. Несмотря на вонь, он оставался в комнате до тех пор, пока коврик не съезжился и не истлел до полной непригодности. В другой раз он взял несколько стульев и, отпилив им спинки, превратил их в табуретки.

Он часто отправлялся на долгие пешие прогулки, покрывая дистанции во много миль, мысленно отмечая разные природные знаки, касающиеся ветра или погоды, и с живым интересом наблюдая за зверьками, которые водились на холмистых просторах. Он видел орлов, низко парящих в поисках пропитания для своих птенцов; сегодня на горных склонах орла уже не увидишь. В местной и национальной политике он бесстрашно отстаивал позицию, которая казалась ему справедливой. В пору луддитов³² он выступал за вмешательство органов правопорядка, в то время как все судьи бездействовали, и вся собственность в Вест-Райдинге находилась в страшной опасности. Он стал непопулярен среди рабочих и считал, что жизни его будет грозить опасность, если он продолжит совершать свои длительные одинокие прогулки безоружным. И вот он завел привычку, которой придерживается и по сей день, всегда носить с собой заряженный пистолет. Он клал его рядом со своими часами на ночной столик, надевал его вместе с часами утром и снимал вместе с часами на ночь. Много лет спустя, когда он уже жил в Хаурте, там произошла забастовка; работники сочли, что хозяева обращаются с ними несправедливо, и отказались выполнять свои обязанности; мистер Бронте решил, что они не заслуживали подобного обращения, и делал все, что было в его силах, чтобы помочь им «не пустить волка на порог», избежать непосильных долгов. Некоторые из наиболее влиятельных жителей Хаурта и округа были фабрикантами, и они высказали ему решительный протест, однако он считал свое поведение правильным и стоял на своем. Возможно, его мнения часто были дикими и ошибочными, образ действий эксцентричным и странным, его представления о жизни предвзятыми и почти человеконенавистническими, но он не скорректировал и не изменил ни одного из своих мнений по каким-либо конъюнктурным мотивам и действовал в соответствии со своими принципами. Если мизантропия частично и окрашивала его воззрения на человечество в целом, то его поведение по отношению к конкретным людям, с которыми он вступал в личное общение, не отражало этих воззрений. У него действительно были сильные и неистовые предрассудки, в которых он упорствовал, и ему не хватало воображения, чтобы представить себе, как другие могут быть несчастны в этой жизни, казавшейся ему вполне сносной. Но не в моих силах восстановить гармонию между разными чертами его характера, или объяснить их, или же последовательно свести их к одному ясному знаменателю. Корни семьи, о которой я говорю, находились так глубоко, что я не могу туда проникнуть. Я не в состоянии измерить их глубины, и, уж конечно, не мне судить о них. Я назвала случаи эксцентричного поведения отца, так как считаю, что это знание необходимо для правильного понимания жизни его дочери.

³² Мятежи луддитов происходили на севере Англии в 1811–16 гг. Текстильщики выступали против замены ручного труда машинным, в результате которой они лишались работы.

Миссис Бронте скончалась в сентябре 1821-го, и жизнь этих кротких детей, должно быть, стала еще более тихой и одинокой. Впоследствии Шарлотта старалась вспомнить что-либо о своей матери, и две или три картины представляли в ее воображении. На одной из них мама играла при вечернем освещении со своим маленьким мальчиком, Патриком Бренуэллом, в гостиной пасторского дома в Хауорте. Но ее воспоминания четырех- или пятилетнего возраста носят очень фрагментарный характер.

Из-за какой-то болезни пищеварительных органов мистер Бронте должен был соблюдать строгую диету, и, чтобы избежать соблазна, а, возможно, и ради необходимой для переваривания пищи тишины, он еще до смерти жены начал ужинать в одиночестве – эту привычку он сохранил навсегда. Он не нуждался в компании, а, следовательно, и не искал ее, ни для своих прогулок, ни для повседневной жизни. Тишина и размеренность его домашнего существования нарушались лишь приходом церковного старосты и посетителей по делам прихода, а иногда и соседского священника, который спускался по холмам, пересекал болота и вновь поднимался к приходу Хауорта, где проводил весь вечер. Но из-за того, что миссис Бронте умерла так скоро после переезда ее супруга в этот край, а также из-за дистанций и унылых окрестностей, жены этих священников не сопровождали своих мужей. Поэтому дочери достигли юности, будучи лишены всякого общества, которое было бы столь естественным для их возраста, пола и положения. Неподалеку от Хауорта жила одна семья, которая проявляла исключительное внимание и доброту к миссис Бронте во время ее болезни и которая не забывала и о детях, изредка приглашая их на чай. Так как история, связанная с этим семейством, и которая, я полагаю, способствовала разрыву их отношений с соседями, произвела на Шарлотту в детстве столь сильное впечатление, мне стоило бы рассказать о ней. Она послужит примером тех диких рассказов, которые циркулируют в оторванной от мира деревне, и я не ручаюсь за правдивость всех подробностей. Она также не могла за это поручиться, ведь главное событие произошло, когда она была слишком маленькой, чтобы понять все его значение, услышав историю из уст малообразованных людей, которые, возможно, шепотом добавляли и утрировали некоторые детали. Это была семья нонконформистов, придерживавшихся жестких религиозных норм. Отец владел шерстяной мануфактурой и был довольно состоятельным, в любом случае их образ жизни казался «роскошным» этим простым детям, чьи представления ограничивались скромными обычаями, заведенными в пасторском доме. У этого семейства был зеленый дом, единственный в своем роде во всей округе, громоздкое здание с деревянными стенами и с малым количеством окон и расположенное в саду, отделенном от дома главной дорогой на Хауорт. Это была многочисленная семья. Одна из дочерей была замужем за зажиточным фабрикантом «не из Кейли». Когда она была почти на сносях, она попросила, чтобы ее любимая младшая сестренка приехала к ней погостить и осталась до рождения ребенка. Ее просьба была исполнена; к ней отправилась сестра – девушка пятнадцати-шестнадцати лет. Через несколько недель, проведенных в доме свояка, она вернулась домой больной и удрученной. Родители обратились за разъяснениями, и выяснилось, что ее соблазнил богатый муж ее сестры и что последствия этого злодеяния скоро станут очевидны. Разгневанный и возмущенный отец запер ее в комнате до принятия решения, а старшие сестры с презрением глумились над ней. Только мать, которая слыла за суровую женщину, отнеслась к ней с некоторым сожалением. По слухам, прохожие видели с дороги, как мать и юная дочь гуляли по саду и рыдали в поздний час, когда все в доме уже спали. Более того, некоторые сообщали шепотом, что они прогуливаются и рыдают там до сих пор, хотя останки и той и другой уже давно подверглись разложению. Самые отчаянные сплетники добавляли, что жестокий отец, обезумевший из-за бесчинства, приключившегося в его «религиозной семье», предлагал некоторую сумму денег любому, кто женится на его бедной павшей дочери, что таковой нашелся и увез ее далеко от Хауорта, разбив ее сердце, так что она скончалась будучи еще совсем ребенком.

Столь сильное негодование не кажется неестественным для того, кто гордится неукоснительным соблюдением религиозной морали, но самым низким было вот что. Остальные члены семьи, даже старшие сестры, продолжали посещать дом своего богатого родственника, как будто его грех не был в сотню раз более тяжким, чем грех несчастной девицы, чей проступок так упорно осуждали и не очень пытались скрыть. Склонные к предрассудкам сельские жители до сих пор считают потомков этой семьи проклятыми. Если они не терпят краха в делах, их подводит здоровье.

Вот это и был единственный дом, который посещали маленькие Бронте, но и эти визиты вскоре прекратились.

Однако дети не жаждали общества. Они не имели привычки к веселым детским развлечениям и нуждались лишь друг в друге. Вряд ли на свете когда-либо жила более сплоченная семья. Мария читала газеты и сообщала о прочитанном младшим сестрам, которые, как это ни странно, проявляли к этому интерес. Но подозреваю, что у них и не было детских книг и что их пытливые умы, по словам Чарльза Лэма³³, «беспрепятственно паслись на животворных пастбищах английской литературы». Слуги были весьма впечатлены необыкновенной смекалкой маленьких Бронте: «Служанки часто повторяли, что им никогда не приводилось видеть столь смышленного ребенка» (как Шарлотта) и что «им приходилось отдавать себе отчет во всем, что они говорили или делали в ее присутствии. И все же она всегда прекрасно уживалась со слугами».

Эти служанки все еще живы, сейчас они пожилые женщины и живут в Брэдфорде. Они с преданностью и теплотой вспоминают о Шарлотте, говоря о ее неизменной доброте, которую она проявляла «с тех самых пор, когда была еще ребенком!»; однажды она не могла успокоиться, пока ее старая и более не нужная колыбель не была отправлена из пасторского дома в хижину, где жили родители одной из служанок, чтобы послужить там ее новорожденной сестренке. Они рассказывают о целом ряде деяний Шарлотты Бронте, совершенных с раннего детства до последних недель ее жизни и свидетельствующих о ее доброте и участии. И хотя она покинула их дом много лет назад, одна из бывших служанок направилась из Брэдфорда в Хаурт, чтобы выразить мистеру Бронте свои искренние соболезнования в связи со смертью его последнего ребенка. Может, и немногие относились к семейству Бронте с симпатией, но те, кто их любил, сохранял это чувство надолго.

Возвращаюсь к письму отца. Он пишет:

«Еще будучи совсем детьми, как только Шарлотта и ее брат и сестры научились читать и писать, они стали придумывать и инсценировать собственные пьески, в которых герцог Веллингтонский³⁴, любимый герой моей дочери Шарлотты, неизменно оказывался победителем. Нередко между ними возникал спор, касающийся относительных достоинств Бонапарта, Ганнибала и Цезаря. Страсти накалялись, и, поскольку их матери уже не было в живых, мне иногда приходилось выступать в качестве арбитра и разрешать спор по своему разумению. Участвуя в подобных разборательствах, я часто думал, что обнаруживал в них признаки зреющих талантов, которых мне никогда ранее не приходилось наблюдать в детях их возраста. ... Мне вспоминается одно обстоятельство, о котором стоит упомянуть. Когда мои дети были еще маленькие, старшей, как помнится, было около десяти, а младшей около четырех, я подумал, что они знают больше, чем мне до сих пор удалось обнаружить. Чтобы заставить их говорить с большей раскованностью, я решил предоставить им какое-то при-

³³ Чарльз Лэм (1775–1834) – эссеист, критик, поэт.

³⁴ Герцог Веллингтонский – Артур Уэлсли (1769–1852), герцог I Веллингтон, крупнейший английский военачальник и политический деятель XIX в. После разгрома наполеоновской армии в битве при Ватерлоо (18 июня 1815) был признан национальным героем. Завершив военную карьеру, Веллингтон занялся политической деятельностью и дважды был премьер-министром Англии.

крытие. У меня в доме нашлась маска, и я сказал им, чтобы они надели ее и смело высказывались.

Я начал с самой маленькой (Энн, впоследствии Эктон Белл), спросив ее, что больше всего хочется получить такому ребенку, как она; она ответила: «Возраст и опыт». Я спросил следующую (Эмили, позднее Эллис Белл), как мне лучше всего поступить с ее братом Бренуэллом, который иногда плохо себя ведет; она ответила: «Постарайся урезонить его, а если он не внемлет твоим словам, высеки его». Я спросил Бренуэлла, как лучше всего познать разницу между мужским и женским умом; он ответил: «Путем осознания различий в строении их тел». Потом я спросил Шарлотту, какая книга самая лучшая на свете; она ответила: «Библия». А вторая лучшая? Она ответила: «Книга природы». Тогда я задал следующей дочери вопрос о том, что является лучшим видом образования для женщины; она ответила: «То образование, которое научит ее хорошо вести домашнее хозяйство». В конце концов, я спросил самую старшую, как лучше всего проводить время; она ответила: «В предвкушении вечного блаженства». Возможно, я не процитировал их слова буквально, но близко к оригиналу, ведь они надолго оставили глубокий след в моей памяти. Суть, однако, была именно такой, как я описал».

Причудливый способ, избранный отцом для того, чтобы выявить скрытые черты характера его детей, а также тон и суть этих вопросов и ответов демонстрируют особое воспитание, обусловленное обстоятельствами, сложившимися вокруг Бронте. Они не знали других детей. Им был незнаком никакой иной образ мыслей, кроме того, что исходил из обрывков бесед о религии, подслушанных ими в гостиной, или же из разговоров на кухне о предметах деревенского и местного значения. В каждом был особенный сильный, характерный привкус.

Они проявляли живой интерес к общественным деятелям и к внутренней и внешней политике, обсуждаемой в газетах. Задолго до смерти Марии Бронте в возрасте одиннадцати лет ее отец говорил, что может обсуждать с ней любую из животрепещущих тем с такой же свободой и удовольствием, как с любым взрослым.

Глава 4

Спустя примерно год после смерти миссис Бронте из Пензанса приехала одна из ее старших сестер, чтобы вести хозяйство в доме свояка и присматривать за детьми. Я убеждена, что мисс Бренуэлл была хорошей и добросовестной женщиной, обладавшей довольно сильным характером, но с несколько ограниченным кругозором, свойственным тем, кто всю жизнь прожил на одном месте. Она обладала укоренившимися предрассудками и вскоре стала испытывать антипатию к Йоркширу. Для дамы, которой было далеко за сорок, переезд сюда из Пензанса представлял собой огромную перемену. Если в Пензансе цветы, которые северяне считают тепличными растениями, растут в изобилии под открытым небом даже зимой, а мягкий, теплый климат позволяет жителям при желании проводить почти все время на открытом воздухе, то йоркширские цветы и овощи отличаются чахлостью, а дерево даже скромных размеров надо искать долго и упорно. На здешних болотах долго не тает снег, простираясь от горизонта до самого жилища, которое с этих пор стало ее домом и где часто в осенние и зимние ночи четыре поднебесных ветра как будто объединяют усилия, чтобы вместе неистовствовать и рваться внутрь подобно диким зверям. Ей не хватало череды веселых светских визитов, без которых немислима повседневная жизнь провинциального городка. Она скучала по друзьям, которых знала с детства и многие из которых были друзьями ее родителей до того, как стать ее друзьями. Ей не по душе были многие обычаи Хаурта, и она испытывала особый страх перед сыростью и холодом, поднимавшимися от каменных полов в коридорах и комнатах пасторского дома. Кажется, и лестницы там были из камня,

что неудивительно, учитывая тот факт, что каменоломни находились поблизости, а деревья были редкостью. Мне рассказывали, что из-за боязни подхватить простуду мисс Бренуэлл постоянно бродила по дому, стуча деревянными башмаками вверх и вниз по лестнице. По какой-то причине с годами она начала проводить почти все время в своей комнате, там она даже принимала пищу. Дети относились к ней с почтением, их привязанность проистекала из уважения, но я не думаю, что они ее по-настоящему любили. Для любого человека той эпохи столь резко поменять место обитания и жилище было суровым испытанием, и тем значительнее ее заслуга.

Не знаю, научила ли мисс Бренуэлл своих племянниц чему-либо, кроме шитья и домоводства, в чем Шарлотта впоследствии проявила такие способности. Их уроки каждый день проверял отец, и они всегда сами находили огромное количество разнообразной информации. Примерно за год до этого на севере Англии открыли школу для дочерей священнослужителей. Она находилась в Кован-Бридж, маленькой деревушке рядом с почтовым трактом, связывающим Лидс и Кендал, поэтому добраться туда из Хауорта было легко: почтовая карета отправлялась ежедневно, делая остановку в Кейли. В соответствии с правилами приема, приведенными в Отчете за 1842 год, ежегодный бюджет на одну ученицу (не возросший, кажется, с самого основания школы в 1823 году) составлял:

«Правило 2. Затраты на одежду, проживание, питание и образование – 14 фунтов в год, половина этой суммы подлежит оплате заранее, до прибытия учениц, кроме того, 1 фунт оплачивается в момент прибытия учениц и используется на книги и т. п. Программа обучения включает историю, географию, пользование глобусом, грамматику, письмо и арифметику, все виды вышивания и наиболее изящные виды домоводства, такие как обращение с тонким полотном, глажение и т. п. Если требуются особые навыки, дополнительные 3 фунта в год взимаются на уроки музыки или рисования».

Правило 3 предписывает, чтобы родители четко определили желаемый вид образования для каждой ученицы, учитывая ее перспективы на будущее.

Правило 4 определяет, какую одежду и туалетные принадлежности девочка должна привезти с собой, и в заключение написано следующее: «Все ученицы ходят в одинаковой одежде. Они носят простую соломенную шляпку; летом белые платья по воскресеньям и желтые в остальные дни; зимой фиолетовые платья и плащи из фиолетового сукна. Во имя единообразия, таким образом, они обязаны привезти 3 фунта вместо того, чтобы привозить платья, пальто, шляпки, палантины и оборки. Итого, каждая ученица платит школе:

7 фунтов за полгода

1 фунт на книги во время прибытия

1 фунт на одежду во время прибытия».

Правило 8 гласит: «Все письма и посылки проверяются наставницей». Но это предписание широко распространено во всех школах для молодых леди, в которых, я думаю, считается само собой разумеющимся, что классная дама имеет право осуществлять эту функцию, хотя с ее стороны было бы неразумно слишком часто пользоваться подобной привилегией.

Нет ничего из ряда вон выходящего в этих предписаниях, которые безусловно были прочитаны мистером Бронте до того, как он принял решение послать своих дочерей в школу Кован-Бридж. И вот в июле 1824 года он отвез туда Марию и Элизабет.

Я подхожу к части моего повествования, сопряженной с особыми трудностями, потому что свидетельства с каждой стороны настолько противоречат друг другу, что почти невозможно составить себе представление о том, что же происходило на самом деле. Мисс Бронте несколько раз говорила мне, что она не написала бы того, что написала о Ловуде в «Джейн Эйр», если бы ей пришло в голову, что это место будет вызывать мгновенные ассоциации с Кован-Бридж, хотя в своем рассказе об этой школе она ни единым словом не погрешила против истины, так, как она ее тогда понимала. Она добавила, что не считала необходимым

в художественном произведении давать отчет о каждой детали с беспристрастностью, которая требуется в суде, или же искать мотивацию или принимать во внимание чувства людей так, как она это сделала бы, если бы спокойно анализировала поведение тех, кто руководил ее учебным заведением. Мне кажется, она сама была бы рада иметь возможность исправить слишком сильное впечатление, произведенное на публику ее яркими описаниями, хотя даже она, страдая всю свою жизнь душевно и телесно от последствий произошедшего тогда, вполне могла принять свою глубокую веру в факты за сами факты и свое представление о правде за саму правду.

Главной движущей силой, способствовавшей основанию школы, был состоятельный священник, проживавший около Керби-Лонсдейл, мистер Вильям Карус Вилсон. Это был энергичный человек, не щадивший сил для достижения своих целей и готовый пожертвовать всем, кроме власти. Ему было ясно, что священникам с ограниченным достатком невероятно трудно дать своим детям образование, поэтому он создал особую систему, при которой ежегодно по подписке собиралась дополнительная сумма денег, необходимая для основательного и удовлетворительного английского образования, для чего выплачиваемой родителями суммы в 14 фунтов было бы недостаточно. И в самом деле, того, что платили родители, хватало исключительно на покрытие расходов на проживание и питание, а расходы на образование покрывались из денег, собранных по подписке. Было назначено двенадцать попечителей, и мистер Вилсон был не только одним из них, но также казначеем и секретарем. Он вообще взял на себя основные административные заботы – эти обязанности достались ему вполне естественно, так как он жил ближе к школе, чем кто-либо другой из заинтересованных лиц. Таким образом, его расчетливость и его суждения в определенной степени определили и успехи и неудачи школы Кован-Бридж, которая в течение долгих лет была средоточием всех его интересов. Но, очевидно, ему был незнаком основной принцип успешного управления – отбирать абсолютно компетентные кадры для руководства каждым сектором, а затем возлагать на них ответственность и судить их по результатам без того, чтобы постоянно и неблагоприятно вмешиваться в разные мелочи. Мистер Вилсон сделал много добра в результате своего неустанного и неутомимого руководства школой, и я не могу не посочувствовать ему в том, что на старости лет, когда его здоровье шло на убыль, ошибки, безусловно им совершенные, были поставлены ему в вину в выражениях, получивших столь удивительную силу благодаря гению мисс Бронте. У меня перед глазами его последние слова, написанные им в момент отставки с должности секретаря в 1850 году – он говорит о том, что «из-за ухудшающегося здоровья прекращает надзор за школой, за которой при любых обстоятельствах любил наблюдать с искренним и тревожным интересом», прибавляя, что он увольняется «с желанием поблагодарить за все, что Богу было угодно совершить через его посредничество (глубоко переживая и сожалея о недостатках и обо всех недостойных действиях)».

Кован-Бридж представляет собой группу из шести или семи домов, теснящихся один к другому с обоих концов моста, по которому дорога из Лидса в Кендал пересекает небольшую речушку Лек. Эта дорога сейчас почти не используется, но раньше, когда купцы из промышленных районов Вест-Райдинга имели возможность часто ездить на север закупать шерсть у фермеров Вестерморлэнда и Камберлэнда, движение на ней, без сомнения, было очень оживленным. Возможно, тогда деревушка Кован-Бридж выглядела более процветающей, чем сегодня. Она расположена в живописном месте, прямо там, где болотистая возвышенность Лека переходит в долину, а по берегам речушки растут ольха, ива и орешник. Русло реки преграждают обломки серого камня, а вода течет по крупной белой гальке, которую бурный поток подхватывает и разбрасывает по сторонам, так что в некоторых местах галька образуется в подобие стены. По берегам неширокого, мелкого, сверкающего и стремительного Лека тянутся типичные для возвышенности низкотравные пастбища, ибо, хотя Кован-Бридж и находится на равнине, в ней есть много обрывов, и к долине Лун ведет долгий

спуск. Трудно понять, как случилось, что расположенная там школа имела столь нездоровую атмосферу – когда я была там прошлым летом, воздух вокруг был пропитан сладостным ароматом тимьяна. Сегодня, конечно, всем известно, что место для здания, рассчитанного на многих обитателей, нужно выбирать гораздо тщательнее, чем место для частного дома из-за инфекционных и иных болезней, распространяемых при скоплении людей.

Дом до сих пор представляет собой часть помещения, занимаемого школой. Это длинная постройка с эркерами, сегодня разделенная на две части. Он выходит на речку Лек, от которой он отделен пространством в семьдесят ярдов, некогда занимаемым школьным садом. Перед этим зданием, под прямым углом к тому, что осталось от школы, у реки раньше была расположена мельница, деревянные колеса которой были сделаны из ольхи – дерева, в изобилии произрастающего на окружающей Кован-Бридж земле. Мистер Вилсон приспособил эту мельницу для своих целей: на нижнем этаже располагались классные комнаты, а на верхнем спальни. Сегодня в доме находятся комнаты учителей, столовая и кухни, а также несколько маленьких спален. Войдя вовнутрь, я обнаружила, что одна его часть, расположенная ближе всего к дороге, была превращена в убогий паб, который намеревались сдать в аренду и который имел жалкий вид покинутого помещения, поэтому трудно было представить себе, как он выглядел, когда содержался в порядке и имел в окнах целые, а не битые стекла, а потрескавшиеся и выцветшие рамы были белыми и крепкими. Другая часть представляет собой столетний дом с низкими потолками и каменными полами. Окна в нем открываются с трудом, а коридор наверху, ведущий к спальням, узок и извилист; запахи в этом доме долго не выветриваются, и повсюду ощущается сырость. Но тридцать лет назад мало кто задумывался о санитарных нормах. Найти просторное здание рядом с главной дорогой и не так далеко от жилища мистера Вилсона, вдохновителя всего проекта, казалось потрясающей удачей. В таком заведении была большая нужда, священники в массе своей радостно приветствовали его открытие и с готовностью записали своих детей в ученицы в ожидании момента, когда школа будет готова принять их. Мистер Вилсон был, без сомнения, доволен, что воплощение его идеи ожидали с таким нетерпением. Он открыл заведение, имея менее ста фунтов наличных денег и приняв, насколько я могу судить, от семидесяти до восьмидесяти воспитанниц.

Видимо, мистер Вилсон чувствовал, что ответственность за весь план возложена на него. Суммы, предоставленной родителями, едва хватало на питание и проживание, деньги, собираемые по подписке для финансирования еще не опробованного проекта, поступали не столь активно, и нужно было соблюдать большую экономию во всех областях домашнего хозяйства. Он решил добиваться исполнения этого предписания путем частых личных инспекций, и его страсть к командованию, по-видимому, привела к чрезмерному вмешательству в разные частности, в чем не было необходимости и что вызывало только раздражение. При всей экономии в закупках на домашние нужды подлинной бережливости, кажется, не было. Мясо, муку, молоко и прочее поставляли по договору, и все эти продукты были весьма приличного качества, а рацион, который мне показали в рукописном виде, не содержал ничего плохого или вредного, да и в разнообразии в целом не было недостатка. Овсянка подавалась на завтрак; кусочек овсяного кекса давали тем, кто нуждался в обеде; запеченая или отварная говядина и баранина, картофельный пирог и различные простые домашние пудинги на ужин. В пять часов младшие получали хлеб с молоком, а старшие, которым полагался такой же ужин позднее, один кусок хлеба (это было единственное ограничение в еде). Мистер Вилсон сам заказывал продукты и следил за тем, чтобы они были хорошего качества. Но кухарка, которая пользовалась его полным доверием и на которую долгое время никто не смел пожаловаться, была небрежной, неопрятной и неэкономной. Некоторые дети не любят овсянку, и, следовательно, она не пойдет им впрок, даже если будет приготовлена должным образом; в школе Кован-Бридж она подавалась не только подгоревшей, но и с попавшими

в нее отвратительными чужеродными веществами. Мясо, которое следовало хорошенько посолить до того, как разделявать, часто по недосмотру начинало гнить. Девочки, бывшие одноклассницами сестер Бронте в период царствования кухарки, о которой я повествую, говорили мне, что круглые сутки весь дом казался пропитанным вонью протухшего сала, ею несло из печи, в которой готовилась почти вся их еда. Такая же небрежность была характерна для приготовления пудингов; один из включенных в меню представлял собой отварной рис, подававшийся с патокой и сахаром, но часто есть его было невозможно, потому что воду черпали из цистерны для дождевой воды, которая была смешана с грязью, стекавшей с крыши в старую деревянную бочку, в свою очередь добавлявшую свой аромат к вкусу дождевой воды. Молоко также нередко оказывалось свернувшимся, оно скисало не просто из-за жаркой погоды, но, по всей видимости, и из-за не очень тщательно вымытых крынок. По субботам подавался своеобразный пирог, начиненный смесью картофеля и мяса, и среди его ингредиентов были остатки разных блюд, не съеденных в течение недели. Ошметки мяса из грязной и неприбранной кладовой вообще не могут пробудить аппетит, и я полагаю, что такой ужин вызывал наибольшее отвращение в первые дни существования школы Кован-Бридж. Можно вообразить, насколько омерзительно это блюдо было для детей со скромным аппетитом, которые привыкли к еде, возможно, гораздо более простой, но приготовленной с таким неукоснительным соблюдением чистоты, которое делает ее одновременно и вкусной и полезной. Маленькие Бронте часто не притрагивались к еде, хотя и испытывали позывы голода. Они не отличались особо крепким здоровьем на момент поступления в школу, только что оправившись от осложнений после кори и коклюша, и я даже полагаю, что они толком еще и не выздоровели, потому что школьная администрация проводила определенные консультации на предмет того, могут ли Мария и Элизабет быть приняты в июле 1824 года. Мистер Бронте приезжал еще раз в сентябре того же года и привез с собой Шарлотту и Эмили, которых также зачислили в ученицы.

Представляется странным, что мистер Вилсон не был проинформирован учителями о том, как готовилась пища, но нужно иметь в виду, что семья Вилсонов знала кухарку достаточно давно, в то время как учителя были наняты для исполнения совершенно иных обязанностей – а именно, для преподавания. Им ясно дали понять, что лишь это и входит в круг их обязанностей, а закупки и распределение провизии оставались прерогативой мистера Вилсона и кухарки. Учителя, конечно, не были склонны жаловаться ему на это, но даже когда жалобы доходили до него, он отвечал, что детей надо воспитывать так, чтобы они больше интересовались возвышенными предметами, а не потворствовали своему желудку, и читал им наставления о греховности чрезмерной заботы о телесном (очевидно, не осознавая тот факт, что ежедневное отвращение и отказ от еды безусловно пагубно скажутся на их состоянии).

Здоровье девочек подвергалось еще одному испытанию. Путь из Кован-Бридж в церковь Тансталл, где проповедовал мистер Вилсон и которую они посещали по воскресеньям, составляет две мили и идет то вверх то вниз по открытой местности. Такая прогулка освежает и бодрит летом, но не в зимнюю стужу, особенно для детей с вялым кровообращением вследствие их полуголодного состояния. Церковь не обогревалась, так как не была оборудована для этой цели. Она стоит в открытом поле, и влажные туманы льнут к ее стенам и проникают внутрь сквозь окна. Девочки брали с собой холодный обед и съедали его между службами в помещении над входом, в которое можно было проникнуть из бывших галерей. Распорядок этого дня был слишком мучительным для хрупких детей, особенно для апатичных и тоскующих по дому так, как бедняжка Мария Бронте. Ее состояние все ухудшалось, застарелый кашель, оставшийся после коклюша, не проходил; намного превосходя умом своих сверстниц и подруг, она была одинока среди них по той же самой причине. К тому же у нее были досадные недостатки, из-за которых она постоянно была на плохом счету у вос-

питательниц и даже стала объектом безжалостной неприязни одной из них, изображенной в «Джейн Эйр» как мисс Скэтчерд и чье подлинное имя я не буду раскрывать из милости. Едва ли нужно уточнять, что Мария Бронте стала прототипом Элен Бернс, воспроизведенной Шарлоттой очень точно благодаря ее изумительному искусству создания характера. Ее сердце до самой последней нашей встречи все еще трепетало от бессильного возмущения треволнениями и жестокостью, которым эта женщина подвергала ее нежную, терпеливую, умирающую сестру. Ни слова в этой части «Джейн Эйр» не представляет собой отступления от буквального воспроизведения сцен между ученицей и учительницей. Те, кто учился в то же самое время, безошибочно определяли авторство этой книги из-за сильного чувства, с которым описываются страдания Элен Бернс. Кроме того, они опознавали мисс Темпл по описанию ее мягкого достоинства и великодушия, единственно справедливой дани человеку, к заслугам которого все они относились с уважением. Но когда осуждению подверглась мисс Скэтчерд, они также узнали в авторе «Джейн Эйр» поневоле мстительную сестру страдальцы.

Одна из соучениц Шарлотты и Марии Бронте, помимо еще более ужасных воспоминаний, поделилась со мной следующим. Дортуар, где спала Мария, представлял собой длинную комнату, по обеим сторонам которой стоял ряд узких кроваток, занимаемых воспитанницами. В конце этого дортуара находилась примыкавшая к нему спальня, приспособленная для нужд мисс Скэтчерд. Кровать Марии стояла у самой ее двери. Однажды утром, после того как она так серьезно занемогла, что потребовалось приложить ей к боку пластырь (ранка от которого полностью еще не была залечена), колокольчик прозвонил подъем, и маленькая Мария простонала, что она больна, так больна, что желала бы остаться в постели. Некоторые из девочек посоветовали ей так и поступить и пообещали объяснить все это директрисе мисс Темпл. Но мисс Скэтчерд находилась поблизости, и ее гневу пришлось бы подвергнуться еще до того, как смогла бы вмешаться милосердная мисс Темпл. Итак, трясаясь от холода, больной ребенок начал одеваться. Все еще сидя в постели, она медленно натягивала черные чулки из крученой шерсти на свои худенькие бледные ножки (моя собеседница говорила так, как будто она все еще видела эту картину, и из-за неутраченного возмущения кровь прилила к ее лицу). Как раз в эту минуту мисс Скэтчерд вышла из своей комнаты и, не требуя никаких разъяснений у больной перепуганной девочки, схватила ее за руку (с той стороны, к которой был приложен пластырь) и одним резким движением вытолкнула ее на середину спальни, ругая ее без умолку за отвратительные, неряшливые повадки. Там она ее и оставила. По словам моей собеседницы, Мария не проронила ни единого слова, за исключением просьбы сохранять спокойствие, обращенной к самым возмущенным девочкам. Медленным, неверным шагом, постоянно спотыкаясь, она наконец спустилась вниз – и получила выговор за опоздание.

Легко представить себе, какими душевными терзаниями обернулось для Шарлотты подобное происшествие. Что меня особенно удивляет, это то, что после смерти Марии и Элизабет она не протестовала против решения отца отправить ее с Эмили обратно в Кован-Бридж. Но часто дети не осознают, что их безыскусные откровения могут заставить близких изменить мнение об окружающих людях. Кроме того, своим серьезным и энергичным умом Шарлотта уже в необычайно раннем возрасте осознавала чрезмерную важность образования, способного вооружить ее знаниями, использовать которые у нее достанет сил и решимости. К тому же она понимала, что образование, получаемое в Кован-Бридж, было, во многих отношениях, лучшим из того, что мог предоставить ей отец.

Незадолго до кончины Марии Бронте весной 1825 года у нее начался легкий жар, о котором говорится в «Джейн Эйр». Уже самые первые симптомы страшно обеспокоили мистера Вилсона; его самоуверенность пошатнулась; он не мог понять, какая болезнь сделала девочек слишком унылыми и пассивными, чтобы внимать увещаниям или же вооду-

шевляться духовными текстами и наставлениями, но, напротив, погрузила их в тупую одурь и бессознательную вялость. Он направился к доброй заботливой женщине, которая была каким-то образом связана со школой – кажется, она служила прачкой – и попросил ее прийти и посмотреть, что с ними случилось. Она собралась и поехала с ним в его двуколке. Войдя в школьное помещение, она увидела двенадцать-пятнадцать девочек, лежащих, опустив головы на стол, или прямо на полу; у всех были набухшие веки, воспаленные щеки, боль в конечностях, и все испытывали безразличие и усталость. Некий характерный запах подсказал ей, что они страдали от «горячки»³⁵, о чем она и сообщила мистеру Вилсону, прибавив, что она не может там дольше оставаться из-за опасения передать инфекцию своим детям. Но он, полуприказывая, полуумоляя ее остаться и выхаживать их, в конце концов вскочил в свою двуколку и был таков, в то время как она все еще убеждала его, что ей необходимо вернуться в свой дом к своим домашним обязанностям, в чем ее никто не может заменить. Однако, как только ее оставили столь бесцеремонным способом, она решила сделать все от нее зависящее и оказалась самой расторопной сиделкой, хотя затем и вспоминала об этом времени как о весьма безотрадном. Мистер Вилсон закупил все, что было предписано доктором, не только самого лучшего качества, но и очень щедро в количественном отношении. Он даже обратился за дополнительной консультацией к своему зятю, весьма толковому врачу из Керби, с которым уже довольно давно не поддерживал близких отношений. Именно этот доктор попробовал и выразительным жестом осудил ежедневный рацион девочек, выплюнув порцию, взятую для дегустации. Около сорока девочек страдали от этой горячки, но никто из них не умер в Кован-Бридж, хотя одна скончалась у себя дома от преследовавшей ее болезни. Ни у одной из сестер Бронте горячки не было. Но те же причины, которые подорвали здоровье других учениц с помощью брюшного тифа, медленно, но верно сказывались и на их состоянии.

Главная вина пала на нерадивую кухарку, и она была уволена, а место экономки досталось женщине, которую против воли заставили служить главной сиделкой. С тех пор еда была так хорошо приготовлена, что ни у кого не было разумных оснований жаловаться. Бесспорно, нельзя ожидать, чтобы новое заведение, обеспечивающее обучение и проживание почти сотни человек, с самого начала функционировало безупречно, и все это произошло в первые два года с момента его основания. Но мистер Вилсон обладал несчастным даром раздражать даже тех, к кому он был хорошо расположен и кому он постоянно жертвовал деньгами и временем, потому что никогда не показывал уважения к их независимым суждениям и действиям. К тому же, плохо разбираясь в человеческой природе, он воображал, что, постоянно напоминая девочкам об их зависимом положении и о том, что они получают образование на пожертвования, он может воспитать в них смирение и скромность. Наиболее ранимые из них испытывали горечь от такого унижительного обращения и вместо того, чтобы быть благодарными за реальные блага, которыми они пользовались, чувствовали прилив гордости, вызванной унижением. Тягостные впечатления глубоко ранят души хрупких и болезненных детей. Тем, что заставляет здоровых испытать мгновенное и моментально забываемое страдание, больные тягостятся помимо своей воли и помнят долго, возможно, без негодования, но просто как часть мучений, которыми отмечена их жизнь. Картинам, мыслям и представлениям о характере, проникнувшим в ум восьмилетнего ребенка, было суждено найти выход в пламенных словах четверть века спустя. Она смотрела на все лишь с одной стороны и видела лишь неприятную сторону мистера Вилсона. Многие из тех, кто знал его, уверяют меня, что его противные качества, его спесь, властолюбие, непонимание человеческой натуры и, соответственно, недостаток мягкости изображены удивительно верно. В то

³⁵ Горячка – эвфемизм для брюшного тифа.

же время они сожалеют, что в ее описании эти качества фактически затмили почти все его благородство и добросовестность.

Четверо сестер Бронте не оставили по себе отчетливых воспоминаний у тех, кто общался с ними в этот период их жизни. Общепринятые правила приличия, поведения и самовыражения в той же мере не давали проявиться их диким и стойким душам и мощному уму, как твердые неменяющиеся маски, надетые на них отцом, скрывали их подлинные лица. Мария была хрупкой, необычайно смышленной и задумчивой для своего возраста, нежной и неопрятной. Я уже говорила о том, как часто ее наказывали из-за этого последнего недостатка и как кротко она переносила мучения. Единственное представление, которое мы можем получить об Элизабет за несколько лет ее краткой жизни, содержится в письме, полученном мною от мисс Темплъ: «Вторая, Элизабет, – это единственная сестра, о которой у меня сохранилось яркое воспоминание из-за того, что с ней произошел довольно серьезный несчастный случай, в результате которого она оказалась на несколько суток в моей спальне, не столько ради ее покоя, сколько для того, чтобы я сама могла наблюдать за ней. У нее были глубокие порезы на голове, но она переносила все муки с чрезвычайным терпением и тем самым заслужила мое глубокое уважение. О двух младших (если их было двое) у меня самое смутное воспоминание, за исключением того, что одна очаровательная девочка, младше пяти лет, была любимицей всей школы». Этой последней была Эмили. Шарлотту считали самой разговорчивой из всех сестер: «веселый, сообразительный ребенок». Ее лучшей подругой была некая «Меллани Хейн» (так ее имя передает мисс Бронте) из Вест-Индии, за чье образование платил ее брат. Она не обладала никакими особыми талантами, кроме музыкального, но развивать его не позволяло финансовое положение ее брата. Это была «вечно голодная, добродушная, заурядная девочка», старше Шарлотты и всегда готовая защищать ее от любой мелкой тирании или нападков на нее со стороны старших девочек. Шарлотта всегда вспоминала о ней с симпатией и благодарностью.

Я процитировала определение «веселая» по отношению к Шарлотте. Полагаю, что этот год, 1825, был последним, когда о ней можно было так отозваться. В ту весну состояние Марии так быстро ухудшалось, что послали за мистером Бронте. Он никогда ранее не слышал о ее болезни, и найти ее в таком состоянии было для него чудовищным ударом. Он увез ее домой на почтовой карете Лидса, и девочки высыпали на дорогу, чтобы проводить ее взглядом за мост и мимо домиков, после чего она навсегда исчезла из вида. Она умерла всего через несколько дней после возвращения домой. Возможно, сообщение о ее смерти, внезапно ворвавшееся в жизнь, частью которой ее кроткое существование было лишь за неделю до этого, заставило оставшихся в Кован-Бридж взглянуть с бóльшим беспокойством на симптомы Элизабет, которые тоже оказались признаками чахотки. Ее послали домой в сопровождении верного слуги заведения, и она также скончалась ранним летом того же года. Таким образом на Шарлотту внезапно были возложены обязанности старшей сестры в семье, лишенной матери. Она помнила, как упорно, ревностно и серьезно ее сестра Мария стремилась быть ласковой помощницей и советчицей для всех них, и обязанности, которые сейчас выпали на ее долю, казались едва ли не завещанием недавно скончавшейся нежной маленькой страдальцы.

И Шарлотта и Эмили вернулись в школу после каникул в середине лета того же рокового года³⁶. Но до начала следующей зимы было сочтено благоразумным забрать их оттуда, так как стало очевидно, что сырость в доме Кован-Бридж пагубно сказывалась на их здоровье.

³⁶ Иные источники содержат информацию, противоречащую этому утверждению. Очевидно, и Шарлотта, и Эмили навсегда покинули школу 1 июня 1825 г. и больше туда не возвращались.

Глава 5

По вышеизложенным причинам девочек послали домой осенью 1825 года, когда Шарлотте было едва за девять.

Примерно в это время в пасторском доме появилась новая служанка – пожилая женщина из деревни. Она жила с ними почти как член семьи около тридцати лет. Срок ее верного служения, а также привязанность и уважение, которые она снискала, заслуживают особого упоминания. По своему диалекту, внешности и характеру Тэбби³⁷ была типичной представительницей йоркширцев своего класса. У нее было предостаточно здравого смысла и смекалки. Она редко кому-либо льстила, но не жалела сил для тех, к кому относилась по-доброму. Детьми она управляла довольно жестко и в то же время всегда была готова сделать дополнительное усилие, чтобы побаловать их в меру своих возможностей. В ответ она требовала, чтобы к ней относились как к преданному другу. Много лет спустя мисс Бронте рассказывала мне, что ей было непросто удовлетворять этому требованию: Тэбби ожидала, что ее будут информировать о всех семейных неурядицах, но она была глуховата, поэтому о том, что ей говорилось, узнавали все, кто оказывался рядом. Чтобы не предавать секреты огласке, мисс Бронте имела обыкновение брать ее на прогулку по безлюдным болотам, и там, усевшись с ней на пучках вереска где-нибудь на пустынной возвышенности, она могла спокойно осведомить старушку обо всем, что той хотелось знать.

Тэбби жила в Хаурте еще в тот период, когда раз в неделю через городок в радующем глаз шерстяном убранстве проходили выючные лошади, побрякивая колокольчиками. Они везли местные товары из Кейли через горы в Лоулн и Бернли. Она помнила «низинку», или долину, в те давние времена, когда в лунные ночи на берегу реки появлялись феи, и она лично знала тех, кто их видел. Но это было до того, как в долине появились фабрики, в ту пору пряли вручную в деревенских домах. «Фабрики их вытеснили», говорила она. Без сомнения, она могла рассказать много историй о прошлом этого края; о старинном образе жизни, былых обитателях, обедневшем, постепенно исчезнувшем дворянстве, чьи жилища так больше и не видали своих хозяев; о семейных трагедиях, мрачных предрассудках и проклятиях. Ей и в голову не приходило что-либо смягчать в своих рассказах, и она подробно останавливалась на всех неприукрашенных и грубых деталях.

Мисс Бренуэлл обучала детей в определенные часы всему, что была в состоянии им передать, превратив свою спальню в классную комнату. Их отец имел обыкновение сообщать им обо всех событиях общественной жизни, к которым сам проявлял интерес, и мнения, сформированные его сильным и независимым умом, давали им немало пищи для размышлений, но я не знаю, занимался ли он непосредственными наставлениями. Глубокая и чуткая душа Шарлотты с надрывом относилась к возложенным на нее заботам о ее оставшихся в живых сестрах. Она была лишь на восемнадцать месяцев старше Эмили; но если Эмили и Энн просто дружили и играли вместе, Шарлотта выступала по отношению к ним обеим как подруга, мать и опекун вместе взятые, и эти с любовью принятые на себя обязательства, для выполнения которых она была еще слишком мала, заставляли ее чувствовать себя значительно старше своих лет.

Их единственный брат, Патрик Бренуэлл, подавал большие надежды и в некотором отношении демонстрировал раннее развитие таланта. Друзья господина Бронте советовали ему отправить мальчика в школу, однако, памятуя о том, какой силой воли он сам отличался в молодости и как он ею воспользовался, он решил, что Патрику лучше остаться дома и что он сам мог хорошо его выучить, как он выучил раньше и других. Итак, Патрик, или, как

³⁷ Тэбби – Табита Эйкройд (1770–1855) служила в доме Бронте с 1824 г.

его называли в кругу семьи, Бренуэлл, остался в Хаурте, напряженно занимаясь с отцом несколько часов в день, но когда последний должен был приступить к своим пасторским обязанностям, мальчик проводил время со случайными приятелями из числа деревенских ребят: каждому возрасту – свои забавы.

Он все еще продолжал принимать участие во многих спокойных и интеллектуальных играх и развлечениях своих сестер. Мне передали интересный сверток, содержащий многочисленные рукописи, уместившиеся на немислимо ограниченном пространстве; это были рассказы, драмы, стихи, любовные истории, написанные главным образом Шарлоттой, да так мелко, что их невозможно расшифровать без увеличительного стекла. Никакое описание не даст столь четкого представления о чрезвычайной плотности ее почерка, как приведенная здесь копия одной странички (см. стр. 102).

Эти бумаги содержат список ее произведений, который я копирую как любопытное доказательство того, как рано она была охвачена жаром сочинительства:

Каталог моих книг, законченных к 3 августа 1830.

Две романтические новеллы в одном томе, а именно «Двенадцать путешественников» и «Путешествия по Ирландии» (2 апреля 1829).

«В поисках счастья», новелла, 1 августа 1829.

«Время отдыха», новелла, и два фрагмента, 6 июля 1829.

«Приключения Эдварда де Крака», новелла, 2 февраля 1830.

«Приключения Эрнста Алемберта», новелла, 26 мая 1830.

crosses after a while they became tranquil & then O'Donnell
at the request of the Duke related all his adventures since
he parted with them not omitting the condition on which
he was now in the palace when he had ended a loud voice
was heard saying that he was free from his promise
& might spend the rest of his days in his native city
some time after this as O'Donnell was walking in the
streets he met a gentleman who he thought he had
seen before but could not recollect where or under what
circumstances after a little conversation he discovered
that he was Adversary Delaney that he was now a
rich merchant in the city of Paris & high in favour
with the emperor Napoleon as may be supposed
they were equally delighted at the discovery they ever
after lived ~~happily~~ in ~~the city~~ their separate cities & so
ends my little tale. P. Monte August 17th

1829

Contents

- Chap I character of O'Donnell cause of his travels
- Chap II about meeting Delaney coming to the old castle
entering the new world description old man
- Chap III coming to the cave manner of life arrival of the
- Chap VI old mans tale
- Chap V Departure of the old man disappearance of Delaney
transportation of O'Donnell his arrival at the city his arrival
at the palace his interview with his chief he finds
Delaney well

FINIS

Точная копия последней страницы новеллы «В поисках счастья» с подписью Шарлотты Бронте, 17 августа 1829 (чернила на бумаге)

«Интересное происшествие в жизни нескольких из самых выдающихся персон века», новелла, 10 июня 1830.

«Рассказы островитян», в четырех томах. Содержание 1-го тома: 1. Рассказ об их происхождении. 2. Описание острова видений. 3. Попытка Раттена. 4. Приключение лорда Чарльза Веллесби и маркиза Доуро, завершено 31 июня 1829. 2-й том: 1. Школьный бунт. 2. Странное происшествие в жизни герцога Веллингтонского. 3. Рассказ для его сыновей. 4. Маркиз Доуро и рассказ герцога Веллингтонского для его маленького короля и королев, завершено 2 декабря 1829. 3-й том: 1. Приключение герцога Веллингтонского в пещере. 2. Герцог Веллингтонский и посещение маленьким королем и королевой конногвардейцев, завершено 8 мая 1830. 4-й том: 1. Три старые прачки из Стрэтфилдсей. 2. Рассказ С. Веллеслей для его брата, завершено 30 июля 1830.

«Характеры великих людей нашего века», 17 декабря 1829.

«Журнал для молодых людей», в шести номерах, с августа по декабрь, двойной номер в декабре, завершено 12 декабря 1829. Общее содержание: 1. Достоверная история. 2. Причины войны. 3. Песня. 4. Беседы. 5. Продолжение достоверной истории. 6. Дух Кодора. 7. Интерьер пивной, стихотворение. 8. Стекланный город, песня. 9. Серебряный кубок, новелла. 10. Стол и ваза в пустыне, песня. 11. Разговоры. 12. Сцена на большом мосту. 13. Песня древних британцев. 14. Сцена в моей бочке, новелла. 15. Американская новелла. 16. Строки, написанные при созерцании сада Гения. 17. Слово о Стекланном городе. 18. Швейцарский художник, новелла. 19. Строки на передачу этого журнала. 20. О том же, но другой рукой. 21. Главный гений в совете. 22. Урожай в Испании. 23. Швейцарский художник, продолжение. 24. Беседы.

«Рифмоплет», драма, в 2-х томах, 12 июля 1830.

«Книга стихов», закончена 17 декабря 1830. Содержание: 1. Красота природы. 2. Короткое стихотворение. 3. Размышления во время путешествия по канадскому лесу. 4. Песнь изгнанника. 5. При виде развалин Вавилонской башни. 6. *Вещь в 14 строк*. 7. Строки, написанные на берегу реки летним вечером. 8. Весна, песня. 9. Осень, песня.

Разные стихи, закончены 30 мая 1830. Содержание: 1. Церковный дворик. 2. Описания дворца герцога Веллингтонского, расположенного на приятных берегах Лусивы, это произведение представляет собой короткий рассказ или случай. 3. Удовольствие. 4. Строки, написанные на вершине высокой горы на севере Англии. 5. Зима. 6. Два фрагмента. Первый: Видение. Второй: Короткое стихотворение без названия. Вечерняя прогулка, стихотворение, 23 июня 1830.

Итого двадцать два тома.

Ш. Бронте. 3 августа 1830.

Так как каждый том содержит от шестидесяти до ста страниц и поскольку факсимильная страница меньше средней, общее количество представляется весьма обширным, если мы вспомним, что все это было написано в течение приблизительно пятнадцати месяцев. Но довольно о количестве. Качество же представляется мне исключительным для девочки тринадцати-четырнадцати лет. Как иллюстрацию стиля ее прозы того времени и как отражение тихой домашней жизни, которую вели эти дети, приведу отрывок из предисловия к «Рассказам островитян», как назывался один из их «маленьких журналов»:

«31 июля 1829.

Вот как в декабре 1827 г. мы сочинили «Пьесу островитян». Однажды вечером в то время года, когда ноябрьский мокрый снег, бури и туманы сменяются снегопадами и завыв-

вающими ночными ветрами наступившей зимы, все мы сидели у пылающего огня на кухне. Только что у нас произошла ссора с Тэбби по поводу того, уместно ли зажечь свечку, из этого столкновения она вышла победительницей, и никакой свечки мы так и не получили. Наступило затяжное молчание, которое наконец было прервано Бренуэллом, лениво произнесшим: «Чем бы заняться?» Его поддержали Эмили и Энн.

Тэбби: Не пора ли вам на боковую?

Бренуэлл: Все что угодно, только не это.

Шарлотта: Отчего ты сегодня такая угрюмая, Тэбби? О! Представьте себе, что бы было, будь у нас свой собственный остров.

Бренуэлл: Тогда я бы выбрал остров Мэн.

Шарлотта: А я бы выбрала остров Уайт.

Эмили: А для меня остров Эррэн.

Энн: А мой будет Гернси.

Затем мы выбирали главных правителей наших островов. Бренуэлл выбрал Джона Булла, Ашли Копера и Ли Ханта; Эмили – Вальтера Скотта, мистера Локхарта, Джонни Локхарта; Энн – Майкла Сэдлера, лорда Бентика, сэра Хенри Хальфорда. Я выбрала герцога Веллингтонского с двумя сыновьями, Кристофера Норта и Ко. и мистера Эбернети. В этот момент наш разговор был прерван удручающим звуком часов, пробивших семь, и нас отправили спать. На следующий день мы добавили к нашим спискам многих других, пока не перечислили почти всех главных людей королевства. После этого долгое время не произошло ничего достойного упоминания. В июне 1828 года мы построили школу на нашем фиктивном острове, которая была рассчитана на тысячу учеников. Строительство происходило следующим образом. Остров был 50 миль в окружности и скорее был похож на волшебный, чем на настоящий» и т. п.

В этом фрагменте меня поражают две или три вещи. Первое, это то, как подробные описания времени года, вечернего часа, ощущения холода и тьмы на улице, завывания ночного ветра над пустынными заснеженными болотами, приближающегося все ближе и ближе и наконец ударяющего в самую дверь помещения, в котором они сидели – ведь она выходила прямо на угрюмые и бескрайние просторы, – контрастируют с пылающим, ярким огнем веселой кухни, где собрались эти чудесные дети. Тэбби хлопчет по хозяйству, она одета в традиционное деревенское платье; экономная, властная, способная к резким обвинениям, она, тем не менее, никому не позволила бы отругать своих детей, в этом можете быть уверены. Второй заслуживающий внимания факт – это то, как пристрастно они выбирали своих великих людей, большинство из которых являются верными тори той эпохи. Более того, они не ограничиваются местными героями; у них более широкий кругозор, так как им приходилось слышать о многом, что обычно не считается интересным для детей. Маленькая Энн, едва достигшая восьмилетнего возраста, выбирает на роль своих вождей современных политиков.

Сохранился еще один клочок бумаги, написанный таким же едва разборчивым почерком и примерно в то же время, который отчасти проливает свет на то, где они черпали свои представления.

История 1829 года.

«Однажды папа одолжил моей сестре Марии книгу. Это была старая книга по географии. Она написана на оборотной стороне: «Папа дал мне почитать эту книгу». Этой книге сто двадцать лет, в данный момент она лежит передо мной. Сейчас, когда я пишу эти строки, я нахожусь на кухне пасторского дома, в Хаурте. Служанка Тэбби моет посуду после завтрака, а Энн, моя самая младшая сестра (Мария – самая старшая), стоит на коленях на стуле,

пожирая глазами пироги, испеченные для нас Тэбби. Эмили в гостиной подметает ковер. Папа с Бренуэллом отправились в Кейли. Тетя наверху в своей комнате, а я сижу у кухонного стола и пишу. Кейли – это маленький городок в четырех милях отсюда. Папа с Бренуэллом поехали за газетой «Лидс интеллидженсер»; это самая замечательная газета Тори, издаваемая редактором Вудом и издателем Хеннеманом. Мы покупаем две и просматриваем еще три газеты в неделю. Мы берем «Лидс интеллидженсер» Тори и «Лидс Меркьюри» Вигов, редактируемую мистером Бейнсем и его братом, зятем и двумя сыновьями, Эдвардом и Тальботом. Мы пролистываем «Джон Булл»³⁸, это квинтэссенция Тори, очень резкая газета, ее одалживает нам мистер Драйвер, а также «Блэквудс магазин»³⁹, самое профессиональное периодическое издание из всех имеющихся в наличии. Издателем является мистер Кристофер Норт, старик семидесяти четырех лет, его день рождения первого апреля; в его компанию входят Тимоти Тиклер, Морган О’Доерти, Макрабин Мордехай, Маллион, Варнелл и Джеймс Хогг, человек исключительного таланта, шотландский пастух. Мы поставили следующие пьесы: «Молодые люди», июнь 1826; «Наши приятели», июль 1827; «Островитяне», декабрь 1827. Это три наши великие пьесы, которые мы не держим в секрете. Наши с Эмили лучшие пьесы были разыграны 1-го декабря 1827, а остальные в марте 1828. Лучшие пьесы означает тайные пьесы, они очень хороши. Все наши пьесы очень странные. Мне не следует записывать их на бумаге, потому что я думаю, что я всегда буду их помнить. Пьеса «Молодые люди» получила толчок от деревянных солдатиков Бренуэлла, «Наши приятели» от «Басен Эзопа», а «Островитяне» от нескольких происшествий. Я расскажу об истоках наших пьес по возможности подробно. Во-первых, «Молодые люди». Папа купил Бренуэлла в Лидсе деревянных солдатиков. Когда папа вернулся домой, была уже ночь, и мы спали, поэтому Бренуэлл появился в дверях нашей спальни с коробкой солдатиков на следующее утро. Мы с Эмили вскочили с постели, я схватила одного и воскликнула: «Это герцог Веллингтонский! Он будет моим!» Когда я это произнесла, Эмили тоже взяла одного и сказала, что он будет ее, а когда к нам пришла Энн, она сказала, что один солдатик будет ее. Мой был самый красивый и самый высокий и самый совершенный во всех отношениях. Солдатик Эмили был очень хмурый с виду, и мы прозвали его Хмурик. Энн достался странный коротышка, очень похожий на нее, и мы прозвали его Мальчик-на-Побегушках. Бренуэлл выбрал своего собственного и назвал его Бонапартом».

Вышеприведенный отрывок указывает на то, какими книжками интересовались маленькие Бронте, но их жажда знаний, должно быть, тянула их в разные стороны, так как я нахожу «список художников, чьи полотна мне хотелось бы увидеть», составленный Шарлоттой Бронте, когда ей было едва ли тринадцать лет:

«Гвидо Рени, Джулио Романо, Тициан, Рафаэль, Милеланджело, Корреджио, Аннибале Караччи, Леонардо да Винчи, Фра Бартоломео, Карло Чиньяни, Вандейк, Рубенс, Бартоломео Рамерги».

Вот перед вами маленькая девочка, живущая в отдаленном приходе Йоркшира, которая, наверно, никогда в жизни не видела ничего достойного названия картины и которая изучает имена и характерные черты великих итальянских и фламандских мастеров, чьи полотна она мечтает увидеть когда-либо в неведомом далеком будущем! Существует записка, которая содержит подробный анализ и критику гравюр «Дары дружбы к 1829 году», показывающая, как рано она сформировала привычку к внимательному наблюдению и кропотливому анализу причин и следствий, которая послужит ей в последующей жизни подспорьем для ее таланта.

³⁸ «Джон Булл» – журнал консервативного направления (тори), выходивший до 1824 г.

³⁹ «Блэквудс магазин» – один из главных периодических изданий литературно-политического содержания, издававшийся с 1817 г. Джоном Вилсоном (использовавшим псевдоним Кристофер Норт).

То, как мистер Бронте приучил своих детей разделять его политические интересы, не могло не расширять их интеллектуальный кругозор, избавляя их от погружения в мелкие местные сплетни. Приведу еще один личный фрагмент из «Рассказов островитян»: это своего рода извинения, содержащиеся в предисловии ко второму тому, за то, что продолжение рассказов не появилось раньше: авторы, оказывается, долгое время были слишком заняты, а в последнее время чрезвычайно поглощены политикой.

«Началась сессия парламента, на повестку дня был вынесен великий католический вопрос⁴⁰, и меры герцога были обнародованы, и все обернулось враньем, насилием, партийными пристрастиями и смятением. О, что за шесть месяцев, от речи короля до конца! Никто не мог писать, думать или говорить о чем бы то ни было, кроме католического вопроса, а также герцога Веллингтонского и мистера Пила⁴¹. Я помню день, когда «Интеллидженс экстраординер» опубликовала речь мистера Пила, содержащую условия, на которых предлагалось допустить католиков! С каким энтузиазмом папа разорвал обложку и как мы все сгрудились вокруг него, и, затаив дыхание, слушали, как условия одно за другим были сформулированы, объяснены и аргументированы очень толково и очень хорошо; а затем, когда все стало ясно, тетя сказала, что она думает, что это отлично и что католики не могут причинить никакого вреда при такой прекрасной защите. Я помню о всех сомнениях, вызванных тем, пройдет ли это в палату лордов, и предсказания, что не пройдет. И когда вышел документ, который должен был решить этот вопрос, мы слушали обо всем этом деле с жутким волнением: о том, как открылись двери, раздалось цыканье, в какие одеяния были облачены королевские герцоги; о том, что великий князь был в жилете с зеленым поясом; как встали все пэры, едва он поднялся; как была зачитана его речь – папа говорил, что слово у него на вес золота; и, наконец, большинство один к четырем (sic.) в пользу билля. Это отступление» и далее в том же роде.

Это, должно быть, было написано, когда ей отроду было между тринадцатью и четырнадцатью годами.

Некоторым читателям будет интересно узнать, каков был характер ее чисто художественного письма в этот период. Если ее описание реального происшествия, как мы видели, не изящно, буквально и убедительно, то когда она дает волю своим творческим силам, ее воображение и язык несутся наперегонки, иногда доходя до очевидного бреда. Одного примера будет достаточно, чтобы продемонстрировать этот дикий стиль. Это письмо к редактору одного из «Маленьких журналов».

«Сэр. Как хорошо известно, Гении объявили, что, если они не будут каждый год выполнять некие изнурительные обязанности таинственного содержания, все миры в небесах будут сожжены и собраны вместе в одну мощную сферу, которая будет катиться в гордом одиночестве сквозь обширные просторы вселенной, населенной только четырьмя великими князьями Гениев, пока время не сменится вечностью. Подобная дерзость сравнится только с одним их утверждением, а именно, что с помощью своей магической силы они могут превратить мир в пустыню, чистейшие воды – в потоки бледного яда, а чистейшие озера – в стоячие воды, чьи тлетворные испарения уничтожат всех живых существ, кроме кровожадных лесных зверей и прожорливых птиц, гнездящихся на скалах. Но посреди этого запусте-

⁴⁰ Католический вопрос – речь идет о принятии в 1829 году билля об эмансипации католиков, уравнивавшем католиков в правах с приверженцами англиканской церкви. Лорд Веллингтон в это время занимал пост премьер-министра и поддерживал билль, опасаясь восстания в Ирландии в случае его провала, а кроме того, сочувствуя католикам в силу своего ирландского происхождения. Во время дебатов он произнес одну из своих лучших речей. В результате билль прошел с перевесом в 105 голосов; большинство тори голосовали против билля, а многие виги за.

⁴¹ Роберт Пил – министр внутренних дел, также поддержавший билль об эмансипации католиков, хотя ранее он был противником этой меры.

ния дворец Главного Гения воссияет среди диких просторов, и их чудовищный боевой клич будет оглашать землю по утрам, в полдень и по вечерам; они справят свою ежегодную тризну над костями мертвых и возрадуются радостью победителей. Я полагаю, сэр, что такое чудовищное зло не нуждается в комментариях, и поэтому спешу подписаться на журнал, и т. д. 14 июля 1829».

Не исключено, что вышеприведенное письмо имело какой-то аллегорический или политический смысл, не доступный нашему пониманию, но совершенно очевидный для блестящих юных умов, для которых оно предназначалось. Политика, несомненно, была предметом их великого интереса, а герцог Веллингтонский был их божеством. Все, что его касалось, было связано с героической эпохой. Желала ли Шарлотта изобразить странствующего рыцаря или преданного возлюбленного, ей легко удавался маркиз Доуро или лорд Чарльз Веллсли⁴². Они фигурируют в качестве главных героев практически всех ее прозаических произведений той эпохи, в которых появляется и их «августейший отец» в виде Зевса Громовержца или *Deus ex Machina*⁴³.

Для подтверждения того факта, что Веллсли преследовал ее воображение, я выписываю несколько названий ее публикаций в разных журналах.

«Замок Лиффей», новелла лорда Ч. Веллсли.

«Строки, обращенные к реке Арагве», маркиза Доуро.

«Необыкновенный сон», лорда Ч. Веллсли.

«Зеленый гном, новелла совершенного вида», лорда Чарльза Алберта Флориана Веллсли.

«Странные происшествия», лорда Ч. А. Ф. Веллсли.

Жизнь в богом забытой деревне или в заброшенном деревенском доме полна незначительными событиями, которые надолго западают в детскую память и питают воображение. Ничего другого не происходит и вряд ли произойдет в течение многих дней, поэтому ничто не может вытеснить впечатление, которое приобретает смутно-таинственную значительность. Так, дети, ведущие уединенный образ жизни, часто оказываются задумчивыми и мечтательными: впечатления от окружающего мира, необычные видения неба и земли, случайные встречи со странными лицами и персонами (редкие происшествия в отдаленных местах) иногда становятся для них чрезвычайно значительными, почти сверхъестественными явлениями. В произведениях Шарлотты той эпохи я ясно вижу эту особенность. Вообще-то, учитывая обстоятельства, это совсем не отличительная черта. Это было свойственно всем, от халдейских пастухов («одиноких скотоводов, проводящих половину летнего дня, растянувшись на зеленом покрове») и уединенного монаха до всех тех, чьи впечатления от внешнего мира имели время вырасти и расцвести в воображении, пока они не оказались восприняты как настоящие воплощения или сверхъестественные видения, сомневаться в которых было бы богохульством.

Эту склонность в Шарлотте уравновешивал свойственный ей крепкий здравый смысл, постоянно прибегать к которому ее заставляли требования ее повседневного существования. В ее обязанности входило не только учить уроки, читать определенное количество страниц, усваивать определенные суждения: помимо этого, она должна была подметать комнаты, выполнять разные поручения, помогать в приготовлении простых блюд, по очереди играть с младшим братом и сестрами или служить им наставницей, шить и штопать, а также осваивать домашнее хозяйство под руководством своей аккуратной тети. Итак, мы

⁴² Маркиз Доуро и лорд Чарльз Уэлсли – сыновья лорда Веллингтона.

⁴³ *Deus ex Machina* (лат.) – божество из машины.

видим, что хотя ее воображение питалось яркими впечатлениями, ее превосходная рассудительность контролировала фантазии, не допуская того, чтобы они заменили собой реальность. Она изложила следующее на обрывке бумаги:

«22 июня 1830, 18 час.
Хаурт, около Брэдфорда.

Это странное происшествие случилось 22 июня 1830 г. В это время папа сильно болел, был прикован к постели и так слаб, что даже подняться не мог без посторонней помощи. Около 9:30 утра мы с Тэбби сидели одни на кухне. Внезапно мы услышали стук в дверь. Тэбби поднялась и открыла ее. На пороге стоял старик, который обратился к ней со следующими словами:

Старик: Здесь ли живет пастор?

Тэбби: Да.

Старик: Мне надо его видеть.

Тэбби: Он болен и лежит в постели.

Старик: У меня для него послание.

Тэбби: От кого?

Старик: От Господа.

Тэбби: От кого?

Старик: От Господа. Он желает, чтобы я возвестил приход жениха и что мы должны подготовиться к его встрече, что нити скоро ослабнут и золотая чаша будет разбита, кувшин будет разбит у фонтана.

На этом он завершил свою речь и внезапно исчез. Тэбби закрыла дверь, и я спросила, знакома ли она с ним. Она ответила, что никогда раньше не видела ни его, ни кого-либо ему подобного. Хотя я абсолютно уверена, что он был неким фанатичным энтузиастом, возможно, положительно настроенным, но совершенно лишенным подлинного благочестия, я все же не могла удержаться, чтобы не зарыдать от его слов, столь неожиданно произнесенных в тот особый период».

Хотя датировка следующего стихотворения несколько неопределенна, кажется весьма уместным привести его именно здесь. Должно быть, оно было написано до 1833 года, но насколько раньше, определить невозможно. Привожу его как пример замечательного поэтического таланта, проявившегося в различных мелких произведениях того времени, по крайней мере во всех тех, которые мне довелось читать.

Раненый олень

В густой чашобе, там, где тень
Ковром лежит у ног,
Предстал мне раненый олень,
Покинут, одинок.

Свет, что сочился сквозь листву
(Он скуден был и мал),
Скользил по ложу из травы,
Его же – озарял.

В дрожащих членах билась боль,
Боль наполняла взор,
Склонил он с болью до земли

Ветвистый свой убор.

Но где ж друзья? Подруга где?
Один в свой смертный час!
Никто не поддержал его,
Никто от мук не спас.

Страдал ли он, как человек
В краю предсмертной тьмы,
Стрелой боли, жалом зла
Пронзенный, как и мы?

Терзала ли его тоской
Тень умершей любви?
Стремлений крах, дерзаний прах
Кипели ли в крови?

Нет, эти страсти – наш удел!
Их испытать должны
В торжественный и скорбный миг
Адамовы сыны⁴⁴.

Глава 6

Наверно, пришло время дать описание мисс Бронте. В 1831 г. она была тихой задумчивой девочкой на пороге своего пятнадцатилетия, очень миниатюрной – «низкорослой», как она сама о себе отзывалась. Но так как ее конечности и голова были совершенно пропорциональны по отношению к ее изящному, хрупкому телу, ни одно слово, даже отдаленно намекающее на какой-либо изъян, не может быть сказано об этой девочке с мягкими и густыми каштановыми волосами и своеобразными глазами, которые мне трудно описать, так как я увидела их, когда она была уже старше. Большие и красиво очерченные, они были красновато-карими, но при пристальном наблюдении радужная оболочка отливала самыми разнообразными оттенками. Ее обычным выражением было тихое, сосредоточенное внимание, но время от времени, когда что-либо вызывало ее живой интерес или справедливое возмущение, ее выразительные глаза струились светом, как будто в их глубине зажигалась некая духовная лампада. Я никогда ничего подобного не наблюдала ни у единого живого существа. Что до остальных ее черт, то они были заурядными, крупными и плохо гармонизированными друг с другом, но если не задаваться целью их перечислять, это вряд ли можно было заметить, настолько глаза и мощь ее облика затмевали любой физический дефект; кривой рот и большой нос быстро забывались, лицо же приковывало к себе внимание, сразу же привлекая всех тех, на кого ей самой хотелось произвести впечатление. У нее были самые миниатюрные ножки и ручки, какие мне только доводилось видеть, и когда она подавала мне руку, казалось, что на мою ладонь опускается мягкая птичка. Ее утонченные длинные пальцы обладали особо нежным прикосновением, вследствие чего любое ее рукоделие, будь то письмо, шитье или вязанье, было необычайно ясным и четким. Она была исключительно аккуратна во всем своем облике и привередлива в том, что касалось фасона обуви и перчаток.

⁴⁴ Перевод Александры Глебовской.

Мне представляется, что ее серьезность и суровое самообладание, которое в пору моего с ней знакомства придавало ее лицу достоинство старого венецианского портрета, было приобретением не поздних лет, а того раннего возраста, когда она оказалась в роли старшей сестры сирот. Но у девочки, только что достигшей подросткового возраста, подобное выражение может быть названо «старинным» (если воспользоваться провинциальной фразой); в 1831 году, то есть в описываемый мною период, ее следует представлять сдержанной старомодной девочкой, очень тихой и одетой по старинке – ведь помимо того, что на нее оказывали влияние идеи ее отца о простой одежде, подобающей жене и дочерям сельского священника (идеи, подкрепленные уничтожением цветных сапожек и шелкового платья), обязанность следить за одеждой племянниц выпала их тете, которая не появлялась в обществе с того момента, как покинула Пензанс за восемь или девять лет до этого, и которая до сих пор сохраняла привязанность той моде, которая тогда царила в ее родном городе.

В январе 1831 года Шарлотту вновь отправили в школу. На этот раз она поступила в воспитанницы к мисс Вулер⁴⁵, проживавшей в Роу-Хед в светлом и просторном сельском доме, расположенном в поле, справа от дороги из Лидса в Хаддерсфильд. Два ряда старомодных полукруглых эркеров поднимались от фундамента до самой крыши дома, они выходили на длинный зеленый склон пастбища, простиравшегося до очаровательного лесочка Керклис, парка сэра Джорджа Армитеджа. Хотя между Роу-Хед и Хауортом едва ли будет двадцать миль, пейзаж настолько отличается, как будто климат здесь совершенно иной. Волнообразный, слегка идущий в гору рельеф создает впечатление радостной воздушности на холмах и солнечного тепла в обширных зеленых долинах внизу. Это очень напоминает местность, излюбленную монахами, и повсюду встречаются следы эпохи Плантагенетов⁴⁶, соседствуя с сегодняшними мануфактурами Вест-Райдинга. Вот парк Кеклиз с многочисленными залитыми солнцем полянами, с крапинками черных теней, отбрасываемых древними тисовыми деревьями; серая махина здания, бывший «Дом леди, принявших обет»; трухлявый камень в чаще леса, под которым, по рассказам, полеживал Робин Гуд; недалеко от парка старый дом с двускатной крышей, превращенный в постоянный двор с названием «Три монахини» и соответствующей картинкой на вывеске. Завсегдатаями этого постоянного двора были одетые во фланелевые робы рабочие фабрик, разбросанных вдоль главной дороги из Лидса в Хаддерсфильд и образующих центры скопления будущих деревень. Таковы контрасты образа жизни, эпох и времен года, которые предстают перед глазами путешественников по проезжим дорогам Вест-Райдинга. Мне кажется, что нигде больше в Англии столетия не переплетаются столь тесным и причудливым образом, как в регионе, где находится Роу-Хед. На расстоянии пешей прогулки от дома мисс Вулер – слева от дороги, идущей из Лидса – расположены развалины поместья Хаули, сейчас состоящего во владении лорда Кардигана, но ранее принадлежащего роду Севайл. Рядом колодец леди Энн. По преданию, «леди Энн» сожрали волки, набросившиеся на нее, когда она сидела у колодца, к которому на Вербное воскресенье все еще приходит измазанный синей краской фабричный люд с шерстяных мануфактур Бирстолла и Бэтли, ибо его воды обладают замечательными целебными свойствами. Люди все еще верят, что в шесть утра в Вербное воскресенье воды колодца окрашиваются в разноцветные тона.

Вокруг земель, принадлежащих фермеру, который живет посреди развалин поместья Хаули, стоят современные каменные дома, населенные людьми, зарабатывающими кусок хлеба и целые состояния на шерстяных мануфактурах, наступающих на старинные усадьбы

⁴⁵ В момент прибытия Шарлотты в эту школу ею управляли четверо сестер Вулер, главным лицом из которых была старшая Маргарет. Именно она стала впоследствии подругой и корреспонденткой Шарлотты.

⁴⁶ Плантагенеты – королевская династия французского происхождения, одна из ветвей дома Гатине-Анжу. Значительно расширив свои владения, изначально находившиеся в графстве Анжу, Плантагенеты оказались правителями Англии (1154–1399), Нормандии (1144–1204, 1346–1360 и 1415–1450), а также Гаскони и Гиени (1153–1453).

и вытесняющих их владельцев. Эти усадьбы видны повсюду, они живописны, с многоскатными крышами, тяжелыми геральдическими гербами из резного камня, принадлежащими обнищавшим семьям, от чьих родовых поместий настойчивыми стараниями богатых, умеющих пользоваться чужой нуждой фабрикантов, одно за другим отрезались уголья.

Гарь окутывает эти старые жилища бывших йоркширских сквайров, отравляя и задымляя склоненные над ними старинные деревья; к ним ведут покрытые золой тропы; земля вокруг продана под строительство; но соседи, хотя они и зарабатывают на жизнь совсем иным способом, помнят, как их предки-землепашцы жили в зависимости от владельцев этих усадеб, и лелеют традиции, связанные с благородными семействами, существовавшими столетия назад. Возьмем, к примеру, усадьбу Оуквелл. Она стоит на заросшем пастбище на расстоянии около четверти мили от главной дороги. Это все, что отделяет ее от жужжащих паровых машин, используемых на фабриках Бирстолла, и если вы пройдете там в обеденное время, вы увидите, как подгоняемые голодом рабочие в запачканных синими красителями блузах гуськом спешат по похрустывающей золе тропинок, идущих параллельно главной дороге. Повернув направо, вы поднимаетесь по старому пастбищу и попадаете на короткую дорожку, называемую «Кровавым переулком», где обитает призрак некоего капитана Бэтта, нечестивого владельца близлежащей старинной усадьбы эпохи Стюартов. Из тенистого «Кровавого переулка» вы выходите в покрытое рытвинами поле, в котором находится усадьба Оуквелл. Она известна в округе как Филдс Хед, резиденция Шерли. Перед домом – огороженное пространство, полусад-полудвор; панельный холл с галереей, ведущей к расположенным по всем сторонам спальням; варварского вида гостиная персикового цвета; яркий дверной проем, ведущий в сад, через который видны покрытые травой газоны и задние террасы, где все еще с важным видом прогуливаются и воркуют голуби светлого оперения, – все это описано в «Шерли». Местность в романе соответствует окрестностям, а подлинные события, навевшие сюжет, происходили в непосредственной близости.

Вам покажут кровавый след в спальне усадьбы Оуквелл и расскажут историю как следа, так и ведущего к дому переулка. Все считали, что капитан Бэтт был в отъезде, а его семья находилась в Оуквелле, когда однажды зимним вечером он пробрался в потемках по переулку к своему дому, поднялся вверх по лестнице и исчез в своей комнате. Он был убит на дуэли в Лондоне пополудни в тот же день, 9 декабря 1684 года.

Камни усадьбы раньше были частью дома приходского священника, захваченного предком капитана Бэтта в эпоху, последовавшую сразу за Реформацией и не очень благоприятствующую защите собственности. Этот Генри Бэтт присваивал себе дома и деньги без зазрения совести. В конце концов он похитил большой колокол церкви Бирстолл, и за это святотатство на его землю был наложен штраф, не выплаченный хозяевами усадьбы и по сей день.

Однако Бэтты перестали владеть имением Оуквелл в начале прошлого века; оно перешло в руки второстепенных наследников, которые оставили следующие живописные следы своего пребывания. В огромном зале висит пара оленьих рогов, к которым подвешена табличка, сообщающая о том, что первого сентября 1763 года состоялось великое охотничье состязание, во время которого был подстрелен этот олень, что в погоне участвовало четверо джентльменов, которые затем съели свою добычу за ужином в этом зале, среди них был хозяин, эсквайр Фейрфакс Феарнли. Было названо четырнадцать имен, бесспорных «богатырей седой древности», но среди них я общалась в 1855 году только с сэром Флетчером Нортоном, генеральным прокурором, и генерал-майором Берчем. По пути из Оуквелла справа и слева расположены дома, где в пору своего пребывания в Роу-Хед мисс Бронте пользовалась гостеприимством своих школьных друзей. По улочкам, ведущим к пустоши и выгону скота на вершине холма, в праздники было приятно прогуляться до белых ворот, стоящих перед полевой тропинкой, ведущей к самому Роу-Хед.

Одно из помещений на первом этаже с эркерами, откуда открывался приятный вид, который я уже описала, служило гостиной, другое было классной комнатой. Столовая помещалась по одной стороне от входа, и ее окна глядели на дорогу.

В течение двух лет, проведенных там мисс Бронте, количество учениц колебалось от семи до десяти, и так как для их размещения все пространство дома не требовалось, четвертый этаж оставался незанятым, за исключением предполагаемого привидения одной дамы, чьи шелестящие шелка иногда можно было услышать, стоя у подножия лестницы, ведущей на второй этаж.

Благодаря доброй, материнской натуре мисс Вулер, а также небольшому числу воспитанниц, заведение походило скорее на семью, чем на школу. Более того, мисс Вулер была родом из окрестностей Роу-Хед, как и большинство ее учениц. Скорее всего Шарлотта Бронте, прибыв из Хаурта, преодолела самое большое расстояние. Дом Э.⁴⁷ был в пяти милях оттуда; две другие близкие подруги⁴⁸ (Роза и Джесси Йорк из «Шерли») жили еще ближе; двое или трое были из Хаддерсфилда; пара других из Лидса.

Теперь я приведу отрывок из ценного письма, полученного мною от Мери, одной из этих первых приятельниц. Письмо написано четко и выразительно, как и подобает любимой подруге Шарлотты Бронте. В нем речь идет о ее первом появлении в Роу-Хед 19 января 1831.

«Впервые я увидела ее, когда она выходила из крытой телеги. Одета она была очень старомодно и выглядела окоченевшей и несчастной. Она прибыла в школу мисс Вулер. Когда она появилась в классе, на ней было другое платье, но столь же старое. Она выглядела как маленькая старушонка, настолько близорукая, что казалось, она всегда что-то искала, поворачивая голову из стороны в сторону в попытке это разглядеть. Она была очень робкой и нервной и говорила с сильным ирландским акцентом. Когда ей дали книгу, она опустила голову, так что носом почти дотронулась до нее, а когда ей сказали поднять голову, то и книга последовала за головой, как будто была приклеена к ее носу, так что невозможно было удержаться от смеха».

Вот каково было первое впечатление одной из тех, кому в последующие годы суждено было стать ее близкой и любимой подругой. По первому воспоминанию о ней другой девочки, Шарлотта в день приезда стояла у окна классной комнаты, глядела на снежный пейзаж и плакала, пока остальные играли. Э. была моложе ее, и ее чуткое сердце было тронуту столь безутешным состоянием, в котором находилась этим зимним утром нелепо одетая маленькая девочка странного вида, «рыдающая из-за тоски по дому» в чужом месте среди незнакомцев. Любое демонстративное участие испугало бы маленькую дикарку из Хаурта, но Э. (которая стала прототипом Каролины Хелстоун в «Шерли») смогла добиться ее доверия, и ей было позволено выразить сочувствие.

Еще раз процитируем письмо Мери:

«Мы считали ее совершенно необразованной, она так никогда и не выучила грамматику и почти не усвоила географию».

Это сообщение о ее относительной безграмотности подтверждается другими соученицами. Но мисс Вулер была женщиной редкого ума и деликатного, тонкого обхождения. Она доказала это в самом начале своим обращением с Шарлоттой. Девочка была очень начитанна, хотя и не очень твердо усвоила азы. Мисс Вулер отозвала ее в сторону и сказала, что, к сожалению, придется поместить ее на какое-то время во второй класс, пока она не догонит своих сверстниц по грамматике и другим предметам, но у бедной Шарлотты эта новость вызвала такие рыдания, что доброе сердце мисс Вулер смягчилось, и она приняла мудрое

⁴⁷ Эллен Насси, ближайшая подруга Шарлотты, предоставившая Элизабет Гаскелл письма Шарлотты. Во имя сохранения анонимности она обозначена в этой биографии лишь через инициал ее имени (Э.).

⁴⁸ Мери и Марта Тейлор.

решение поместить девочку в первый класс и позволить ей с помощью индивидуальных занятий восполнить недостаток знаний по тем предметам, по которым она отставала.

«Она ставила нас в тупик тем, что знала вещи, о которых мы не имели ни малейшего представления. Ей были знакомы почти все короткие стихотворные тексты, которые нам надо было учить наизусть, и она рассказывала нам об авторах и поэмах, из которых они были взяты, а иногда даже воспроизводила страницу-другую по памяти и растолковывала нам их содержание. У нее была привычка писать печатными буквами с наклоном, и она говорила, что научилась этому, когда писала для их журнала. Они издавали «журнал» раз в месяц и стремились к тому, чтобы он по возможности выглядел как напечатанный. Она нам столько об этом рассказывала. Никто не писал в нем, и никто его не читал, кроме нее, ее брата и двух сестер. Она пообещала показать мне некоторые из этих журнальчиков, но впоследствии взяла свое слово назад, и ее так и не удалось переубедить. В то время, что было отведено у нас для игр, она по возможности или сидела или стояла неподвижно с книгой. Кто-то из нас однажды начал уговаривать ее поиграть в мяч на нашей стороне. Она сказала, что никогда не играла и не умеет играть. Мы заставили ее попробовать, но вскоре осознали, что она не в состоянии разглядеть мяч, и отпустили ее. Она относилась ко всем нашим играм с мягким безразличием и всегда заранее нуждалась в разрешении, позволяющем ей от всего отказаться. Она имела обыкновение стоять под деревьями на площадке для игр, говоря, что так приятнее. Она пыталась объяснить это, указывая на тени, на проблески неба и т. п. Мы мало что в этом понимали. Она говорила, что в Кован-Бридж она обычно стояла на камне посреди ручья и следила взглядом за потоком воды. Я сказала, что ей бы следовало ловить рыбу, но, по ее словам, такого желания у нее никогда не возникало. Она всегда и во всем демонстрировала физическую слабость. В школе она не ела никакой животной пищи. Примерно в это время я сообщила ей, что она очень некрасива. Через несколько лет я сказала ей, что считаю это чрезвычайной дерзостью со своей стороны. Она ответила: «Полли, ты сделала доброе дело, не раскаивайся». Она рисовала гораздо лучше и намного быстрее, чем нам когда-либо приходилось видеть, и многое знала об известных картинах и художниках. Когда бы ни представилась возможность рассмотреть картину или любую вырезку, она ее внимательно разглядывала, приблизив глаза прямо к бумаге, да так долго, что мы спрашивали: «Что же она в ней нашла?» Она всегда находила много интересного и очень хорошо это объясняла. Благодаря ей поэзия и рисование, по крайней мере для меня, стали чрезвычайно увлекательными, а затем у меня появилась привычка, которую я сохраняю до сих пор, мысленно советоваться с ней обо всех подобных предметах, как и о многих других, а иногда я собираюсь описать ей что-либо, пока внезапно меня не пронзает мысль, что ее уже нет».

Для того, чтобы почувствовать подлинную глубину последнего предложения – показать, насколько постоянным и ярким было впечатление, которое мисс Бронте производила на тех, кто был способен ее оценить, – я должна добавить, что последняя корреспондентка, датировавшая свое письмо 18 января 1856 года и пишущая, что она испытывала постоянную нужду в мнении Шарлотты, ни разу за одиннадцать лет не видела ее, проведя почти все это время в иных широтах, на новом континенте и в совершенно иной обстановке.

«Мы были одержимы политикой, что вполне понятно в 1832 г. Она знала названия двух министерств: того, что подало в отставку, и того, что пришло на смену и приняло билль о реформе. Она поклонялась герцогу Веллингтонскому, но говорила, что сэру Роберту Пилу нельзя доверять, ведь он действовал не по принципиальным соображениям, как все остальные, но во имя целесообразности. Поскольку я исповедовала яростно радикальные взгляды, я сказала ей: «Как они вообще могут друг другу доверять? Все они мошенники!» Тогда она принялась петь дифирамбы герцогу Веллингтонскому, ставя его действия в пример. Я не противоречила, так как ничего о нем не знала. Она говорила, что интересуется политикой с

пяти лет. Мнения ее сформировались не под влиянием отца – то есть не непосредственно, – но из газет и пр., которые он предпочитал».

В подтверждение правдивости этого суждения приведу отрывок из письма ее брату, написанному в Роу-Хед 17 мая 1832 года: «Последнее время мне казалось, что я утратила весь свой прежний интерес к политике, но исключительное удовольствие, которое я испытала, узнав, что билль о реформе был отвергнут палатой лордов, а также об исключении или отставке графа Грея, убедило меня, что мой интерес к политике еще не до конца угас. Я чрезвычайно рада, что тетушка согласилась подписаться на журнал «Фрейзер», потому что, хотя я знаю из твоего описания, его общее содержание довольно неинтересно по сравнению с «Блэквудом», все же это лучше, чем круглый год оставаться вообще без какого-либо периодического издания, ведь в дикой деревеньке посреди торфяных болот, где мы живем, не будет никакой возможности брать подобный журнал в библиотеке. Я разделяю твою надежду, что установившаяся чудесная погода будет способствовать окончательному восстановлению здоровья папы и что она навеет тетушке приятные воспоминания о здоровом климате ее родных мест».

Но вернемся к письму Мери.

«Она часто рассказывала о двух сестрах, Марии и Элизабет, которые умерли в Кован-Бридж. Я привыкла верить в то, что они были средоточием таланта и доброты. Однажды ранним утром она рассказала мне свой сон: ей сообщили, что ее ждут в гостинице, и там были Мария и Элизабет. Мне хотелось знать продолжение, и когда она ответила, что больше ничего не произошло, я воскликнула: «Да нет же! *Ну придумай!* Я знаю, ты умеешь». Она сказала, что не станет. Она жалела, что ей приснился этот сон, так как он продолжился не самым лучшим образом. Они изменились. Они забыли все, что раньше было для них важно. Они были очень модно одеты и неодобрительно отзывались об обстановке в комнате.

Привычка «придумывать» для себя что-то интересное, которой обладают многие дети, в чьей реальной жизни ничего особенного не происходит, была в ней сильно развита. Вся семья часто «придумывала» истории, персонажей и события. Я как-то сказала ей, что они походят на картофель, дающий ростки в подвале. Она с грустью ответила: «Да! Я знаю!»

То, что я слышала о ее школьной поре из других источников, подтверждает точность этого замечательного письма. Она была неутомимой ученицей и постоянно читала и занималась, будучи твердо убежденной в необходимости и ценности образования, что весьма редко встречается в девочке пятнадцати лет. Она никогда не теряла ни одной минуты и, казалось, с неудовольствием относилась к тому, что определенное время обязательно отводилось на отдых и игры; отчасти это можно объяснить ее неуклюжестью, вызванной близорукостью. И все же, несмотря на такие некомпанейские черты, у одноклассниц она пользовалась большим авторитетом. Она всегда была готова попробовать все, чего им хотелось, но не расстраивалась, если они называли ее неуклюжей и исключали из спортивных игр. По ночам, после того, как они ложились спать, она была неутомимой рассказчицей и страшно их пугала. Однажды для того, чтобы произвести желанный эффект, она громко вскрикнула, и мисс Вулер, поднявшись наверх, обнаружила, как у одной из перепуганных слушательниц Шарлотты бешено колотится сердце.

Ее неутолимая жажда знаний подталкивала мисс Вулер к тому, чтобы давать ей все более и более длинные задания по чтению, и к концу двухлетнего пребывания в школе Роу-Хед она получила первую плохую отметку за невыученный урок. Ей был задан огромный кусок из «Лекций по литературе» Блэра⁴⁹, и она не смогла ответить на все вопросы по этому тексту. Итак, Шарлотта Бронте получила плохую оценку. Мисс Вулер расстроилась и пожа-

⁴⁹ «Лекции по риторике и литературе» Хью Блэра, впервые опубликованные в 1783 году, были одним из главных учебных пособий по эстетике.

лела, что задала такой старательной ученице столь непосильное задание. Шарлотта горько плакала. Но ее одноклассницы были не просто расстроены – они были возмущены. Они заявили, что даже такое легкое наказание для Шарлотты Бронте было несправедливым – кто еще выполнял задания столь добросовестно? – и выражали свое неудовольствие разными способами, пока мисс Вулер, которая сама была только рада простить своей прекрасной ученице первую ошибку, отменила плохую оценку. Послушание среди девочек было восстановлено, за исключением Мери, которая настроилась считать мисс Вулер несправедливой из-за того, что та задала Шарлотте Бронте столь длинное и невыполнимое задание, и воспользовалась этим как предлогом, чтобы не подчиняться школьным правилам в течение одной-двух недель, остававшихся до конца полугодия.

Учениц было так мало, что, в отличие от более крупных школ, посещаемость определенных предметов в специально отведенные для них часы не очень строго контролировалась. Когда девочки были готовы, они просто приходили к мисс Вулер отвечать урок. У нее был удивительный талант заражать их интересом к тому, что им нужно было изучать. Они относились к урокам не как к заданиям или обязанностям, которые надо выполнить, а со здоровым рвением и жадностью знаний, которую она им привила. Они не прекратили читать и учиться после того, как школа перестала оказывать на них давление. Их научили размышлять, анализировать, отрицать, ценить. Шарлотте Бронте повезло с выбором для нее второй школы. Ее соученицы обладали свободой вести активный образ жизни на лоне природы. Они играли в веселые игры на полях, расположенных вокруг дома. Половина субботы была выходным днем, и они отправлялись на длинные прогулки, пробираясь по таинственным тенистым аллеям и взбираясь на холмы, откуда перед ними открывались обширные виды на окрестности, о прошлом и настоящем которой так много можно было рассказать.

Мисс Вулер, видимо, в совершенстве владела французским искусством *conter*⁵⁰. По словам одной из ее учениц, во время этих долгих прогулок она рассказывала им то о том старом доме, то об этой новой мельнице или об общественном устройстве в пору их строительства. Она вспоминала времена, когда сторожа и те, кто просыпался ночью, слышали отдаленные команды и мерный топот тысяч несчастных, доведенных до отчаяния мужчин, которые тайно занимались строевой подготовкой, готовясь к великому дню, рисовавшемуся в их воображении, когда в борьбе с силой победит правда, когда народ Англии в лице рабочих Йоркшира, Ланкашира и Ноттингемпшира заставит услышать свой устрашающий боевой клич, раз их справедливый и жалкий протест не был услышан в парламенте. Сегодня, после всех быстрых перемен к лучшему, мы забыли, какими чудовищными были условия многочисленных рабочих на исходе Пиренейской войны⁵¹. Историческая память сохранила их почти нелепые жалобы, но подлинная тяжесть их мучений уже забыта. Они находились в ослеплении отчаяния, а страна, по мнению многих, была на краю пропасти, от падения в которую ее спасло лишь оперативное и решительное вмешательство нескольких облеченных властью людей. Мисс Вулер рассказывала о тех временах: о таинственных ночных маневрах, о тысячах людей на пустынных торфяниках, о приглушенных угрозах, исходящих от отдельных личностей, которых нужда заставляла забыть об осторожности, и о явных преступлениях, среди которых особенно запомнился поджог фабрики Картрайт. Все эти сведения глубоко запали в память по крайней мере одной слушательницы.

Мистер Картрайт был владельцем фабрики под названием Рофоулдс в Ливерседже, на расстоянии пешей прогулки от Роу-Хед. Он осмелился применить машины для резки шер-

⁵⁰ *Conter (фр.)* – рассказывать.

⁵¹ Пиренейская война (март 1793 – июль 1795) – война коалиционных сил Испании и Португалии против революционной Франции. Война началась после вторжения испанской армии в Руссильон. К 1794 году французская армия заставила испанцев отступить в Каталонию, а к 1795 году одержала победу, подчинив своему контролю часть Северо-Восточной Испании.

стяной материи, что было непопулярным нововведением в 1812 году, когда в силу разнообразных обстоятельств условия фабричных рабочих стали невыносимыми из-за голода и нищеты. Мистер Картрайт был весьма выдающимся человеком. Как мне говорили, в его жилах текла иностранная кровь, что было весьма очевидно по его высокому росту, темным глазам, смуглой коже и особой джентльменской осанке. Как бы там ни было, он много времени провел за границей и хорошо владел французским, что тогда считалось само по себе подозрительным у шовинистически настроенной публики. В целом он не пользовался симпатией даже до того, как совершил отчаянный шаг, заменив ручной труд машинами. Вполне осознавая свою непопулярность и возможные последствия, он подготовил фабрику к осаде. Он переселился туда и на ночь крепко-накрепко баррикадировал двери. Каждая ступенька была утыкана шипами, чтобы помешать бунтовщикам подняться, даже если им удастся проломить дверь. Нападение произошло ночью на субботу 11 апреля 1812 года. Несколько сотен голодных резчиков собралось около Керклиза прямо в поле, которое плавно шло вниз от дома, туда, где позднее проживала мисс Вулер. Лидеры вооружили их пистолетами, топориками, дубинками, отобранными рыскавшими по ночам в окрестностях бандами у обитателей стоящих на отшибе домов, заготовивших такие орудия для самообороны. В разгар той весенней ночи толпа угрюмо молчавших людей приблизилась к Рофоулдсу и, разразившись диким воплем, дала мистеру Картрайту понять, что так давно ожидаемое нападение началось. Конечно, он находился внутри, но сотням разъяренных людей он мог противопоставить лишь четверых работников и пятерых солдат. Однако эти десять человек смогли поддерживать такой непрерывный прицельный ружейный огонь, что они осилили толпу, находящуюся снаружи и столь отчаянно пытающуюся вышибить двери и ворваться на фабрику. После двадцатиминутного сражения, во время которого двое из осаждавших были убиты и несколько ранены, они отступили в смутении, оставив мистера Картрайта хозяином положения, но в состоянии такого ошеломления и изнеможения, что сразу после окончания битвы он забыл о своем оборонительном сооружении и получил довольно серьезное ранение в ногу, пытаясь подняться по лестнице, оснащенной шипами. Его дом располагался неподалеку от фабрики. Некоторые из мятежников поклялись, что если он не сдастся, они бросят его и направятся к нему домой, чтобы расправиться с его женой и детьми. Это была чудовищная угроза, так как он вынужден был оставить свою семью под охраной всего лишь одного или двух солдат. Миссис Картрайт знала об угрозе, и той кошмарной ночью, услышав, как ей показалось, приближающиеся шаги, она схватила двоих младенцев и, положив их в корзину, поставила в огромный камин, типичный для интерьера йоркширских домов. Один из спрятанных таким образом малышей, будучи уже взрослой женщиной, любила с гордостью показывать следы ружейных пуль и пороха на стенах отцовской фабрики. Он был первым, кто оказал отпор продвижению луддитов, ставших к этому времени столь многочисленными, что они начали походить едва ли не на мятежную армию. Поведение мистера Картрайта вызвало такое восхищение у соседних фабрикантов, что они организовали сбор средств в его пользу и собрали в конце концов 3000 фунтов.

Немногим позже недели после нападения на Рофоулдс другой владелец фабрики, который использовал несносные машины, был застрелен среди бела дня, пересекая торфяник Кросслэнд, к которому прилежала маленькая плантация, где притаились убийцы. Читатели «Шерли» узнают эти обстоятельства, о которых мисс Бронте слышала много лет спустя, но непосредственно на месте происшествия из уст тех, кто прекрасно помнил ужасные времена, когда, с одной стороны, существовала угроза жизни и собственности, а с другой – царил жесточайший голод и слепое невежественное отчаяние.

Мистер Бронте жил среди этих людей в 1812-м, когда он был священником в Хартсхеде, расположенном менее чем в трех милях от Рофоулдса, и именно в эти опасные времена,

как я упоминала, он приобрел привычку постоянно носить при себе заряженный пистолет. Ибо не только политика тори, но и его любовь и уважение к верховенству закона заставляли его с презрением относиться к трусости местных судей, которые из-за страха, испытываемого перед луддитами, отказывались вмешиваться, чтобы предотвратить разрушение собственности. Священники этой округи оказались самыми отважными людьми. В Хилдс-Холле, например, проживал некий мистер Роберсон, друг мистера Бронте, который оставил в народной памяти глубокий след. Он жил неподалеку от Хекмондуайка, большой, беспорядочно застроенной, грязной деревни, расположенной менее чем в двух милях от Роу-Хед. Деревня в основном была заселена ткачами, работавшими на дому. Хилдс-Холл был самым большим домом в деревне, где приходским священником служил мистер Роберсон. На свои собственные деньги он построил симпатичную церквушку в Ливерседже на холме напротив своего дома, и это была первая попытка в Вест-Райдинге удовлетворить потребности быстрорастущего населения. Он также многим пожертвовал во имя своих убеждений, как религиозных, так и политических, сформировавшихся под влиянием поистине старомодного духа тори. Он ненавидел все, в чем ощущал склонность к анархии. Всеми фибрами души он был предан церкви и королю и с гордостью отдал бы в любую минуту свою жизнь за то, что считал правильным и справедливым. Но он был человеком властным, что помогало ему сопротивляться оппозиции – по преданиям, в нем было что-то мрачно-демоническое. Он поддерживал близкие отношения с Картрайтом и осознавал, что на его фабрику вполне может быть совершено нападение, и вот, судя по рассказам, он вооружился сам и вооружил своих домочадцев, и был готов оказать ему поддержку, если поступит сигнал о помощи. Все это звучит довольно правдоподобно. Мистер Роберсон обладал воинственным духом, хотя и был мирным человеком. Но из-за того, что он встал на сторону, не пользовавшуюся поддержкой народа, в памяти людей надолго сохранились гиперболизированные представления о его характере, например, совершенно сказочная история о том, что на следующее утро, когда он ехал поздравить своего друга Картрайта с удачной обороной, он всем наказал не давать воды одному из брошенных на фабричном дворе раненых луддитов. Более того, этот суровый, бесстрашный клерик расквартировал в своем доме посланных защищать их округу солдат, и это совсем не понравилось работникам, которых страшил вид красных мундиров. Не будучи судьей, он не жалел сил для выслеживания луддитов, замешанных в убийстве, о котором я упоминала, и был настолько успешен в своих энергичных, неустанных поисках, что люди верили в то, что ему оказывают помощь сверхъестественные силы. Местные жители, годы спустя пересекавшие зимними сумерками поле вокруг Хилдс-Холла, утверждали, что через окно они видели, как мистер Роберсон танцует в причудливых красных бликах, а вокруг него клубятся демоны. Он содержал школу для мальчиков, и его ученики относились к нему одновременно с почтением и страхом. К его силе воли примешивался довольно мрачный юмор, который подсказывал его воображению странные и необычные виды наказания для нерадивых учеников: например, он заставлял их стоять на одной ноге в углу классной комнаты, держа в каждой руке по тяжелой книге. А однажды, когда мальчик убежал домой, он отправился за ним верхом, отобрал его у родителей и, привязав его веревкой к стремяни, заставил его бежать рядом с его лошадью много миль до самого Хилдс-Холла. Можно дать еще одну зарисовку его характера. Он обнаружил, что у его служанки Бетти был «ухажер», и, дождавшись момента, когда Ричард оказался в кухне, он приказал ему последовать в столовую, где собрались все ученики. Затем он спросил Ричарда, не к Бетти ли тот наведывается, и, получив положительный ответ, отдал приказ: «Ребята, к водокачке его». Несчастливого любовника вытащили во двор и стали окатывать водой. В перерывах ему задавали все тот же вопрос: «Обещаешь ли ты впредь оставить Бетти в покое?» Очень долго Ричард доблестно не сдавался, и каждый раз за сим следовал приказ: «Давай еще, ребята!» Но в конце концов

несчастный, промокший до нитки «ухажер» был вынужден уступить и отречься от своей Бетти.

Рассказ о йоркширском характере мистера Роберсона был бы неполон без упоминания его страсти к лошадям. Он прожил до глубокой старости и умер незадолго до 1840 года, но и когда ему было восемьдесят лет, он с огромным удовольствием объезжал диких жеребцов, а при необходимости сидел на них неподвижно в течение получаса и даже больше, чтобы обуздать их. По одному рассказу, однажды в припадке бешенства он пристрелил любимую лошадь своей жены и похоронил ее у карьера. Несколько лет спустя земля там чудесным образом разверзлась, обнаружив ее скелет. Однако правда состоит в том, что это был гуманный акт, совершенный для того, чтобы избавить несчастную старую лошадь от страданий; он собственноручно пристрелил ее и похоронил в том месте, где впоследствии из-за работ в угольной шахте земля осела, выставив останки на всеобщее обозрение. Одна часть населения хранит о нем дурную память. А священники из округа, которые помнят, как в старости верхом на белом крепком коне он съезжал с холма, где стоял его дом, держась в седле с гордостью и достоинством, надвинув шляпу с широкими полями на свои зоркие орлиные глаза, и направлялся к воскресной службе, подобно солдату, который умирает при исполнении, и все те, кто способен оценить его верность моральным принципам, его жертвенность во имя долга и преданность религии, – эти люди чтут его память. Когда он был уже в очень преклонном возрасте, было созвано собрание священников, на котором его собратья охотно согласились засвидетельствовать ему глубокое почтение.

Столь сильные характеры нередко встречаются среди англиканских священников Йоркшира. Мистер Роберсон был другом отца Шарлотты Бронте; в период ее обучения в школе он жил в паре миль от Роу-Хед и был активно вовлечен в дела, память о которых все еще была свежа, когда она услышала о них и о его роли. Теперь пришло время сказать несколько слов о свойствах нонконформистов, живших в непосредственной близости к Роу-Хед: ведь «тори и дочь священника», «интересующаяся политикой с пятилетнего возраста» и часто беседующая с девочками из среды нонконформистов и радикалов, безусловно должна была как можно лучше ознакомиться с положением тех, кто придерживался иного мнения.

Большинство населения составляли нонконформисты, главным образом независимые. В деревне Хекмондуайк, на одном конце которой находилась школа Роу-Хед, было две часовни, принадлежавшие людям этого вероисповедания, и одна, принадлежавшая методистам, и все они были полны во время двух или трех воскресных служб, к тому же все посещали различные моленные собрания по будним дням. Жители были верующими людьми, они очень критически относились к доктрине проповедей, были безжалостны по отношению к своим священникам, а в политике представляли собой воинствующих радикалов. Подруга, хорошо знающая, какой была та местность во время учебы Шарлотты Бронте, так описала несколько происшествий:

«Сцена, произошедшая в Нижней часовне Хекмондуайка, даст представление о людях того времени. Когда в церкви появлялась пара молодоженов, по обычаю сразу после последней молитвы и до того, как прихожане начинали расходиться, пелся Свадебный гимн. Певчие, исполнявшие этот ритуал, ожидали вознаграждения и часто пьянствовали всю следующую ночь напролет, по крайней мере так утверждал священник, который и решил положить конец этому обычаю. В этом его поддерживали многие члены церкви и прихода, однако демократическая стихия была настолько сильна, что ему пришлось столкнуться с воинствующей оппозицией, и он часто подвергался оскорблениям, когда шел по улице. И вот, перед самым появлением одной невесты священник приказал певчим не исполнять гимн. В ответ на их заявление, что петь они все равно будут, он распорядился запереть дверку, ведущую к церковной скамье, где они обычно располагались. Они сломали ее. С кафедры он сказал прихожанам, что вместо пения гимна он прочтет им главу из Писания. Едва он успел произне-

сти первое слово, как поднялись певчие, предводительствуемые высоким и свирепым с виду ткачом, который затащил гимн, и все подхватили что было мочи, при поддержке своих друзей из прихожан. Те, кто не одобрял их поведения и поддерживал священника, остались сидеть до окончания гимна. Затем он снова принялся за главу, прочитал ее и произнес проповедь. Он уже было собирался приступить к заключительной молитве, как певчие опять повскакали и проревели еще один гимн. Эти постыдные сцены повторялись много недель подряд, и они вызывали столь бурные эмоции, что сторонники разных мнений с трудом удерживались от потасовки, проходя по церковному двору. В конечном итоге священник покинул свое место, и вместе с ним из этой общины вышла наиболее умеренная и уважаемая часть прихожан, оставив победу за певчими.

Мне помнится, как примерно в то же время происходила столь яростная борьба вокруг выбора пастора в Верхней часовне Хекмондуайка, что во время церковной службы необходимо было зачитывать текст Закона о беспорядках⁵²».

Конечно, *soi-disant*⁵³ христиане, насильно изгнавшие преподобного Редхеда из Хауорта за десять-двенадцать лет до этого, состояли в языческом родстве с *soi-disant* христианами Хекмондуайка, хотя одни называли себя приверженцами англиканской церкви, а другие нонконформистами.

Письмо, из которого я взяла вышеприведенный отрывок, описывает ближайшую округу того места, где Шарлотта Бронте провела свои школьные годы, и описывает вещи такими, какими они были в то время. Автор письма поясняет: «Привыкнув к уважительным манерам простолюдинов из сельских районов, я поначалу относилась с отвращением и беспокойством к великой свободе обращения, демонстрируемой рабочим людом Хекмондуайка и Гомерсола по отношению к тем, кто превосходил их по социальному положению. Слово «девушка» столь же свободно употреблялось по отношению к любой барышне, как слово «девка» по отношению к простолюдинкам в Ланкашире. Я была немало шокирована неопрятным видом деревень, хотя я должна отдать должное домохозяйкам и признать, что сами дома не были грязными и (за исключением периодов, когда намечался спад в торговле) имели вид относительного достатка, который я не привыкла видеть в районах, где преобладают фермерские хозяйства. Куча угля с одной стороны от входа и пивоварные цистерны с другой, а также весьма привычный запах хмеля, обдававший прохожих, доказывали, что практически в каждом доме можно было найти огонь и домашнее пиво. Не было недостатка и в гостеприимстве, одном из главных достоинств Йоркшира. Посетителю настойчиво предлагали овсяные лепешки, сыр и пиво.

В Хекмондуайке проводился ежегодный фестиваль, полурелигиозный, полусветский, называемый «Лекция». Полагаю, что он зародился во времена нонконформистов. В Нижней часовне какой-нибудь приезжий читал проповедь вечером в будний день, а на следующий день две проповеди подряд читались в Верхней часовне. Разумеется, служба была очень длинной, а так как дело было в июне, и часто стояла очень жаркая погода, мы с подругами не считали, что это самый приятный способ провести утро. Остаток дня был посвящен светским удовольствиям; в это место наезжало множество людей; воздвигались палатки для продажи игрушек и имбирных пряников (вроде «Рождественской ярмарки»), а дома, благодаря небольшому слою краски и побелки, приобретали вполне праздничный вид.

В деревне Гомерсол (где жила с семьей подруга Шарлотты Бронте, Мери), «которая была гораздо симпатичнее, чем Хекмондуайк, находился странный с виду дом, построенный из грубых неотесанных камней, некоторые из которых образовывали заметные выступы,

⁵² Закон о беспорядках – закон, принятый парламентом Великобритании в 1714 г., дававший полномочия местным властям объявлять любую группу из двенадцати или более человек незаконным сборищем и разгонять и штрафовать виновников.

⁵³ *Soi-disant* (*фр.*) – так называемые.

на них были вырезаны непристойные головы и усмехающиеся рожи, а на камне над входом было выбито крупными буквами «Дом, построенный на зло». Он был возведен жителем деревни напротив дома его врага, только что построившего себе прекрасный особняк, из которого открывался чудесный вид на долину, впрочем, практически заслоненный новым уродливым строением».

Бесстрашно (так как этот народ был им довольно хорошо знаком) среди этих людей жили и прогуливались восемь-девять учениц ласковой мисс Вулер. Она сама родилась и выросла в среде этих грубых, сильных, свирепых людей и знала всю глубину их доброты и преданности, которые были скрыты за их дикими манерами и необузданностью. И девочки говорили об этом маленьком окружающем мирке, как будто никакого иного мира и не существовало; у них были такие же мнения и предпочтения и такие же ожесточенные дискуссии, как и у взрослых и, возможно, у людей более благородных кровей. И среди них, обожаемая и уважаемая всеми, некоторые из которых иногда над ней подтрунивали, но всегда прямо, а не за глаза, жила в течение двух лет простенькая с виду, подслеповатая, странно одетая, прилежная маленькая девочка, которую звали Шарлотта Бронте.

Глава 7

Мисс Бронте закончила школу в 1832 году, завоевав уважение и симпатию как своей учительницы, так и одноклассниц, и приобретя там в короткое время двух близких подруг, с которыми она поддерживала отношения в течение всей своей жизни. Одна из них была «Мери», не сохранившая ее письма, другая – «Э.», любезно предоставила мне всю корреспонденцию, которая у нее оказалась. Когда я просматриваю ранние письма, меня всякий раз потрясает безнадежность, составлявшая столь характерную черту характера Шарлотты. Будучи в возрасте, когда девочки ожидают, что связывающие их дружеские узы будут существовать вечно и не видят никаких препятствий для выполнения в будущем любых обязательств, накладываемых на них дружбой, она удивлена тем, что Э. все еще верна своему обещанию писать ей. Впоследствии я с горечью осознала тот факт, что мисс Бронте никогда не позволяла себе смотреть в грядущее с надеждой, что у нее не было никакой уверенности в завтрашнем дне, и, слыша о печальных годах ее жизни, я думала, что именно этот груз горя искоренил в ней способность к жизнерадостным ожиданиям. Но из писем следует, что это было, так сказать, частью ее натуры, а, возможно, причиной ее пессимизма стала глубокая рана от потери двух старших сестер, усугубленная постоянным физическим недомоганием. Если бы ее вера в Бога была не столь сильна, неоднократно за свою жизнь она оказалась бы жертвой безграничной тоски. Но как мы увидим, она сумела сделать величайшее усилие, чтобы «дни ее» были «в Его руке»⁵⁴.

После возвращения домой она занималась обучением сестер, над которыми имела большое преимущество. Вот что она пишет 21 июля 1832 года о своей жизни в пасторском доме:

«Один день похож на другой. Утром с девяти до половины первого я даю уроки сестрам и рисую, потом мы гуляем до обеда. Между обедом и чаем я занимаюсь шитьем, а после чая или пишу и читаю, или немного вышиваю, или рисую, как мне заблагорассудится. Вот так сладостно, хоть и монотонно, проходит моя жизнь. С тех пор как я вернулась домой, я была приглашена на чай только два раза. Сегодня пополудни мы ждем гостей, а в следующий вторник к нам придут на чай все учительницы воскресной школы».

Примерно в это время мистер Бронте нанял для своих детей учителя рисования, которым оказался мужчина недюжинного таланта, но весьма беспринципный. Хотя они так и

⁵⁴ Парафраз 15-й строки 31 псалма: «В Твоей руке дни мои».

не достигли особого мастерства, они занимались этим предметом с большим интересом, видимо, из-за инстинктивного желания дать выход своему живому воображению в образах. Шарлотта говорила мне, что в этот период ее жизни рисование и прогулки с сестрами были двумя занятиями, которые доставляли ей огромное удовольствие и были самыми приятными формами отдыха.

Три девочки обычно поднимались к «пурпурно-черным» болотам. Посреди бескрайних болот то там то здесь торчали каменоломни. Если у них было время и силы идти достаточно далеко, они достигали водопада, где речка по камням низвергалась в «низинку». Они редко шли вниз через деревню, стесняясь знакомых и не позволяя себе без разрешения заходить в дома даже самых бедных поселян. Они активно преподавали в воскресной школе – привычка, которой Шарлотта была верна даже после того, как осталась совсем одна, – но они никогда по собственной воле не искали общения и всегда предпочитали уединение и приволье болот.

В сентябре того же года Шарлотта отправилась навестить свою подругу Э. Путешествие привело ее в окрестности Роу-Хед и способствовало приятным встречам со многими из ее школьных подруг. После этого визита они с Э. решили переписываться по-французски, чтобы укреплять свои познания в этом языке. Однако такого рода совершенствование не могло быть существенным, поскольку оно состояло лишь в лучшем усвоении словарных форм и так как не было никого, кто мог бы объяснить им, что буквальный перевод английских идиом вряд ли составляет сочинение по-французски. Но и само по себе усилие заслуживает поощрения и показывает, как они обе стремились продолжать образование, начатое под руководством мисс Вулер. Я приведу отрывок, который, что бы мы ни думали о языке, является достаточно наглядным и представляет собой счастливую семейную зарисовку: возвращение старшей сестры к двум младшим после двухнедельного отсутствия:

«Я прибыла в Хаурт совершенно благополучно и без малейшего происшествия или неприятностей. Мои младшие сестренки выбежали из дома мне навстречу, как только завидели мою коляску, и расцеловали меня так горячо и радостно, как будто я отсутствовала больше года. Отец, тетя и месье, о котором рассказывал мой брат, собрались в гостиной, куда я сразу же и направились. Часто это воля провидения, чтобы на место одного утраченного удовольствия пришло другое. Так и я, покинув дорогих друзей, вскоре вернулась к столь же дорогим и добрым родственникам. Даже если Вы скучаете по мне (смею ли я верить, что мой отъезд опечалил Вас?), Вы ожидаете прибытия Вашего брата и Вашей сестры. Я отдала сестрам яблоки, которые Вы так любезно им послали; они говорят, что уверены в том, что мадемуазель Э. добра и мила; обе ждут Вас с превеликим нетерпением; надеюсь, что не пройдет и месяца, как Вы доставите им это удовольствие»⁵⁵.

Но пройдет еще немало времени до того, как подруги смогут увидеться, а пока они решили переписываться раз в месяц. В Хаурте не происходило никаких событий, достойных внимания. Тихие дни, которые она проводила, занимаясь преподаванием или женской работой по дому, не заслуживали описания, и Шарлотта в письмах естественным образом высказывала свои суждения о книгах.

А книг было много, и хранились они в разных местах, в зависимости от их состояния. Книги в хороших переплетах хранились в святилище – кабинете господина Бронте, – но покупка новых книг была для него необходимой роскошью, и иногда он оказывался перед выбором между переплетом старой книги или покупкой новой. Знакомый томик, зачитанный до дыр всеми членами семьи, иногда был в таком виде, что самое место ему было на

⁵⁵ Письмо написано на французском языке.

полке в спальней. На всех этажах дома можно было найти солидные произведения. К высокой литературе относились книги сэра Вальтера Скотта, стихи Водсворта и Саути, в то время как книгами, имеющими особый характер – серьезный, дикий, а иногда фанатичный, – могут быть названы книги, доставшиеся со стороны Бренуэллов – от корнуэльских последователей праведного Джона Уэсли. О них вскользь упоминается при обсуждении книг, доступных Каролине Хелстоун в «Шерли»: «Там было несколько старых дамских альманахов, в свое время совершивших со своей владелицей морское путешествие и повывавших бурю» – (возможно, это была часть вещей миссис Бронте, перевозимых на корабле, потерпевшем крушение у корнуэльского побережья) – «и потому испещренных пятнами от соленой воды; несколько безумных методистских журналов, наполненных всяческими чудесами, видениями, сверхъестественными пророчествами, зловещими снами и безудержным фанатизмом; и такие же сумасшедшие Письма миссис Элизабет Роу от Мертвых к Живым»⁵⁶.

Мистер Бронте прививал своим девочкам вкус к чтению, и хотя мисс Бренуэлл ставила этому определенные пределы с помощью разнообразных домашних занятий, в которых они обязаны были не просто принимать участие, но и достичь совершенства, в силу чего они занимали большую часть каждого дня, им разрешалось брать книги из библиотеки в Кейли. Должно быть, они совершили немало счастливых прогулок, преодолевая четыре долгие мили с какой-нибудь новой книгой в руках, в которую им так не терпелось заглянуть по дороге домой. Не то чтобы среди книг были, что называется, новинки; в начале 1833 года подруги неожиданно и почти одновременно обнаружили роман «Кенилворт»⁵⁷, и вот что Шарлотта пишет о нем:

«Я рада, что тебе нравится «Кенилворт»; он, конечно, скорее напоминает романтическую историю, чем роман, и, по моему мнению, это одна из самых интересных вещей, которые когда-либо вышли из-под пера великого сэра Вальтера. Варни – это, бесспорно, воплощение законченного злодейства, и, изображая его темный и чрезвычайно изворотливый ум, Скотт демонстрирует, как прекрасно он разбирается в человеческой натуре. Свое восприятие действительности он преподносит столь мастерски, что заставляет и читателей разделять свое мнение».

Каким бы заурядным ни был этот отрывок, в некотором отношении он замечателен: во-первых, вместо того, чтобы обсуждать сюжет или историю, она анализирует характер Варни; во-вторых, ничего не зная о мире в силу своей юности и уединения, она так привыкла слышать о том, что «человеческой природе» нельзя доверять, что принимает слова о совершенном злодействе и изворотливости без удивления.

Все формальности и жеманство, содержащиеся в ее письмах к Э., исчезли по мере того, как укреплялась их дружба и они побывали друг у друга в гостях, так что мелкие детали, касающиеся людей и места, приобрели для них интерес и значение. Летом 1833 года она приглашает свою подругу в гости. «Тетя думала, что будет лучше (говорит она) отложить приезд примерно до середины лета, так как зима и даже весна чрезвычайно холодные и унылые времена года в наших горных краях».

Первое впечатление, произведенное на гостью сестрами ее школьной подруги, касалось Эмили: это была высокая длиннорукая девочка, в большей степени оформившаяся, чем ее старшая сестра, и чрезвычайно замкнутая. Я делаю различие между застенчивостью и замкнутостью, так как мне представляется, что застенчивость могла бы понравиться, если бы сумела сделать некоторые усилия, в то время как сдержанности все равно, нравится она или нет. Энн, как и ее старшая сестра, была застенчивой, а Эмили замкнутой.

⁵⁶ «Дружба в смерти, в двадцати письмах от мертвых к живым» – сборник Элизабет Роу, поэтессы, придерживавшейся неконформистских взглядов, опубликованный в 1728 г.

⁵⁷ «Кенилворт» – роман Вальтера Скотта, опубликованный в 1821 г.

Бренуэлл был довольно симпатичным мальчиком с «рыжеватыми» волосами, если использовать определение мисс Бронте для обозначения более противного цвета. Все были очень умны, оригинальны и совсем не похожи на других людей или родственников, которых Э. когда-либо видела. Но в целом это был радостный визит для всех. В письме к Э. сразу после ее возвращения домой Шарлотта пишет: «Если бы я рассказала тебе о впечатлении, которое ты произвела на всех здесь, ты бы заподозрила меня в лести. Папа и тетя без устали ставят тебя мне в пример во всем, что касается поведения. Эмили и Энн говорят, что им «никогда никто не нравился так, как ты». А Тэбби, которую ты совершенно очаровала, говорит уйму всякой чепухи о Вас, моя леди, и я не стану это повторять. Уже так темно, что, несмотря на мой редкий дар видеть в темноте, который мне приписывали юные леди в Роу-Хед, я не могу больше строчить».

Для всякого посетителя пасторского дома заручиться добрым словом Тэбби значило немало. У нее была йоркширская пронизательность, и нравился ей далеко не каждый.

При строительстве Хаурта не учитывались никакие санитарные соображения: большое старое кладбище расположено над домами, и страшно даже подумать, до какой степени были загрязнены источники, снабжающие находящуюся внизу водокачку. Но эта зима 1833–34 годов выдалась особенно сырой и дождливой, и в деревне было как никогда много смертей. Для пасторского семейства это был мрачный сезон: болота стали вязкими и препятствовали привычным прогулкам, люди умирали, и часто раздавался траурный звон, наполняя тяжелый воздух своим скорбным гулом, а когда он умолкал, раздавалось «тук-тук-тук» из соседнего сарайчика, где каменщик вытесывал надгробные памятники. Во многих людях, живущих фактически на кладбище – а ведь пасторский дом был окружен им с трех сторон – и постоянно имеющих перед глазами и на слуху напоминания о похоронных обрядах, как будто они составляют часть обыденной жизни, близость смерти вызывает равнодушную реакцию. Но с Шарлоттой Бронте было иначе. Одна из ее подруг пишет: «Я видела, как она побледнела и почувствовала слабость, когда кто-то в церкви Хартсхед случайно заметил, что мы ходим по могилам».

Приблизительно в начале 1834 года Э. впервые отправилась в Лондон. Мысль о путешествии ее подруги произвела какое-то странное впечатление на Шарлотту. Похоже, она сформировала свое мнение о возможных последствиях из публикаций в «Британских эссеистах», «Рэблере», «Мирроре» или «Лаунджерере», которые, видимо, стояли на книжных полках в пасторском доме посреди изданий классики, ибо она явно воображает, что бесповоротная перемена в худшую сторону является типичным результатом посещения «великой метрополии», и приходит в восторг, узнав, что Э. осталась все той же Э. Как только уверенность в подруге восстановлена, включается ее воображение под влиянием идей о несусветных чудесах, которые можно увидеть в большом знаменитом городе.

«Хаурт, 20 февраля 1834.

Твое письмо доставило мне подлинное и глубокое удовольствие, вызвав у меня немало изумление. Мери раньше уже уведомяла меня о твоём отъезде в Лондон, и я не решалась рассчитывать на какие-либо сообщения от тебя, пока ты окружена великолепием и новизной этого великого города, который называют торговой метрополией Европы. Полагаясь на мои представления о человеческой натуре, я думала, что маленькая деревенская девочка, оказавшаяся впервые в ситуации, столь искусно созданной для того, чтобы возбуждать любопытство и отвлекать внимание, совершенно забудет, по крайней мере на какое-то время, о всем далеком и привычном и целиком отдастся тем сценам, которые предстанут перед ее взором. Однако твоё доброе, интересное и столь доброжелательное письмо доказало мне, что я была не права и не милосердна в своих предположениях. Меня очень позабавил твой беспечный тон при описании Лондона и его чудес. Не испытала ли ты трепет, глядя на собор Св. Павла

или Вестминстерское аббатство? Не было ли у тебя чувства интенсивного жгучего интереса, когда в Сент-Джеймс ты увидела дворец, служивший резиденцией многочисленным королям Англии, и когда ты любовалась их настенными портретами? Тебе не следует слишком бояться показаться *деревенщиной*; великолепие Лондона вызывало удивленные восклицания путешественников, хорошо знавших свет во всеми его чудесами и красотой. Видела ли ты уже кого-либо из великих персон, которых заседание парламента удерживает сейчас в Лондоне – герцога Веллингтонского, сэра Роберта Пила, графа Грея, мистера Стенли, мистера О’Коннела? На твоём месте я бы не слишком стремилась предаваться чтению во время пребывания в этом городе. Сейчас для наблюдений тебе следует полагаться на свои глаза и хотя бы на время отложить те зрелища, которые создают для нас писатели».

В постскрипуме она добавляет:

«Не могла бы ты любезно сообщить мне, сколько музыкантов играет в королевском военном оркестре?»

Примерно в том же ключе она пишет:

«19 июня.

Моя дорогая Э.

Теперь я могу так тебя называть искренно и по справедливости. Ты уже вернулась или же возвращаешься из Лондона, из великого города, столь же мифического для меня, как Вавилон, или Ниневия, или Древний Рим. Ты покидаешь то, что называется «свет», сохранив в себе – насколько я могу составить представление по твоим письмам – столь же неискушенное, естественное и правдивое сердце, как то, что было у тебя до того, как ты туда отправилась. Я неохотно, очень неохотно верю заявлениям других людей, предпочитая доверять своим собственным чувствам. Я могу разобраться в себе, но души остального человечества для меня книга за семью печатями, свиток, испещренный иероглифами, который мне нелегко распечатать и расшифровать. И все же со временем путем сосредоточенных занятий и продолжительного знакомства можно преодолеть большинство трудностей, а в отношении тебя, мне кажется, я успешно разглядела и восстановила тот тайный язык, чьи извороты, изгибы, непоследовательность и темные места так часто ставят в тупик честных наблюдателей, исследующих человеческую натуру... Я искренне благодарна тебе за твое внимание к столь безвестной персоне, как я, и надеюсь, что удовольствие мое не ограничивается эгоизмом. Я верю, что частично оно происходит от осознания, что моя подруга обладает характером высшего порядка и большей стойкостью, чем мне казалось раньше. Не многие девочки поступили бы так, как ты, впитывая в себя весь блеск, мишуру и внешнее великолепие Лондона без каких-либо перемен в характере или ущерба для сердца. В твоих письмах я не вижу никакой аффектации, никакой фальши, никакого легкомысленного презрения к простоте и показного восторга перед людьми и предметами».

В наше время дешевых железнодорожных поездок нельзя не улыбнуться при мысли, что краткое посещение Лондона, как бы оно ни воздействовало на ум, может иметь какое-либо значительное влияние на характер. Но ее Лондон – ее великий мифический город – был городом предыдущего века, куда избалованные дочери тащили своих отцов или отправлялись с неблагоприятными друзьями, что наносило ущерб всем их лучшим качествам, а иногда рушило их судьбы. Для нее это была ярмарка тщеславия из «Путешествия пилигрима»⁵⁸.

Но взгляните, с каким завидным чувством справедливости она отзывается об определенном предмете, отказываясь подвергать критике некоторые из его сторон.

⁵⁸ «Путешествие пилигрима в небесную страну» – произведение Джона Буньяна, опубликованное между 1678-м и 1688 гг.

«Хауорт, 4 июля 1834.

В своем последнем письме ты просишь, чтобы я перечислила твои недостатки. Ну в самом деле, как ты можешь говорить такие глупости! Я не буду рассуждать о твоих недостатках, потому что мне они неизвестны. Что это будет за существо, которое, получив нежное и теплое письмо от любимой подруги, в ответ сядет и составит перечень ее несовершенств! Вообрази меня за этим занятием, а потом подумай, какими эпитетами ты меня наградишь. Высокомерная ханжа, лицемерка, маленькая притворщица – и это еще самые щадящие. Моя дорогая! У меня нет ни времени, ни желания задумываться о твоих *недостатках*, когда ты так далеко от меня, а кроме того, когда твои милые письма и подарки постоянно выставляют для меня твою доброту в самом выгодном свете. И потом, ты окружена рассудительными родственниками, которые гораздо лучше смогут исполнить это неприятное поручение. Я не сомневаюсь, что ты полностью можешь полагаться на их советы, зачем же тогда навязывать тебе мои? Если ты не желаешь слушать даже *их*, то, даже если бы кто-нибудь вернулся с того света, чтобы поучать тебя, это было бы напрасно. Давай оставим всю эту чепуху, если ты меня любишь. Мистер Х. собирается жениться, не так ли? Ну что ж, его избранница оказалась мне умной и любезной дамой, насколько я могу судить по краткому общению с ней и по твоим рассказам. Нужно ли мне к этим комплиентам добавить список ее недостатков? Ты говоришь, что решается вопрос о твоем отъезде из N. Как жаль. N. – приятный уголок, один из старинных семейных особняков Англии, окруженный лужайками и лесом, напоминающий о прошлом и вызывающий (по крайней мере у меня) приятные чувства. M. показалось, что ты не очень подросла, ведь так? Я совсем не подросла, я все еще такая же коренастая коротышка. Ты просишь порекомендовать тебе какие-нибудь книги. Сделаю это по возможности кратко. Если ты любишь поэзию, пусть она будет первосортной: Мильтон, Шекспир, Томсон, Голдсмит, Поуп (если хочешь, хотя у меня он не вызывает восхищения), Скотт, Байрон, Кэмпбелл, Водсворт и Саути. Не удивляйся при виде имен Шекспира и Байрона. Оба были великими людьми, и их произведения столь же велики. Ты поймешь, как выбирать лучшее и избегать зла; их лучшие отрывки всегда самые чистые, а плохие неизбежно вызывают протест, и перечитывать их больше не хочется. Можешь пропустить комедии Шекспира и «Дон Жуана», возможно «Каина», Байрона, хотя последняя поэма великолепна, а остальное читай смело, лишь развращенный ум может найти зло в «Генрихе VIII», «Ричарде III», «Макбете», «Гамлете» и «Юлии Цезаре». Никакого вреда не может нанести тебе сладостная, буйная, романтическая поэзия Скотта. Ни стихи Водсворта, ни Кэмпбелла, ни Саути, по крайней мере, большая часть им написанного, хотя некоторые, безусловно, являются спорными. По истории читай Хьюма, Роллина или «Всемирную историю», если *сможешь*, я так и не прочла ее. Из художественной прозы читай только Скотта, все романы после него никуда не годятся. Из биографий читай «Жизнеописания поэтов» Джонсона, «Жизнь Джонсона» Босвелла, «Жизнь Нельсона» Саути, «Жизнь Бернса» Локхарта, «Жизнь Шеридана» Мура, «Жизнь Байрона» Мура, «Останки Вулфа». По естественной истории читай Бевика и Одюбона и Голдсмита, а также «Историю Сельборна» Уайта. Книги по богословию тебе может порекомендовать твой брат. Все, что я могу сказать, – отдавай предпочтение классическим авторам и избегай новшества».

Судя по этому списку, у нее должен был быть хороший выбор книг. Очевидно, нравственные соображения двух этих корреспонденток складывались с тревожной оглядкой на многие вопросы, обсуждаемые строгими приверженцами религии. Впечатлительная Э. нуждалась в одобрении Шарлотты, чтобы принять моральный облик Шекспира. А через какое-то время она спросила, есть ли что-нибудь предосудительное в танцах, если заниматься ими час или два в компании мальчиков и девочек. Шарлотта отвечает: «Я не могу без колебаний высказывать мнение, противоречащее мнению господина Х. или мнению твоей прекрасной

сестры, но вот как я это себе представляю. Все согласны, что греховность танцев состоит не только в том, чтобы «крутить хвостом» (как говорят шотландцы), но в сопровождающих это занятие легкомыслии и трате времени. Но если это происходит, как в описываемом тобой случае, во имя упражнений и развлечения на протяжении часа в компании молодых людей (которым, несомненно, может быть дозволено немного веселья), таких последствий быть не может. Ergo⁵⁹ (как я привыкла аргументировать свою точку зрения), развлечение при таких обстоятельствах совершенно невинно».

Хотя расстояние между Хауртом и Б.⁶⁰ составляло всего семнадцать миль, прямой переезд из одного места в другое был невозможен без аренды двуколки или какого-либо иного экипажа. Поэтому поездке Шарлотты предшествовали немалые приготовления. Не всегда была свободна хауртская двуколка, а мистеру Бронте часто не хотелось обременять других людей просьбами встретить ее в Брэдфорде или в каком-либо ином месте. У всех у них было в избытке той щепетильной гордости, из-за которой они опасались оказаться в долгу или «слишком засидеться» в гостях. Мне даже кажется, что мистер Бронте гордился своим недоверием к другим как подтверждением его особого понимания человеческой природы. Его наставления на этот счет, вкупе с пессимизмом самой Шарлотты, побуждали ее не слишком любить, дабы не надоест предмету своего чувства, поэтому она всегда старалась затаить свое расположение и скупое дарила свое общество, бесценное для ее истинных друзей. В соответствии с этими правилами поведения, когда ее приглашали на месяц, она проводила в кругу родственников Э. лишь две недели, а они с каждым ее посещением все больше располагались к ней и принимали ее со столь же тихой радостью, с которой приветствовали бы родную сестру.

Она сохраняла свой детский интерес к политике. В марте 1835 года она пишет: «Что ты думаешь о политическом положении? Я задаю этот вопрос, так как считаю, что теперь ты проявляешь к этому живой интерес, хотя раньше тебя политика особо не интересовала. Как ты знаешь, Б. одержал победу. Негодяй! Когда я ненавижу, то ненавижу от всей души, и если кто-то внушает мне безграничное отвращение, так это этот человек. Но Оппозиция расколота на яростных защитников и пассивных сторонников, а герцог (очень по-герцогски) и сэр Роберт Пил не демонстрируют никакой растерянности, хотя дважды они уже проиграли. Итак, «Courage, mon amie», как говорили в старину всадники перед тем, как вступить в бой».

В середине лета 1835 года в пасторском доме обсуждался грандиозный семейный план. Вопрос заключался в том, в какое ремесло или профессию определить Бренуэлла. Ему было почти восемнадцать, и настало время решить этот вопрос. Без сомнения, он был очень умен, возможно, это был самый выдающийся член этой неординарной семьи. Сестры едва ли отдавали себе отчет в собственных талантах, но в *его* талантах они были твердо уверены. Отец, не осведомленный о многих его проступках, с почтением относился к великим дарованиям своего сына, ибо свои таланты Бренуэлл охотно и без промедления демонстрировал, чтобы поразвлечь окружающих. Ему импонировало всеобщее обожание. Это приводило к тому, что его приглашали на поминки и на все значительные деревенские празднества, ведь йоркширцы получают большое удовольствие от общения с умными людьми. Благодаря его уму за ним также закрепилась нелестная репутация человека, чье общество хозяин «Черного Быка» рекомендовал любому случайному проезжему, которому грустно было пить в одиночестве. «Не желаете ли, чтобы кто-нибудь помог вам приговорить эту бутылочку, сэр? Если хотите, я пошлю за Патриком» (так до самой его смерти звали его жители деревни). И, послав за Бренуэллом, хозяин занимал гостя рассказами о чудесных способностях мальчика, чьим не по годам развитым умом и великим искусством беседы гордилась вся деревня. Приступы

⁵⁹ Ergo (лат.) – следовательно.

⁶⁰ Бирстолл – городок неподалеку от Дьюсбери, где находился дом Эллен Насси.

болезни, которым мистер Бронте был подвержен в пожилом возрасте, не только делали необходимым, чтобы он принимал пищу в одиночестве (дабы не соблазняться вредными для него блюдами), но и желательным, чтобы сразу после обеда он пребывал в абсолютном покое. И эти ограничения в сочетании с его пасторскими обязанностями отчасти явились причиной его неосведомленности о том, как его сын проводит свободное от занятий время. Свою собственную молодость он провел среди людей того же калибра, как те, в среду которых попал сейчас Бренуэлл, но, обладая сильной волей и решительностью, он ставил себе серьезные цели и упорно к ним стремился, чего не хватало его более слабохарактерному сыну.

Удивительно, как сильно всю семью привлекало рисование. Мистер Бронте позаботился о том, чтобы у них были хорошие учителя. Сами девочки обожали все, что было с этим связано – описания и гравюры знаменитых картин, а при нехватке качественных репродукций они анализировали любой попавшийся под руку рисунок, доискиваясь, сколько умственной работы потребовалось для создания данной композиции, какие идеи она должна была выражать и какие она действительно *выразила*. Столь же увлеченно они трудились над созданием своих картин в воображении, если им чего-либо и не хватало, так это таланта воплощения, а не воображения. Одно время Шарлотта подумывала стать профессиональной художницей и утомляла свои глаза, рисуя с детальностью прерафаэлитов, но не с их точностью, так как она рисовала из воображения, а не с натуры.

Но все они считали, что в способностях к рисованию Бренуэлла никакого сомнения быть не может. Я видела его картину маслом, не знаю, когда написанную, но скорее всего приблизительно в это время. Это был групповой портрет его сестер в натуральную величину, изображенных в три четверти; она была не намного лучше, чем вывески, но сходство мне показалось замечательным. Судить о том, насколько достоверно изображены две другие сестры, я могу только благодаря потрясающему сходству между Шарлоттой, которая держала массивную раму и соответственно стояла за ней, и ее изображением, хотя с тех пор, как был закончен портрет, прошло, наверно, лет десять. Почти посередине композиция была разделена объемной колонной. Со стороны колонны, освещенной солнцем, стояла Шарлотта, в женственном платье по моде того времени, с рукавами жиги и большим воротником. Глубоко в тени с другой стороны находилась Эмили, на плече у которой покоилось нежное лицо Энн. Выражение Эмили поразило меня тем, что оно было полно силы, Шарлотты – озабоченности, Энн – нежности. Две младшие сестры еще вряд ли окончательно оформились, хотя Эмили была выше Шарлотты; у них были стриженные волосы и платья более детского фасона. Я смотрела на два грустных, серьезных лица, на которые падала тень, и спрашивала себя, можно ли было угадать таинственное выражение, которое, как говорят, предвещает раннюю смерть. Доверчиво и суеверно я тешила себе надеждой, что колонна отделяла их судьбу от ее, что в жизни, как и на полотне, она будет стоять отдельно от них и ей удастся выжить. Мне хотелось верить, что яркая сторона колонны была обращена к ней, что свет в картине падал именно на нее; мне следовало бы вместо этого искать в ее изображении – нет, на ее живом лице – знак смерти в расцвете лет. Портреты обладали сходством, но были плохо исполнены. Видимо, с тех пор семейство уверовало в то, что если бы только Бренуэлл обладал возможностью и, увы (!), просто моральными качествами, из него вышел бы великий художник.

Наилучшим способом приготовить его к этому, как им казалось, было послать его учиться в Королевскую академию. Осмелюсь утверждать, что он страстно желал последовать по этому пути, главным образом потому, что он привел бы его в загадочный Лондон – этот великий Вавилон, который, похоже, занимал воображение и настойчиво проникал в мысли всех юных членов этой семьи затворников. Для Бренуэлла это было больше, чем живое воображение, – почти реальность. Он штудировал карты и был так хорошо знаком с городом, включая даже всякие обходные пути, как будто он там жил. Бедняга, как он заблуж-

дался! Ему так и не удалось осуществить заветную мечту увидеть и узнать Лондон, как не удалось утолить и еще более сильную жажду славы. Ему было суждено рано умереть, загубив свою жизнь. Однако в 1835 году все его домочадцы были заняты размышлениями о том, как наилучшим образом поддержать его в его стремлениях и как помочь ему достичь той вершины, куда он так стремился. Давайте послушаем, как Шарлотта объясняет их планы. Это не первые сестры, пожертвовавшие своей жизнью во имя культа, в который возводятся желания брата. Дай бог, чтобы они были последними из тех, кто столкнулся со столь ничтожной отдачей!

«Хауорт, 6 июля 1835.

Я рассчитывала на чрезвычайное удовольствие увидеть тебя этим летом в Хауорте, но дела человеческие подвержены переменам, и людские решения должны подчиняться ходу событий. Все мы очень скоро расстанемся, разъедемся, разойдемся. Эмили отправляется в школу, Бренуэлл едет в Лондон, а я собираюсь стать гувернанткой. Я сама приняла такое решение, зная, что в какой-то момент мне предстоит совершить этот шаг, так лучше не откладывать в долгий ящик и отдавать себе отчет в том, что у папы найдется, как потратить его скромный доход, если Бренуэлл получит место в Королевской академии, а Эмили в Роу-Хед. Где же я буду жить? – спросишь ты. В четырех милях от тебя, в месте, с которым мы обе знакомы, ни где-либо, а в вышеназванном Роу-Хед. Да! Я собираюсь преподавать в той же школе, где я училась. Я получила предложение от мисс Вулер, которое я предпочла паре других предложений устроиться частной гувернанткой, полученных ранее. Мне грустно – очень грустно – думать о том, что я покину свой дом, но долг и необходимость – это строгие повелительницы, которым нельзя не подчиняться. Ведь я не раз говорила, что следует быть благодарной за свою независимость, не так ли? Я искренне говорила это тогда и повторяю сейчас со всей серьезностью; если что-нибудь и ободряет меня, так это мысль о том, что я буду находиться вблизи от тебя. Разумеется, вы с Полли приедете навестить меня, было бы несправедливо с моей стороны в этом сомневаться, ты ведь всегда была добра ко мне. Мы с Эмили покидаем дом 27 числа этого месяца, мысль о том, что мы будем вместе, отчасти утешает нас обеих, и, конечно, раз уж я должна поступить на службу, «межи мои прошли по прекрасным местам»⁶¹. Я люблю и уважаю мисс Вулер».

Глава 8

29 июля 1835 года Шарлотта, которой к этому времени было чуть больше девятнадцати лет, поступила учительницей к мисс Вулер. Эмили прибыла с ней как ученица, но буквально захворала от тоски по дому; она никак не могла привыкнуть и, проведя в Роу-Хед лишь три месяца, вернулась в пасторский дом и к своим любимым болотам.

Мисс Бронте дает следующее объяснение причин, из-за которых Эмили не смогла остаться в школе и уступила место на школьной скамье своей младшей сестре.

«Моя сестра Эмили обожала болота. Для нее в самой гуще вереска цвели цветы ярче роз, а любую мрачную дыру на бесцветном склоне ее воображение превращало в райские кущи. Она находила много прелести в унылом одиночестве и больше всего любила вольность. Для Эмили вольность была как воздух, без нее она бы погибла. То, что она не смогла вынести – это переезд из дома в школу, переход от совершенно бесшумного, крайне уединенного, но нестесненного и безыскусственного образа жизни к дисциплинарной рутине (хотя и при самом добром обхождении). В данном случае ее натура оказалась сильнее ее выдержки. Просыпаясь каждое утро, она мгновенно представляла себе дом и болота, и это

⁶¹ Строки из псалма 15:6.

видение навевало печаль и омрачало начинающийся день. Всем, кроме меня, было невдомек, что ее терзало. Я же понимала это слишком хорошо. Эта борьба быстро подорвала ее здоровье: бледность, истощенный вид и убывающие силы намекали на приближающийся кризис. В сердце своем я знала, что она погибнет, если не вернется домой, и с этим убеждением добилась ее отъезда. В школе она провела лишь три месяца, и прошло немало лет, пока мы не решились повторить эксперимент, отправив ее из дома».

После того, как физические муки, испытываемые Эмили вне дома, повторились еще несколько раз при подобных обстоятельствах, все приняли это как факт, и когда какая-либо из сестер собиралась в дорогу, они решали, что Эмили должна оставаться дома, в единственном месте, где она хорошо себя чувствовала. Она покинула дом еще дважды в своей жизни: один раз, когда устроилась учительницей в школу в Халифаксе, где пробыла шесть месяцев, а другой, когда в течение десяти месяцев она была с Шарлоттой в Брюсселе. Находясь дома, она взяла на себя основные обязанности по приготовлению пищи, а также по глажке белья, а когда Тэбби состарилась и потеряла здоровье, Эмили стала печь хлеб для всей семьи. Любопытный проходящий мимо кухонной двери мог наблюдать, как в то время как она месила тесто, она изучала немецкий, водрузив перед собой книгу, но никакая учеба, даже самая захватывающая, не сказывалась на качестве хлеба, который всегда был прекрасным и воздушным. Книги действительно можно было нередко увидеть в их кухне. Отец учил девочек теоретически, а тетя на практике, что принимать активное участие в работе по дому было в их положении обычной женской обязанностью. Но аккуратно распределяя время, они находили немало свободных минут для чтения, пока в печи выпекались пирожные, и совмещение двух разных занятий удавалось им лучше, чем королю Альфреду.

Жизнь Шарлотты у мисс Вулер была очень счастливой, пока ее не подвело здоровье. Она искренне любила и уважала свою бывшую наставницу, чьей компаньонкой и подругой она стала теперь. Девочки едва ли были ей чужими, ведь многие из них были младшими сестрами ее одноклассниц. Хотя ежедневные обязанности могли быть скучными и монотонными, она всегда предвкушала два-три приятных часа вечером, когда они с мисс Вулер вместе засиживались – иногда допоздна – за тихой беседой, прерываемой столь же приятным молчанием, так как каждая знала, что как только ее посетит какая-либо мысль или соображение, которое ей захочется высказать, она найдет в своей собеседнице внимательную слушательницу, и при этом никто не заставляет их «поддерживать разговор».

Примерно в это время под городом Лидс произошел инцидент, возбуждавший немалый интерес. За молодой девушкой, которая служила гувернанткой в очень приличной семье, ухаживал один джентльмен, затем женившийся на ней. Он занимал довольно незначительное место в коммерческой фирме, у главы которой работала эта молодая женщина. Через год после свадьбы, в течение которого она успела родить ребенка, выяснилось, что у того, кого она называла мужем, уже была жена. В донесении говорится, что его первая жена была душевнобольной и что он воспользовался этим обстоятельством, чтобы оправдать в собственных глазах повторный брак. Но в любом случае положение супруги, которая на самом деле таковой не являлась, невинной матери незаконнорожденного ребенка, вызывало глубочайшее сочувствие, и это дело широко обсуждалось во всей округе, включая и Роу-Хед.

Мисс Вулер всегда стремилась сделать все, что было в ее силах, чтобы дать мисс Бронте любую возможность для отдыха, но трудность заключалась в том, чтобы убедить ее воспользоваться приглашениями провести субботу и воскресенье у Э. или у Мери, живших на расстоянии пешей прогулки. Мисс Бронте была убеждена, что отлучка стала бы нарушением ее долга, и отказывала себе в столь необходимом ей развлечении, несмотря на то что ее постоянное и чрезмерное самоограничение могло нарушить ее физическое или душевное равновесие. И действительно, судя по отрывку из ранее упомянутого письма от Мери, в котором говорится об этом времени, становится ясно, что дело обстояло именно так.

«Три года спустя» (после того периода, когда они вместе учились в школе) «я узнала, что она устроилась учительницей к мисс Вулер. Я навестила ее и спросила, как она может так выкладываться за столь ничтожную зарплату, при том что она вполне может обойтись и без нее. Она призналась, что после расходов на одежду для себя и Энн ничего не остается, хотя она и рассчитывала кое-что отложить. Она подтвердила, что ситуация была не блестящей, но что же делать? Мне нечего было ей ответить. Казалось, ей были чужды любые интересы и удовольствия, кроме чувства долга, а когда у нее выдавалось свободное время, она обычно сидела в одиночестве и предавалась выдумкам. Позднее она рассказала мне, как однажды вечером засиделась в туалетной комнате до темноты и вдруг испугалась, оглянувшись вокруг». Нет сомнений, что она хорошо об этом помнила, когда описывала, как подобный ужас охватил Джейн Эйр. В романе она пишет: «Я сидела, глядя на белую кровать и стены, на которые падала тень – иногда бросая зачарованный взор на мерцающее зеркало – и начала вспоминать рассказы о мертвецах, не нашедших покоя в могилах... Я решила проявить стойкость, – откинув челку с глаз, я подняла голову и старалась смело смотреть сквозь темную комнату; в этот момент лунный луч проник сквозь щель в жалюзи. Да нет! Лунный свет был неподвижен, и это меня взбудоражило – ведь мое воображение было настроено на ужас, а нервы чрезвычайно натянуты. Я подумала, что стремительный луч предвещал некое видение из иного мира. Сердце колотилось, кровь бросилась в голову, мой слух уловил звук, который я приняла за шелест крыльев, я ощутила чье-то присутствие рядом с собой».

«С тех пор, – добавляет Мери, – ее воображение было настроено на мрачный и пугливый лад. Она ничего не могла с собой поделать, как не могла и перестать думать. Она не могла подавить мрачный настрой, не могла ни спать по ночам, ни заниматься обычными делами днем».

Разумеется, описанный недуг наступил постепенно, и он не отражает ее состояния в 1836 году. И все же даже тогда в некоторых ее выражениях сквозит уныние, с грустью напоминающее о некоторых письмах Купера⁶². Удивительно и то, какое глубокое впечатление произвели на нее его стихи. Я полагаю, что его слова и строки приходили ей на ум чаще, чем стихотворения какого-либо иного поэта.

«10 мая 1836.

Меня поразила записка, посланная тобой вместе с зонтом; она свидетельствует о степени заинтересованности в моих проблемах, которую я не могу ожидать ни от одного земного существа. Не буду лицемерить и отвечать на твои добрые, нежные, дружеские вопросы так, как ты от меня этого ожидаешь. Не обольщайся на мой счет, воображая, что я обладаю хоть каплей подлинной доброты. Дорогая моя, если бы я была похожа на тебя, мое лицо было бы обращено к Сиону, хотя предрассудки или заблуждения и набрасывали бы изредка туманный покров на открывающееся передо мной великолепное зрелище – но я *не такая*, как ты. Если бы ты знала мои мысли, мечты, которые иногда поглощают меня, и обуревающее меня пламенное воображение, из-за которого общество как таковое кажется мне ужасно скучным, ты бы жалела и, осмелюсь сказать, презирала меня. Но мне открыты сокровища Библии, я их обожаю. Я вижу Источник Жизни во всей его чистоте и яркости, но когда я наклоняюсь к нему напиться чистой воды, она бежит от губ моих, как от губ Тантала⁶³.

Ты слишком добра, посылая мне столь частые приглашения. Ты ставишь меня в затруднительное положение. Я почти не умею отказывать, а принимать приглашения мне еще более

⁶² Вильям Купер (William Cowper (1731–1800) – английский поэт.

⁶³ Тантал – мифический царь Сипила во Фригии, сын Зевса и фригийской царицы Плуты, любимец богов, имевший доступ на их пиры. Возгордившись, Тантал начал испытывать всеведение богов и, оскорбив их, был низвергнут в Аид и обречен на нестерпимые муки («танталовы муки»). По Гомеру, мучимый жаждой Тантал, стоящий по горло в воде, не может напиться, так как вода бежит от его губ.

неловко. В любом случае, на этой неделе я не могу приехать, так как мы находимся в самой гуще *mêlée*⁶⁴ повторений. Я выслушивала чудовищную пятую секцию, когда принесли твою записку. Но мисс Вулер говорит, что мне надо поехать в следующую пятницу к Мери, так как она дала за меня обещание в Троицу, а в воскресенье утром я присоединюсь к тебе в церкви, если это удобно, и останусь до понедельника. Вот мое свободное и бесхитрое предложение! К этому меня подтолкнула мисс Вулер. Она говорит, что это вопрос ее репутации».

Славная, добрая мисс Вулер! Какими бы монотонными и утомительными ни были обязанности, которые Шарлотта должна была выполнять под ее крышей, рядом всегда был сердечный и внимательный друг, побуждающий ее воспользоваться любым подвернувшимся маленьким развлечением. И во время этих летних каникул 1836 года ее подруга Э. приехала к ней в Хаурт, так что им точно удалось провести вместе счастливые дни.

Вот несколько писем, не датированных, но написанных во второй половине этого года. И опять они заставляют подумать о нежной и меланхоличной манере Купера.

«Моя дорогая Э.

Я просто вне себя от возбуждения, прочитав твое письмецо; оно не похоже ни на одно письмо, когда-либо мною полученное, – такое безудержное излияние теплого, нежного, великодушного сердца... Я от всей души благодарю тебя за твою доброту. И больше не буду уклоняться от ответа на твои вопросы. Я действительно *хочу* стать лучше. Иногда я горячо молюсь о том, чтобы стать лучше. Я испытываю угрызения совести, приливы раскаяния, мимолетные видения божественного, чего-то невыразимого, что раньше было мне чуждо; все это может исчезнуть, я могу оказаться в крошечной мгле, но я молю Спасителя: если это и есть предвестие откровения, пусть оно превратится в яркий день. Не впадай в заблуждение на мой счет, не думай, что я хороший человек, я лишь желаю стать таковым. Я так ненавижу свою былую дерзость и развязность. Ах! Я ничуть не лучше, чем раньше. Я нахожусь в таком состоянии ужасной, мрачной неуверенности, что в данный момент я бы согласилась стать старой и седой, со всеми наслаждениями юности уже позади, стоящей одной ногой в могиле, если бы это только открыло передо мной перспективу примирения с Богом и спасение через деяния его Сына. Я никогда не относилась к этим вопросам небрежно, но у меня всегда были туманные и недостойные представления о них, а сейчас, если такое возможно, надо мой собираются еще более черные тучи, и еще более тяжелое отчаяние тяготит мой дух. Ты ободрила меня, моя милая; одно мгновение, один атом времени я думала, что смогу назвать тебя моей духовной сестрой, но возбуждение прошло, и мне все так же тяжело и безнадежно, как и всегда. Этой же ночью я буду молиться, как ты того желаешь. Только бы Всевышний благосклонно выслушал меня! И я смиренно надеюсь, что он выслушает, так как ты укрепишь мои недостойные просьбы своей собственной чистой мольбой. Вокруг меня царит суэта и смятение, барышни пристают ко мне со своей арифметикой и уроками... Если ты меня любишь, *приезжай, приезжай, приезжай* в пятницу: я буду ждать тебя, а если ты меня разочаруешь, я стану рыдать. Если бы ты только могла почувствовать мой восторг, когда, стоя у окна в столовой, я увидела, как, проносясь мимо, он швырнул через забор твой маленький пакет».

⁶⁴ *Mêlée* (фр.) – схватка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.